

ДМИТРИЙ ЛАСТОЧКИН

ЗМЕИНЫЙ ДОМ

Неудачник остаётся неудачником, даже если перерождается в другом мире, где удивительные существа и маги такое же обычное явление, что и облака на небе. Но если приложить достаточно усилий...

Глава 1

Если бы существовало соревнование на самую странную смерть, то я бы его не выиграл, но в десяточку точно попал бы. Честное слово! Я умер, стоя на автобусной остановке. Казалось бы, меня должны были сбить — может, поскользнулся и под колёса автобуса упал или какой-нибудь пьяный водитель влетел в остановку, что время от времени бывает. Но нет. Меня убил сом. Рыба такая. Сом. Он прилетел сверху, упал мне на голову и размозжил её в клочья. Как? Рыбы ж не летают! Ну, я могу объяснить это только тем, что ночью были грозы с сильным ветром, даже вроде как какой-то торнадо, так что сома ветром вынуло из реки или озера, поболтало несколько часов в облаках — и скинуло мне на голову. Сомоубийство, так сказать.

Что можно было ожидать после смерти? Туннель со светом в конце, вечный сад с гуриями или хотя бы нирвана какая заваливающаяся? Не знаю. Я всю жизнь считал себя если не атеистом, то агностиком. Есть бог, нет бога — мне было всё равно. Тем более религии давали каких-то странных богов, то заглядывающих женщинам под юбки, то следящим, чтоб ты что-то не то съел. Серьёзно, мужик, ты бог, всемогущий, всеведущий и всё такое. Тебе не всё равно, кто с кем трахается или ковыряются ли пальцем в носу по четвергам?

Ну, в общем, я считал, что после смерти не будет ничего. Как вовремя сна без сновидений — глаза закрылись, глаза открыли. Только глаза уже не откроются. Не то, чтоб я был сильно переживал по этому поводу, мол, как так, чтоб я умер — и всё, ничего не осталось. Ну не осталось и не осталось.

Так вот. После прилёта рыбиной по голове, глаза я всё же смог открыть. И ничего не увидел! Но всё прекрасно чувствовал — я был в каком-то твёрдом полукруглом контейнере, в котором даже швов не было. И мне очень, очень хотелось его разрушить! Я стал брыкаться, шевелиться, бить, насколько это возможно, руками и другими частями тела в оболочку. И в конце концов пробил её! Она хрустнула, проломилась, повиснув на какой-то внутренней прокладке, а в нос мне ударила страшная вонь, от которой аж глаза заслезились! Вашу мать, это что там?! Мне даже как-то расхотелось вылезать... Но что делать, дыра-то уже есть, вонь обратно не выгонишь.

Я вывалился из яйца, весь слизкий, и шлёпнулся на каменный пол животом, руками и хвостом. Хвостом? Хвостом! Я чуть в астрал не вышел от этого осознания. Но да, у меня был хвост вместо ног! Длинный, тонкий хвост! Полежал некоторое время на спине, яростно дыша, потом попытался подняться на ноги. Ну, или на хвост, ладно уж. Раза с третьего у меня получилось, когда я понял, что не надо мозгами это делать, а просто стоит положиться на рефлекс тела.

Краткий осмотр показал, что я не совсем человек. Или совсем не человек. У меня длинный, соразмерный с телом хвост, тощее тело без гениталий, чешуя с явно змеиного хвоста доходит примерно до бёдер, которых, кстати, нет, просто тощее тело переходит в тощий хвост. Голова лысая, вообще всё тело лысое, глаза два, нос, лицо вообще почти человеческое. Зубы только немного другие — четыре клыка место двух на каждой челюсти, а сами зубы более острые и с зазубренной кромкой, такими на раз можно не то, что кусок мяса откусить, но и толстые кости перекусить.

А ещё я мог видеть в инфракрасном диапазоне. Обычного света вообще не было, совершенно, но в каком-то странно зеленовато-красном цвете я всё равно мог видеть.

Кирпичные стены и пол, трубы разного диаметра вдоль стен и даже где-то в районе потолка виднеются. А ещё я то ли меньше ростом стал, что неудивительно, если я только из яйца вылез, или всё тут гигантское.

Кстати, яйцо было не одно, а целых шесть. Но остальные уже были вскрыты, и внутри никого не было. Не знаю, из-за чего это, но остальные пять яиц стояли ближе к тёплой трубе, светящейся тёмно-багровым во тьме. Ну а «моё» было дальше всех, вот я и вылупился последним.

Так, диспозиция ясна, теперь надо понять, что делать. Я какой-то змеечеловек, яйцо с которым засунуто в какое-то вонючее подземелье, смахивающее на просторную канализацию, уж очень вонь на это намекает. Это явно не мир моей Земли. Значит, в этом мире я могу быть вне закона, ну, не конкретно я, а мой вид. Как бы понятно, что змеи не самые желанные соседи. Культ ужей я отбросил как исключение из правил. Может, оставляя свои яйца тут, мать даже защищала меня и моих братьев с сёстрами.

Казалось бы, я тут стою и хладнокровно обдумываю всё, но на самом деле я был в ужасе. Только минуту назад я был в своём мире, на знакомой обстановке, хотел ехать на свою нелюбимую работу. А сейчас я новорожденный змееныш в непроглядной тьме канализации! Хотелось визжать, как девчонке при виде мыши, бегать в произвольных направлениях и искать, кого бы попросить о помощи.

Так или иначе, а нужно отсюда валить. На Земле у змей не было каких-либо родственных чувств, так что сожрать друг дружку у змеят было нормой. И даже мамочка-змея не брезговало своих детишек пожрать. А так как я вылупился последним, то мои братаны и сёстры должны быть побольше меня. Или хотя бы более пришедшими в себя. Если они, как и наши змеи, хотя бы после рождения на инстинктах бегают, то мне трындец будет. Я и убе... уполз.

Очень скоро я понял, что ползти по полу — это зашквар. Он был весь покрыт липкой, мяслянистой гадостью с непередаваемо-мерзким запахом. Хоть моя чешуя (мда, «соя чешуя»). Кто б сказал день назад, что я буду так считать!) была гладкой и даже водоотталкивающей, но всё равно я весь пачкался в этом говне. Так что я залез за трубы и пополз по одной из них, тёплой, но не горячей. А пока заползало, нашел ещё одно своё свойство — мои ногти, до того обычные, при попытке уцепиться за что-то вдруг удлинились и увеличились, став ромбовидными в сечении, с бритвенно-острыми гранями. Ну, я же хищник, неудивительно, что у меня есть когти. Но значит ли это превращение, что тут, в этом мире, есть какая-то магия? Интересно...

Так я ползал несколько часов. Канализация была знатной — галереи, переходы, трубы повсюду. Иногда трубы слегка вибрировали, я это особенно хорошо чувствовал почему-то. Подо мной метро? Может быть. Иногда я встречал колодцы, куда по трубам стекалось говно. А надо мной, судя по всему, был как минимум один этаж других галерей. А может, и несколько, раз никакие звуки с поверхности сюда не доносились. Только я не думал, что стоит вылезать вверх. Может, меня там схватят сразу же за хвост и в клетку посадят. Не хочется проверять. Но и всю жизнь тут копошиться тоже не в радость. Эх...

А потом я проголодался. Сначала я не понял, что это за чувство, всё же страх всё забивал. А потом в животе забурчало — и я узнал. Мдаааа. И что мне тут жрать? Вылавливать полусгнивший мусор среди какашек? Да лучше я сдохну! А хотя...

Внизу, по полу, частенько шмыгали крысы. Здоровенные для меня, как коты размером. Жирненькие, упитанные. Я сам не заметил, как стал на них облизываться. Но... крысы?!

Жрать крыс? Но на выбор или мусор, или крысы. Лучше сожрать крыс.

Хорошо! Поймаю и сожру! Пусть даже сырой! А как поймать? Я спустился на пол возле крысиной тропки — я её увидел по моче, светящейся немного в ультрафиолете, который я тоже мог видеть. Крысы бегали, ссали, а потом по своей свежей моче могли найти дорогу назад. А мне и на руку! В общем, я подкараулил крысов у тропки, бросился в их сторону, быстро работая брюшком, но эти наглые твари не то, что разбежались, они зашипели на меня и попытались меня самого сожрать! Я развернулся и сделал ног... хвост.

Этот план явно не пойдёт. Тогда, пока я мелкий и слабый хищник, придётся охотиться из засады. Я выбрал трубу над крысиной тропой, обмотал её хвостом, а сам свесился и замер, почти не дыша. Даже постарался припасть к стене, чтоб никак не отсвечивать. Пропустил несколько караванов из трёх-четырёх крыс, а когда увидел приближение одиночной, приготовился — и упал на неё сверху, бесшумно расслабив хвост!

Я рухнул на крысюка, вонзил в него когти и впился ему в спину зубами. Крысюк был знатный, чуть ли не с мою руку длиной — и это без хвоста. Кстати, хвост! Им я тоже работал, обвил вырывающуюся тушку и сжал, стараясь что-то сломать. Крыс визжал, барахтался, пытался укусить мой хвост, но чешуя не давала себя прокусить. А у меня во рту уже была его кровь! Вкусная, ароматная, нажористая кровь! Не знаю, что сработало, но из моей верхней челюсти, от самого корня зубов вдруг выдвинулись два тонких, острых зуба — и вонзились в тварь, а я почувствовал, что по ним что-то впрыснулось в крысу. Та пару раз дёрнулась, потом вдруг её мышцы напряглись — и расслабились.

Ух ты! Да я ещё и ядовитая змеюка! Мои ядовитые клыки снова втянулись в дёсна, чтоб не мешать во рту. Удобно! Эволюция постаралась.

Так. Теперь вопрос — как сожрать эту тушу? Отгрызать куски и глотать? Ну, с моими зубами это вполне возможно. Я прополоскал крыса в воде почище, а потом затянул его на трубы, чтоб его приятели, бегающие по этой тропке, не застали за его пожиранием.

Начать я решил с хвоста. Откусил одним движением челюстей, проглотил, как макаронину. Ух! Теперь что? Но мне хотелось не грызть, а всё целиком. Инстинкты показывали, что это самое правильное. Но как?! Он же огромный! А впрочем... Я раскрыл челюсти, а потом попытался сделать так, чтоб они ещё больше раскрылись! И ведь получилось! Челюсть раскрылась так, что вся крыса поместилась туда без проблем. Пищевод тоже оказался довольно эластичный, растянулся — и добыча ухнула мне в желудок, приятно его распирая.

Сытый и довольный, я обвил трубу хвостом и заснул.

Проснувшись «утром», я не сразу понял, где я и что со мной. Тьма, вонь, тёплое, но неудобное ложе — всё это изрядно дезориентировало. Но потом я вспомнил — и мне пришла в голову мысль, что я не перерожден. Я в аду! Кто сказал, что ад должен быть горячим? Мрак вокруг, вонь, срань, говно, гигантские крысы, которые одновременно и опасность, и еда — чем не ад? Может, у этого места вообще нет ни конца, ни начала. Я могу спускаться или подниматься — но этажи будут бесконечными! И везде всё то же... А почему я змей? Может, это такое олицетворение греха?

А, плевать! Я всё равно попытаюсь подняться наверх, там уже посмотрю, что будет. Конечно, раз уж яйцо со мной отложили тут, то у меня могут быть какие-то проблемы наверху. Может, там змеелюдей не любят. Что неудивительно так-то. Но всю жизнь провести тут, питаясь крысами, я что-то вот совершенно не жажду.

Блин, спать на трубе всё же не так удобно, как казалось бы. Даже то, что я могу вокруг неё хвостом обернуться, всё равно не улучшает дело — хвост затекает от напряжения, да и чешуйки на нём какими-то пересушенными кажутся. А вдруг облезут? Зато просыпаться в тепле приятно. Эх, нет в мире совершенства!

А ещё крыса неплохо так переварилась. Вроде на Земле всякие там кости или скорлупу от проглоченных яиц змеи отрывали, потому что переварить не могли. А тут ничего так, даже припухлость на животе, которая была вчера от крысы, сегодня совсем рассосалась и никак не чувствовалась. Надо будет пронаблюдать, чем я потом в туалет схожу. Кстати, а где у меня жопа-то?

Крыса была сытной, голода я совсем не чувствовал, так что решил искать пути наверх. Я не стал спускаться, полз по трубам, огибая крепления. Куда-то же они должны были привести, верно?

Трубы и правда привели меня наверх, к поверхности. Через три дня скитаний по этим бесконечным катакомбам! Километровые коридоры могли завести к шпгреку вниз, к колодцу с гладкими, отполированными водой стенами, а то и вообще к тупику, перегороженному стенкой или сеткой-рабицей. А там, где были нормальные скобы, по которым можно было подняться наверх, расстояние между ними было великовато для меня. Я же ростом был, наверное, с метр всего, да и на скобу ногами опереться не мог — ног-то не было! Хвост помогал, но хреновато. Ещё и шмыгающие повсюду крысы, которых нужно был остерегаться. На третий день ещё и жрать захотелось, пришлось несколько часов сидеть в засаде, выжидая одинокую крысу. Зато расправился я с ней уже весьма профессионально, на зависть всякой кошке.

Передо мной осталось последнее препятствие, преодоление которого потребует всех сил — чугунная крышка канализационного люка! Серьёзно, она весила, наверное, больше, чем я сам сейчас вещу! И как сквозь неё пробиться?! Заполз на скобы, благо верхняя была под самым люком, упёрся рукой — тот едва-едва шелохнулся. Прекрасно! Обвил хвостом скобу, уже двумя руками стал поднимать — появился тоненький, крошечный просвет, но не более того. С полчаса отдыхал, прислушиваясь к звукам снаружи. Странные были звуки... Потом снова закрепился хвостом за скобу, упёрся в неё же руками — и спиной всё же приподнял люк и чуть-чуть сдвинул в сторону, зацепив его краешком за верх колодца. Ура! Я уже почти на свободе!

По глазам резанул яркий, ослепительный свет, я ойкнул и чуть не свалился на землю. Ну вашу ж мать, я совсем этого не учёл. Мои глаза после пяти дней в темноте сейчас любую искру как прожектор ощутят. Пришлось ещё с час сидеть и привыкать, пока глаза привыкнут. Потом, ещё дальше отодвинув люк спиной, я прощмыгнул в открывшуюся щель и оказался на городской улице.

Нет, не на улице — в переулке между кирпичными пятиэтажками. Это был самый обычный двор, который практически ничем не отличался от таковых дворов на Земле. Трансформаторная будка, контейнеры для мусора на отгороженном забором участке, парочка небольших магазинчиков с надписями «Продукты» и «У Пахомыча». Изредка из подъездов пятиэтажек выходили люди, хмурились, некоторые пикали брелками сигнализации и уезжали на машинах (неизвестного вида, но это явно машины), большая же часть уходила пешком. Было прохладно, ранняя весна или поздняя осень. Скорее, весна — у кустов возле домов слишком зелёные листья, чтоб это была осень.

Но больше всего меня потрясли люди! Да что там, значительная их часть людьми вовсе не была! У кого-то были бараньи рога, у других заячьи уши на немного сплюснутой и вытянутой голове, а в самую большую во дворе машину сел натуральный бык — здоровый, больше двух метров ростом, со здоровенной челюстью и нагнутыми вперёд рогами на голове. Да у него даже обувь в виде копыт сделана!

Я перебежал под балконами на другую сторону, где была улица, а не двор — там потоком ехали машины и шли прохожие. Всё так и есть! Примерно две трети людей были мутантами! Кролики, овцы, быки, вон даже олень какой-то прощмыгнул на пешеходном переходе, чуть не устроив аварию.

Что интересно, хищников почти не было. Я наблюдал меньше получаса за улицей, но за это время увидел только какую-то жирную тётку лет пятидесяти с лисьими ушами и хитрой мордой да молодого парня с чертами собаки или волка. Змеюк вроде меня я вообще не наблюдал.

— Эй! Ты что тут делаешь? Да ещё и голышом! — я так увлёкся наблюдениями, что не заметил, как сзади подъехала полицейская машина, и один из полицейских подошел ко мне.

Обернувшись, я увидел перед собой свинью в форме. Серьёзно, это был какой-то свиночеловек с солидным пузом, на которое еле-еле была натянута форма. Даже форменная куртка, казалось, готова была лопнуть на этом живом памятнике салу.

Так, надо делать хвост отсюда! Развернувшись, я помчался к канализационному колодцу, который сейчас казался мне родным и безопасным. Посижу на трубе, отогреюсь, крысу сожру — и жизнь заиграет новыми красками! Главное, подальше от этого свинопотама!

— Ух ты! — выкрикнул свин и побежал за мной, громко ухая и топоча по земле.

Быстрее, быстрее, быстрее! Я изо всех сил работал мышцами хвоста, заодно помогая им руками. И я уже почти опередил свина, почти проскочил в чёрный зёв, как вдруг какая-то сила схватила меня за хвост и дёрнула назад, прямо в руку полицейского.

— Ну-ну, не стоит убежать. Ты же замёрзнешь на улице в таком виде! — добродушно прокряхтел он, прижимая моё тельце к своему животу. — Пошли в машину, там печка работает.

Он и правда отнёс меня к машине, открыл заднюю дверцу и закинул меня внутрь, в отгороженное, на манер американцев, заднее сидение. Сам, сел обратно за руль.

— Это что такое? — ко мне развернулся лицом напарник свина, тощий козёл, судя по

коротким острым рогам, с модными очёчками с тонкой оправой на носу.

— Да серпента мелкая. Наркоманка, наверное — голой бегала под балконами, а от меня в канализацию пыталась убежать.

— Эй, ты нас понимаешь? Говорить можешь? — свин тоже развернулся в мою сторону, с удивительным изяществом скрутившись при его-то пузе.

— Понимаю. — я не видел смысла отпираться.

— Ого! Даже говорит нормально! Может, выветривается доза? — восхитился козёл.

— Может. Тебя как зовут-то?

— Я... я не помню... — хрен знает, какие тут имена, так что я решил косить под больного на голову. Полз-полз, упал, очнулся — а я ничего не помню!

— Мда. Ладно, в участке разберёмся. — пузан завёл двигатель.

В участке обо мне даже позаботились. Принесли какую-то одежду для таких, как я — серпент. Что-то похожее на носок с прорезью для рук и головы, только вязаное, грязно-коричневого цвета. Ну я и натянул это на себя. Сразу стало гораздо теплее! Налили мне стакан горячего чая с сахаром, притаранили откуда-то тройку пирожков домашнего вида. Даже с мясом! Блин, а тут можно жить!

Но потом пришел дежурный или как там его, который стал расспрашивать меня и заполнять какие-то бланки. А что я могу сказать? Ничего не знаю, кто я, где я, почему я — не знаю. Моя твоя не панимать! Я сам даже больше узнал — оказывается, что я какая-то серпента подвида мечеспин — моя чешуя была чёрной, с серым ромбовидным узором посередине. Но от шеи и до того места, где у человека зад, у меня ан спине почти белый рисунок, напоминающий меч, только без гарды. Вот и мечеспин.

Но самое главное открытие было в том, что я оказался женщиной! Ну, девочкой. Неважно! Девочкой! Почему?! За что?! Боже, за что же ты так со мной?! Мне нравилось носить яйца, а не нестись ими!

— Доброе утро, дети! — прозвучал приторно-сладкий голос у меня над головой.

— Доброе утро, Лидия Николаевна! — раздался в ответ стройный ответ семи глоток.

— Сегодня я начну наши занятия с того, что представлю вам новую девочку, которая вольётся в нашу дружную семью! Это — Светочка Найдёнова! Дети, что надо сказать?

— Доброе утро, Света! — раздался гораздо менее стройный хор, да ещё и приправленный ядом, которого бы и я не постыдился.

— Светочка, а ты что скажешь?

— Доброе утро. — буркнул я.

— Милая девочка! — умилилась Лидия Николаевна. — Дети, Светочка не совсем здорова — у Светочки амнезия. Это такое заболевание, при котором теряешь память. Вот и Светочка не помнит себя ни где она родилась, ни кто её родители. Может быть, она на самом деле принцесса, только ещё не помнит об этом! Хи-хи!

— Гы-гы-гы! — подобострастно подхватило несколько голосов.

Я нахмурился и покосился вверх, на женщину лет пятидесяти с кудрявыми, побитыми «химией» волосами обожжено-соломенного цвета. Ты чё творишь, дура?! Какая, к хренам, принцесса?! Эти же малолетние дегенераты мне это всю мою жизнь тут припоминать будут!

— Так что, дети, не обижайте Светочку! Лучше покажите ей новые ощущения, чтоб она могла вспомнить себя!

— Мы ей покажем, Лидия Николаевна! — с готовностью ответили пять голосов. И все — от детей-травоядных или просто людей. Два ребёнок-хищника сидели с нейтральными лицами, правда, их выражение глаз чуть поменялось, став немного сочувственным.

Ох, блин, чувствую, эти её бредни мне ещё отольются жопным огнём! Блин, он что — специально это говорит всё? Смерти моей хочет? Дура!

— Видишь, какие у нас все добрые, Светочка? Тогда иди, садись на воон то место, у окна, чтоб тебе солнышко светило. Ты же серпента, тебе надо на солнышке быть! Настя, уступи место Светочке!

Настя, довольно крупная для своих лет девочка-кролик, поджала губы и пересела с козырного места у окна на средний ряд одиночных парт. Мда, у этой теперь точно бессмысленно просить списать.

В этот детский дом меня привезли буквально только что, с раннего утра. А до того я неделю жил в комнате для содержания трудновоспитуемых подростков в отделении полиции. Всю это неделю бюрократическая машина проверяла меня — сфотографировали со всех ракурсов, благо хоть в одежде, сняла отпечатки пальцев и отпечаток кончика хвоста (тот, оказывается, имеет уникальный узор чешуек), а потом искали меня во всех базах данных по пропавшим или имеющимся. Понятное дело, безрезультатно. Поняв, что я не сбежал из дома и не потерялся, а о себе ничего не помню, меня назвали Светланой Найдёновой и выперли в этот вот детский, в котором мне и предстоит прожить четыре года, до своего мнимого шестнадцатилетия.

Да, вот так, все подумали, что мне лет двенадцать. Оказалось, серпенты своих детей первые два-три года из дома не выпускали — новорождённые змеелюди имели пустые головы и жили на одних инстинктах, что было изрядно опасным для окружающих. Вот их и содержали в домашних яслях, цивилизуя, уча языку и нормам поведения, пока они не

научатся сдерживать свои порывы. Поэтому, когда полицейские меня на улице нашли, то уже думали, что я более-менее взрослый, а уж когда заговорил, то и вообще убедились в этом. А серпенты растут быстро первые несколько лет, достигая развития лет шестнадцати уже в четыре-пять лет. Ну а то, что я маленький... Серпенты-карлики тоже бывают! Короче говоря, мне теперь по документам — двенадцать лет.

Но самое важное — в этой комнате был выход в местный интернет! Его даже не особо контролировали, запрещённые государством сайты были закрыты, но по остальным лазь сколько влезет. Я и лазил, первым делом найдя аналог «википедии».

Этот мир, эта планета была и похожа, и непохожа на землю. Первый шок я испытал, когда нашёл её название. Она называлась «Земля». Ну да, что тут ещё скажешь, у дураков и мысли сходятся. Но в географии были существенные различия. Эта Земля была такой же каменно-металлической планетой, что и мой родной мир, только диаметров почти в два раза больше — двадцать две тысячи километров. Из материков был только один, зато гигантский, протянувшийся наискосок через всю планету от Северного полюса до Южного, и назывался Сарина. На этой Галине, кхм, Сарине было два десятка государств, которые жили не очень дружно, хотя делали вид, что это не так. В океане, который занимал восемьдесят процентов планеты, были тысячи одиноких островов и архипелагов, на которых водились всякие «дикари». Не понятно было, что за дикари, из почему-то особо не описывали. Ну ладно.

Естественно, мне было это немного странно. Планета таких размеров должна создавать гравитацию, которая должна быть больше земной в... ну, короче, больше земной! Тут не человеки с рогами водиться должны, а максимум разумная плесень в углеродных океанах. Местные, судя по всему, тоже таки дошли до этого противоречия, когда математическая модель гравитации расходится с фактическим состоянием. И объяснили это наличием магии! Да, я угадал — магия тут есть! Вот её наличие во всём в мире и объясняло то, что на планете условия, как на старой Земле — она помогает нивелировать давление гравитации.

И маги тут тоже были! Самые натуральные волшебники! Правд, они были немного не такими, какими представлялись — не мощные машины убийств, а прям какие-то магические инженеры. Относительно сильного мага мог завалить десяток солдат со стрелковым оружием, самым тяжелым из которого был пулемёт. Ну, и десяток тоже на тот свет отправится, но тем не менее. Зато маги ту, фактически, создали цивилизацию!

Все машины ездили на магических накопителях, от которых работали двигатели. Электростанции? Также на магических преобразователях с чудовищным, до девяноста процентов, КПД. Любая хоть сколько-то массовая выработка энергии базировалась на магических схемах.

Но самое главное — маги клепали эликсиры и артефакты! Когда я попытался нырнуть в канализацию от пузана, он меня схватил именно что артефактов — «третьей» рукой или неофициально «хваталкой», полицейским гаджетом, который мог захватить противника на расстоянии в полсотни метров и подтянуть к артефакту. Но это был так, самый специализированный артефакт. Медицина, производство, химическая промышленность, войска — везде были артефакты, особенно там, где нужна была автономность.

Эликсиры вообще чудесное пойло. Они делились на те, что с постоянным эффектом, и те, что с временным. На этой Земле, к примеру, не было рака — эликсир против него изобрели давным давно. Выпил бутылочку зелья и пошел домой здоровым. С другими болезнями дела обстояли почти так же. Для богатых, конечно же. Для тех, кто победнее, трудился медицинский химпром. Хотя и эликсиров от того же рака им перепало, ну так,

чтоб разрыва между богатыми и бедными не особо видно было в этом плане.

Не менее интересно выглядели боевые эликсиры. Можно было так накачать человека временными эликсирами, что тот становился почти супергероем из комиксов — стометровка за секунду, прыжки вверх на десяток метров, мгновенное сращивание переломов и разрывов тканей, пуленепробиваемая кожа и прочие прелести. Но такое действовало всего с час, а потом следовал нехилый откат.

Постоянные же зелья улучшали физическую форму примерно раза в полтора-два от человеческого уровня, но самое главное — продлевали жизнь чуть ли не втрое! Местные богатеи могли запросто прожить лет двести, сохраняя при этом более-менее молодой вид. Но всему есть предел, со временем тело становилось иммунным к вливаемой магии — и всё, кирдык.

Понятно, что при такой полезности маги были очень ценными специалистами. Даже самый завалющийся волшебник неплохо зарабатывал, просто наблюдая за работой какой-нибудь магической котельной, поправляя плетения, если была необходимость. Сильные же маги купались в деньгах, зарабатывая миллионы на продлевающих жизнь эликсирах и лечебных зельях для элиты.

Кстати, была теория, что весь этот зоопарк с говорящими козлами, ослами и лисичками забахали древние маги — мол, магические реагенты для эликсиров из разумных животных содержат больше магии, чем из простых овец, вот какие-то маги и расстарались. Но потом всё пошло по известному месту, подопытные вырвались, размножились на островах или в диких местах континента, а после вышли и навалили людишкам. Правда, всё же полностью убить их не смогли, потому что среди зверолодей магов почти не было, а цивилизацию строить надо было. Конечно, каждый первый зверолод кричал, что это какая-то хреновая теория, да и вообще великочеловекский шовинизм и не более того. Ну да, ну да.

Я и про серпентов нашел статейки, надо же знать, кто я. Змеелюди оказались довольно малочисленным народом, к которому люди и зверолоди относились с настороженностью. Все боятся змей, ага, даже если они выглядят с одной стороны как люди и разговаривают. А ещё я узнал, что с некоторой вероятностью у серпент-женщин в груди может появиться «змеиное молоко» — легендарный алхимический ингредиент, с которым можно было творить чудеса даже по меркам этого мира, типа оживления мёртвых или вызова богов. Но вероятность этого была исчезающей малой, один на сто миллионов, а с учётов того, что серпент на весь континент насчитывалось всего миллионов пять... За последние сто лет подобных прецедентов не наблюдалось.

Вообще трешак. То есть если мне совсем не повезёт, то я не только буду яйца откладывать, но меня ещё и доить будут! Прелестно! С утра на дойку, днём яйца откладывать, а что к вечеру будет? Страшно представлять!

Вот такой вот была реальность этой Земли.

Но сейчас мне было не до интернета. Я дотащил свой рюкзак, подаренный одним из «копов», до своей парты, уселся и стал раскладывать учебник и тетради с карандашами, которые мне выдала Лидия Николаевна перед входом в класс.

— Привет. — я повернулся и поздоровался с зайчихой. Надо же налаживать отношения с коллективом верно?

— Захлопнись, принцесска! — прошипела зайчиха, скривилась и отвернулась.

Ну вот и поговорили.

Уроки в этом детдоме велись по простой схеме — с половины девятого и до двенадцати-пятнадцати, потом до часу дня длинная перемена с обедом, после с часу до четырёх продолжение уроков. Остаток дня посвящался досугу, всяким клубам по интересам и самостоятельным занятиям. Забавно, но сами уроки не были такими уж информативными. Образование было... такое себе, местные дети, судя по всему, и не должны были выйти в свет гениями. С пятнадцати лет их уже таскали по всяким ярмаркам профессий, а в шестнадцать — выпинывали из детдома в какое-нибудь профессиональное училище и всё, больше пусть тут не появляются, разве что с подарками благодарности нянечкам.

Серьёзно, Лидия Николаевна была преподавателем математики и физики, вот эти уроки у нас и были до обеда. Так тут до сих пор учили считать столбиком и объясняли разницу между громом и молнией. Ну, честно говоря, для многих воспитанников такого хватало для жизни.

На обед нас повели всем классом, строем и чуть ли не с песней. Мелкий я тащился в самом конце, пытаюсь примериться к гладкому линолеуму на полу. Ну серьёзно, чешуйки на этой срани проскальзывали, приходилось даже за стену держаться, чтоб ползти более-менее быстро. Когда я в прошлой жизни смотрел видео, как змеи извиваются на кафельных полах, оставаясь на месте, я улыбался, смешно же было. А теперь нифига не смешно! Тот, кто уложил тут подобное, явно ненавидел серпентов!

Пока я выбивался из сил, ко мне бочком-бочком подошел мальчик с мордой собаки или волка, которого я заметил в классе. А вообще там было пять можно сказать «травоядных» — зайчиха Настя, овечка Нина, олень Паша и два человеческих ребёнка, для разнообразия видов, Сергей и Артём. А хищников было двое, со мной трое — вот этот волчонок Пётр и те ли хорёк, то ли ласка, то ли горноста́й Вадик. У последнего вообще была нечеловеческая голова, вытянутая, покрытая шерстью, с животным носом, а из одежды выглядывали волосатые руки и ноги. Жуть.

Так вот, этот Пётр подошел ко мне, делая вид, что это совершенно случайно так получилось, и прошептал, двигая лишь уголком губ:

— Не верь Офце!

— А? — я не сразу понял, что он сказал. — Это... Лидии Николаевне?

— Да. Она всё врёт! Она ненавидит нас, хищников, и всегда потакает своим!

— Понятно. — тоже прошептал я в ответ.

— И не вздумай с кем-нибудь драться! Даже если на тебя нападут! Офца быстро выкинет тебя отсюда в тюрьму!

— Мы же дети. — я бы от такого даже споткнулся, если бы было чем.

— Мы для неё враги! После драк наши пропадают и никогда больше не появляются, а Офца читает нотации о том, какие они плохие и что теперь он ив тюрьме. Будешь драться — тоже исчезнешь!

— А наказания тут какие? — поинтересовался. Раз уж есть источник информации, надо использовать.

— Едой и работами. Вместо нормальной еды дают сублимированное говно, от которого слабый и живот болит.

Мы с полминуты молчали и делали вид, что просто идём себе, потому что Лидия

Николаевна и обступившая их тройка из Насти, Нины и Артёма огляну оглянулась на нас.

— И не ешь добычу. Даже крыс в подвале!

— Нельзя есть крыс?!

— Да! У них у всех маячки вшиты. Съешь — Офца сразу узнает! И тогда накажет, а сначала пред всеми утром отчитает и заставит извиняться.

— Ну нихрена себе порядочки...

— Она только к своим любимчикам хорошо относится...

— И как стать её любимчиком? — ляпнул я, явно догадываясь, кто же эти её любимчики в нашем классе.

— Лизать ей жопу и стучать на других, конечно же. — прежде, чем ответить, Пётр молчал с полминуты и с некоторым отвращением на меня смотрел, будто раздумывая, не побегу ли я стучать на него прямо сейчас. А потом прошел вперёд, к ласкогорностаю и Сергею.

Мда, зря я это спросил, он явно теперь считает, что я уже строю планы как бы припасть к седалищу Офцы своим длинным языком. Он и правда длинный, я им до своей брови могу без проблем достать, но без раздвоенности на конце. Но я всё равно не буду его использовать для такого ни в прямом, ни в переносном смысле, а стучать на кого-то... Фэ. Я вообще стукачей не люблю, и сам им становиться не собираюсь. Но было же интересно! Вот и спросил...

Столовка оправдала мои ожидания — была чуть ли не копией заводской, где я некоторое время работал (в цехе, а не в столовой). Столы человек на восемь-десять, погрызенные алюминиевые ложки, старая посуда со сколами, а еду себе набираешь на подносы самостоятельно. Ну, поварихи тоже помогают, только лучше б они это не делали. На заводе поварихи хоть и были те ещё гримзы на вид, но они хотя бы радовались и улыбались из-за того, что их еду (а она была вкусной) с удовольствием набирают и жрут. А тут так смотрят, будто я у них последний кусок хлеба отбираю! Вот чё ты, корова, пялишься с перекошенной рожей?! Ты же с детьми работаешь, а не с преступниками, осуждёнными за массовые убийства. Повариха и в самом деле была коровой, двухметрового роста и такая же в талии, а рожи-то какие злобные корчила!

С трудом набрав себе еды на поднос (пюре, две котлеты, салат из зелени и стакан молочного какао), я кое как дотащил всё это до стола «своего» класса и уселся там с краешку — ни хищники, ни травоядные к себе не пускали, сдвинувшись боками и недружелюбно смотря на меня. Ладненько, я не гордый, я и сам пожру.

— Светочка! — тут же подскочила Лидия Николаевна. — Я должна тебе сразу сказать! Мы все понимаем, правда, дети, что ты у нас нуждаешься в добыче. Я хоть и не с хищным происхождением, но тоже понимаю и принимаю такое. Так что раз в месяц ты можешь подать заявку мне — и тебе выделят кролика или курицу, которую ты сможешь съесть.

— Хорошо, Лидия Николаевна. — я улыбнулся в ответ. Это правда хорошо! Эта вся еда — приятная на вкус, но чего-то в ней было такое, что не насыщало полностью по сравнению с теми же крысами. Может, нужны были тушки целиком, с шерстью и когтями, чтоб насытиться, а может, ещё что.

— Но для этого тебе надо хорошо себя вести! Плохим детям подарки не положены! — скорчила строгую гримаску Офца и погрозила мне пальцем.

— Я запомню, Лидия Николаевна! — я кивнул, а со стороны хищников послышалось разочарованное фырканье.

— Ну всё, кушай, милая. А как покушаешь — Настенька, можешь отвести Светочку в комнату? Вы будете жить вместе, у вас же ещё есть свободное место, да?

— Конечно, Лидия Николаевна! — улыбнулась во все зубы зайчиха, выражая восторг и полное согласие.

— Ну вот и отлична! — Офца ушла ко «взрослому» столу.

Как только она ушла, Настя сразу же перестала улыбаться и посмотрела на меня таким взглядом, будто хотела увидеть меня разделанной на порции в своей тарелке. Она, как и остальные «травоядные», к моему удивлению, трескали котлеты без всякого стеснения, да ещё и за добавкой ходили. Ну и кто тут хищник?

Как специально, крольчиха быстро съела свою порцию, отнесла посуду — и стала надо мной, сверля злым взглядом и громко сопя. Под таким надзором я с трудом проглотил остатки еды, выдул одним махом какао и быстренько отнёс посуду. Ну как быстро — полы тут были каменные, ещё более скользкие, чем линолеум, так что я полз изо всех сил со скоростью в три сантиметра в минуту. А крольчиха шла рядом и даже не подумала помогать, только становилась всё злее.

Потом, видимо, она всё же поняла, что чем быстрее это всё пройдёт, тем лучше для неё же, поэтому подхватило левой рукой меня, а правой мою сумку — и помчалась в спальню. В большой, длинной комнате стояло десяток кроватей, рядом с которыми были тумбочки. На входе было несколько шкафов с верхней одеждой и четыре стола, за которыми можно было учиться или ещё что-нибудь делать. Крольчиха принесла меня к самой дальней кровати, в углу, куда даже свет из окна не падал и на которую явно никто из других обитательниц этой спальни не позарился, буркнула «это теперь твоя», бросила на кровать меня и сумку и умчалась, аж уши у неё назад заломило. Быстро распахив свои немногочисленные пожитки — полицейские оказались сердобольные, за неделю притащили мне всякие вещи типа расчёски, зубной щётки и некоторых вещей, я вернулся в класс, а то время поджимало.

Потом снова уроки, а после них меня направили к школьной медсестре — та была одновременно и учительницей биологии, так что днём вела уроки. Молоденькая девушка-человек быстро меня осмотрела, записала, что температура у меня в порядке, зубы все на месте, а чешуя нигде не шелушится, и отправила мыться — тут были душевые и даже бассейнчик, хотя, как сказала мне всё та же медсестричка Аня, его никогда не наполняли водой.

Помывшись в одиночку под душем в общей душевой (блин, снова завод напоминает! Завод по воспитанию сирот прям!), я стал смотреть на себя в зеркало. Тут был совместный санузел — туалетные кабинки, отгороженные ДСП, перед ними умывальники с зеркалом, а у края раковин был проход в душевую. Так вот у входа одну из стен занимало второе зеркало, огромное, от пола до потолка. Не знаю, зачем оно такое, может, чисто для девочек поставили, потому что у парней такого не было. Ну да ладно. Помывшись, я остановился перед этим зеркалом и стал себя рассматривать в нём.

Змеиное тело сантиметров в двенадцать-пятнадцать толщиной и длиной в метр шестьдесят семь сантиметров от макушки головы до хвоста. Но вертикально держаться может едва ли треть, максимум половина, и то это уже сильно напрягает. Бледная человеческая часть, не особо шире змеиной. Абсолютное отсутствие груди, что неудивительно в таком возрасте. Тонкие ручки с длинными тонкими пальцами. Узкое, уже человеческого, лицо в виде плавного овала. Тонкие губы бледно-розового цвета. На голове — лёгкий чёрный пушок волос, которые стали расти после моего рождения. Единственное,

что выделялось — большие, прям почти анимешные, тёмно-синие глаза. Я проверял, это нормально — у серпентов вообще может быть любой цвет глаз, от багрово-красных до блекло-серых. А ещё зрачки были вертикальными, веретенообразными, скорее кошачьими, чем змеиными. Ну и хорошо.

Высушившись под потоком тёплого воздуха, я натянул всё тот же чёрный носок и пополз в свою комнату. Немного поплутав, всё же нашел её, открыл дверь — и ко мне мгновенно повернулись девять пар глаз обитательниц спальни, которые сидели на одной из кроватей и явно что-то обсуждали до моего прихода. И все мои соседки были из травоядных.

— Привет! — мявкнул я при виде своих соседок.

Подождал секунд десять, но в ответ была одна тишина. Милые девочки. Поняв, что жду ответа зря, я пополз к себе, время от времени скрываясь из их виду за спинками кроватей. Приполз, повесил полотенце на спинку кровати, стащил с себя платье, повесил на вторую спинку — и забрался на кровать. Оооооо, каааайф! Она была большая, рассчитанная и на всяких коров со свиньями, так что я мог растянуться в полный рост, до кончика хвоста. Так и лежал, расслабив все мышцы — ползание неплохо так напрягает, знаете ли, будто постоянно держишь в напряжении мышцы пресса, только длиной в полтора метра. Хотя, может, я просто мелкий ещё, потом привыкну, мышцы укрепятся, и станет легче. Очень на это надеюсь.

А со скользкими полами даже не знаю, что делать. Найти где-нибудь резиночки тонкие и приклеить их к чешуе? Тут же должны быть какие-то сантехники-слесари, у которых можно подрезать разное, верно же? Ладно, завтра про это поинтересуюсь у Офцы.

— Привет! — гаркнули мне чуть ли не в ухо. — Ты же наша новая соседка, да? Света, да?

Я открыл глаза — рядом с моей кроватью стояли трое девушек. Впереди была здоровенная кобыла под метр восемьдесят ростом. Серьёзно кобыла! Явно лошадиные черты лица, шея похожая, а ноги у неё заканчивались не стопами, а копытами, на которых сейчас были надеты кокетливые розовые тапочки. Хе, да даже пальцы на руках у неё оканчивались широкими полукруглыми ногтями, похожими на крошечные копыта. За её спиной маячила Настя и какая-то вроде бы человеческая девочка.

Ага, понятно. Местная предводительница и её шестёрки. А народ, тот самый, безмолвствующий, уже рассосался по своим кроватям, но внимательно за всем наблюдает.

— Да, это я. Привет. — я приподнялся с кровати, выставив назад локти.

— Ага. А я Василиса, а это — Настя, ты её уже знаешь, да? А вот вторая — Марина. — кобыла указала на своих шестёрок, я обеим кивнул. — Ух, первый раз вижу живую серпенту! Не в смысле только мёртвых видела, а не на картинке или в телевизоре. Я пощупаю, хорошо?

— Ну... эээ... — я не знал, что даже сказать. Пощупать?

Василиса явно приняла моё «эээ» за согласие, уселась своей жопой на кровать и стала гладить и мять мой хвост в две руки. Крольчиха с человеком тоже не упустили возможность меня потрогать, но потом отошли.

— Ух, какая приятная чешуя! — восхитилась Василиса. — Текстура просто кайф. И выглядит круто. Вот бы босоножки из такой! Или сумочку! Да, девки?

— Ага! Точно! — подтвердили её шестёрки.

Настя, агакнув, вдруг открыла мою тумбочку и залезла в неё своими граблями, вытаскивая на соседнюю кровать вещи. Мне захотелось дать ей по рукам, я шевельнулся, но руки кобылицы вдруг сжали меня, и я мой только дёргать кончиком хвоста.

— Да чё ты, пусть себе посмотри. — улыбнулась она крупными зубами на мой недовольный взгляд. — Мы же соседки и подруги, верно же? Почти что семья! Живём вместе учимся все вместе, едим вместе! Ну прям сёстры! А у сестёр тайн друг от друга быть не должно, да? А, Светка, да, правда же?

— Да, конечно. — буркнул я и растянул губы в улыбке.

А что я мог сделать? У этой Василисы руки толще, чем у меня тело, у меня было полное ощущение, что она бы меня порвало пополам без особых усилий, вздумай я сопротивляться. Укусить? Ну, яд бы ей некоторые неприятности доставил бы, без сомнения, но она же по размеру не крыса, он бы её не убил. Даже крольчиху с Мариной не убил бы. Так что лежи и терпи... Светка.

— Ха, посмотри, какое говно! — весело выкрикнула Настя, копаясь в моих вещах. В сейчас она держала мой второе «платье» — разноцветный утеплённый носок с прорезями.

— Да это же... это же колготка от гамаш! У меня даже такие есть! — весело выпалила Марина, метнулась к шкафу для вещей, секунду там копалась — и вытащила тёплые гамашы с разноцветным узором, действительно очень похожем на тот, что у платья. — Ха-ха-ха, прикиньте — она на себе колготку носит!

— Гы-гы-гы! — со всех кроватей раздавалось хихиканье и смех. А Василиса чуть ли не игогокала от веселья.

Ну да, кусок от тёплых колготок. Где бы менты одежду для серпентов взяли? Так-то это всё по паре продаётся в бутиках, слишком уж редкий и дорогой товар, вот жены полицейских и сделали мне такое. Тепло и по размеру, что ещё надо? Но теперь над этим даже детдомовки ржут...

— Ты, Светка, не очкуй, поняла? — наставительно похлопала меня по животу кобылица. — Если нужно ещё одежды — я тебе свои штаны отдам! Старые уже, но ещё нормальные, подошьёшь и носи себе! Хы-хы-хы!

— Э, а трусов у неё совсем нет! — радостно сделала новое открытие Настя, выгребая все мои вещи из шкафа.

Хотя «все» это слишком громко сказано — там оставались разве что шапка, варежки, парочка шарфов и игрушечная змейка ярко-голубого цвета, которую притащил молодой козёл, что меня «нашел» — у него была трёхлетняя дочка, вот одну из нелюбимых игрушек он и отдал.

— Светка, ты что — извращенка?! — притворно удивилась Василиса. — Девки, у нас в комнате есть наша личная извращенка! Иксбицинистка! Хы-хы!

— Хе, да у неё и показывать нечего, чтоб трусы-то носить! — фыркнула Марина, вернувшая свои штаны в шкаф и присоединившаяся к Насте в разглядывании моих вещей. — Ни сисек, ни писек, было бы что скрывать!

— Ну дык, серпента же! — со знанием дела подняла копытопалец вверх Василиса. — Ты где-нибудь змею с сиськами видела?

— Брррр, жуть какая! Даже представлять противно!

— Вот! Значит, Светка — правильная змеюка, хоть и извращенка! — мудро изрекла кобылица. — Светик, а ты чего молчишь? Признайся, ты извращенка или нет?

— Есть чуть-чуть. — выдавил из себя я.

— Ха-ха-ха, ну теперь точно не отвертишься! Да, девки?! О, слушай! А ты в Настькинъ трусы пролезть сможешь?

— Ээээээ?! Зачем это ей лезть в мои трусы?!

— Да интересно же! Давай свои трусы!

— Ну... — крольчиха смутилась на секунду, но своей старшей отказать не смогла. Выпрыгнула из шортиков, в которых была, и стянула с себя трусы, протянув их кобылице. — Я всё равно их уже стирать собиралась, не в чистых же ей лазить!

— И то верно! Ха-ха! Давай, ползи сюда! — Василиса с довольной ухмылкой держала

передо мной не первой свежести трусы и яростно подмигивала.

— Ладно. — я вздохнул, извернулся и нырнул с кроличьи трусея, пролезая в одно из отверстий для ног. Фу, они были слегка влажноватые и пахли кроличьей промежностью. Она что — специально не мылась сегодня, что ли?!

По комнате снова прокатилась волна хихиканья, а я сидел на кровати, чувствуя, как моё лицо и уши горят от стыда.

— Смотрите! Она ещё и покраснела! Понравилось, что ли?! — ткнула в меня марина. — Светик, мы все тут по мальчикам, держи себя в руках!

— Дак она ж извращенка, ей всё равноооо! — промычала Василиса и бросила трусы Насте, но то ударом руки отбросила их в меня.

— Фу, я не буду их надевать после того, как она в них лазила! Пусть себе забирает, хоть одни трусы у неё будут!

Настька, ну ты и добрая! А ты, Светка, выстирай их и оставь себе! Будешь их по ночам нюхать их и Настьяку вспоминать. А, нет, тогда не стирай, так нюхай! Га-га-га! — кобылица снова заржала, потто поднялась на ноги. — Пошлите, оставим её наедите с труханами.

— Фу, Василиса, это же мои!

— Ты хочешь остаться с ней вместо твоих труханов?!

— Да я не о том!

Тройка сучек ушла, а я сполз с кровати и стал засовывать в тумбочку вещи. Они и зубную щётку с расчёской (на вырост дали) выкинули, только разве что кружку не разбили. Последними я закинул внутрь трусы крольчихи. Если я их сейчас выкину, то это вызовет агрессию, на которую я и ответить-то нормально не смогу.

Снова лёг, свернул хвост кружком и натянул одеяло до подбородка. Эх! Будь на моём месте какой-нибудь мартисьюшный попаданец или попаданка, они бы нашли, что ответить этой тройке. Быстро бы поставили на место всю компашку, заодно вызвав уважение у всей комнаты. Или хотя бы страх. Но я в прошлой жизни был мягким и неконфликтным человеком, может, даже немного излишне. Я не любил с кем-то сталкиваться, мой выход на всё было просто уйти. Ушел — и нет никаких проблем! Оставил всё позади да и дело с концом. Даже на работе, в заводском коллективе, я умудрялся избегать подобного. Но мне было куда сбегать — домой, в свою холостяцкую берлогу, а отсюда куда сбежать? Тут или дерись, или терпи. Только драться у меня сил нет. Чёрт, да телом я двухнедельный младенец, как ни крути! А мозгами — постоянно убегающий тюфяк. Да, себе я мог это признать, но такое признание всё равно не показывало выхода из этой ситуации.

— Света? Ты не спишь? — рядом появилась крольчиха.

— Нет.

— Света, ты извини нас, может, мы немного перегнули палку. — потупилась девушка. Кстати, когда она сняла трусы, сзади у неё оказался милый крольчачий хвостик. — Давай в качестве извинения мы тебе маникюр сделаем? Мы все сейчас будем, пошли к нам. Может, тебя отнести, а то тебе вроде трудно...

— Не надо, я сам...а. — покачал я головой.

Какая-то подстава? Сейчас мне морду изрисуют или на хвосте матюки маркером напишут? Не знаю. Может, и правда поняли, что перестарались? Всякое бывает, даже у последних ублюдков может проснуться совесть, а тут всего лишь дети. В общем, я пополз к ним.

Всё было лучше, чем я представлял, каждую секунду ожидая чего-то плохого. Василиса,

Настя и Марина красили друг дружке ногти в разные цвета, а потом, узнав, что я этого никогда не делал, накрасили и мне — Марина держала мою руку, а Настя красила. Василиса же это всё комментировала. Минут десять или пятнадцать мы сидели и дули себе и другим на ногти, потом разошлись — время уже подходила к десяти, и в комнатах гасили свет.

Засыпал я с каким-то двояким чувством.

Утром меня разбудила Настя.

— Света! Вставай давай! Уже семь утра, надо на завтрак собираться!

Ну, блин, мне-то как-то и не надо особо собираться — одел свой носок да и пополз в столовую, где уже собирала свою группу Офца, как и другие местные преподаватели. Но мы с Настей всё равно были последними.

— Так, девочки, вот и вы! Давайте, уже половина восьмого, а вам надо ещё поесть, сходить в туалет и почистить зубы! Быстренько-быстренько, за стол! Так... Света, а это что у тебя?!

— Что, Лидия Николаевна? — я не вдуплился сразу, о чём она.

— На руках! Розовое!

— Это лак... — буркнул я, уже понимая, что что-то не то.

— Я вижу, что лак! Ты что — не читала школьные правила?! В будние дни макияж в любом виде запрещён! Лучший макияж для девочек — это опрятность и чистота!

— Я не читала.

— Хорошо, тогда узнаешь их на практике. За неположенный вид в учебный день — сегодня ты остаёшься без мясного, а на вечер я тебе придумаю наказание! Всё, а теперь бегом все за стол!

— Прости, Светик, я же не знала, что ты не знаешь! Но мы же всё равно останемся подругами, правда? — чирикнула мне в ухо Настя, но лицо у неё было такое, будто она с трудом сдерживает хохот. Или не будто. И убежала вперёд, к Офце.

— Вот сучки! — прошипел я себе под нос. — Ну ничего, память у меня хорошая, а Земля круглая! Я найду на вас управу!

Глава 6

Меня и правда лишили половины еды, её мясной части. Сегодня были макароны с куриными крылышками, так вот, отправив все своих подопечных на раздачу набирать завтрак, меня она повела к отдельному столику с какими-то банками на нём. Лидия Николаевна сама взяла порцию макарон, принесла — и посыпала их из банок порошками, пахнущими как невытая свинья.

— Ты, Светочка, не должна обижаться на меня или кого-то ещё, только на себя. И тебе надо уяснить, что за любым проступком будет следовать наказание — так действует наш цивилизованный мир! Вот сейчас ты нарушила правила нашей школы — и за это просто получишь сублимированные продукты и биодобавки. Может, не очень вкусные, зато содержащие всё необходимое тебе. А когда станешь взрослой, выступишься отсюда и уже там нарушишь законы — то за это будет ждать куда более суровое наказание! Так что привыкай не нарушать правил уже сейчас!

А потом всунула мне в руки тарелку макаронами и стакан с чаем, развернулась — и пошла быстро к столу нашего класса, махнув мне рукой, мол, догоняй. Мда, пришлось чуть ли не человеческим пузом по полу ползти, чтоб не выпустить всё это из рук. А потом сидеть рядом с поглощающими нормальную еду одноклассниками и жевать этот «сублимат». Гадость ещё такая оказалась. И на зубах скрипела. Надеюсь, я никогда не узнаю, из чего оно сделано.

А вот на уроках выяснилась ещё одна особенность этого субпродукта — уже через полчаса мне захотелось пёрнуть. Очень, очень захотелось! А у нас был сдвоенный урок у Офцы! Без перемены! В общем, в двенадцать пятнадцать я с максимально возможной скоростью рванул в туалет, потому что мне казалось, что от газов внутри я раздулся и скоро взлечу к потолку. Но нет, я всё же успел добежать, шмыгнул в ближайшую кабинку, свесил зад над унитазом, ну так, на всякий случай, вдруг там не только газики, и дал себе свободу действий!

Оооооо! Это был самый приятный момент за последние две недели! Я прям почувствовал мини-оргазм какой-то! Отпердевшись, я выскользнул из туалета, едва открыв дверь, ну так, чтоб не заметно было. И успел вовремя! Какие-то две девахи завалились туда сразу после меня, пробыли пару секунд, а потом с воплями выбежали оттуда. Ха! Там оконто нет, а вентиляция кроооошечная! Наслаждайтесь, травоедки! Приятного аппетита, как раз обед! Жаль, что это не были кобыла с Настей и Мариной, но и так неплохо.

На обеде я использовал методы анорексичек — чисто ковырялся в тарелке, при этом ничего не съедая. А потом быстро уполз ставить тарелку в мойку. Офца недовольно посмотрела, явно поняв мои действия, но помешать не успела, я уже успел уползти.

А вот уроки после обеда порадовали. Это была биология, и Анна, наша медсестричка-биологичка, решила рассказать о физиологии серпент. Это, я так понял, было довольно распространённым делом, на уроках биологии часто рассказывали о тех или иных видах, живущих в мире. А раз в школе появился я, то обо мне и сделали урок. Ну, не конкретно обо мне, а о виде.

Оказалось, у меня таки есть гениталии, которые я пару раз безуспешно искал в душе. Нет, не для того, чтоб пошпикать, а просто интересно же было! Они были примерно там же, где и у человеческих женщин, просто до момента полного полового созревания, летя в пять-

шесть после вылупления из яйца, они закрыты подвижными чешуйками и даже запечатаны, создавая такого рода девственный барьер. Потом эти чешуйки отходят, и я смогу их по желанию сдвинуть, если вдруг вздумаю поспариваться с кем-то.

Другие особенности физиологии тоже доставили. У меня, оказывается, три лёгких и два сердца. Взрослые серпенты могут до пятнадцати метров в длину вырастать и до трёхсот килограммов веса. Понятно, что двух человеческих лёгких, хоть и немного большего, чем у людей, размера для такой туши не хватит. Поэтому в хвосте есть третье лёгкое, длинное и узкое, по объёму примерно как одно «нормально». А возле него есть мощный сосудистый узел, качающий от него кровь, двухкамерный, чисто для хвоста. Но обычное сердце и хвостовое бьются в унисон, не создавая противотоков крови.

То-то мне казалось, что вздохи какие-то не такие, более долгие и затяжные, как и выдохи. А это я полтора раза дышал!

А ещё далеко не у всех серпент есть ядовитые зубы. Даже можно сказать совсем у немногих они есть, процентов у десяти всего. И яд весьма ценный, имеет какие-то особые свойства и реакции с организмом, которые даже полезны для людей, если их правильно обработать. Так что ядовитые серпенты регулярно ходят в центры приёма яда при больницах, а за это получают некоторые бонусы. На этой части все в классе посмотрели на меня, будто хотели притащить меня в ближайшую больницу, чтоб получить эти бонусы себе.

— Эй, Свет. А у тебя ядовитые клыки есть? — Настя с какой-то жутковатой улыбкой повернулась ко мне.

— Есть. — я не считал нужным скрывать.

— И что — даже с ядом?! — нарочито удивилась она.

— С ядом. — я кивнул.

— А он сильный? — это почему-то спросил Пётр.

— Ну, крысу, вот такую. — я показал руками размеры. — Убивает где-то за секунду.

Некоторое время мои одноклассники молча смотрели на меня, у Насти даже улыбка погасла. Похоже, они внезапно подумали, что на месте крысы могут быть они сами. Ну так, вдруг.

— Что? — я немного растерянно обвёл взглядом одноклассников.

— Не стоит бояться, дети. — поддержала меня Анна. — У серпент яд достигает максимальной концентрации, когда им уже двадцать или более лет. А пока что это просто детский, можно сказать — молочный ядик. А при вашем весе он совершенно безопасен, хоть и весьма болезнен.

Вроде все расслабились, но у Насти лицо ещё некоторое время было мрачноватым. Ха! Боишься, трусливая крольчиха? Бойся! Будешь меня обижать — ночью пролезу в постель и за анус укушу!

Другая информация по моей физиологии была менее интересной. Вместо костей у меня пока что хрящи, которые даже во взрослом возрасте не исчезнут полностью, превратившись в кости, как у людей — хрящи в челюсти останутся, чтоб её удобнее было раздвигать, много хрящевой ткани в змеиной части для гибкости и так далее. Рёбер у меня побольше, чем у человека — под сотню пар, не считая тех, что в «человеческой» части.

А ещё я буду линять! Причём полностью — и человеческая, и змеиная часть! В первые годы это будет примерно каждые два-три месяца, потом раз в три года и под старость линька уже почти прекратится.

После уроков Офца отвела меня на «наказание» — в одной из хозяйственных построек

оказался бассейн, пока что без воды, который надо было почистить. Офца вместе с завхозом Трофимом выдали мне небольшое пластиковое ведёрко с водой и тряпку, которой я должен был всё тут вытирать. Видимо, это было единственное наказание, которое смогла придумать Офца при моей комплекции. Я и вытирал.

Вечером мою работу пришел проверить один Трофим — мужик лет пятидесяти пяти на вид, в фуфайке, кирзачах и кепке-аэродроме, будто он вылез из советского плаката про алкашей. Но на деле он оказался довольно добрым типом — покивал, принимая мою работу, а потом отвёл меня в свою «сторожку» — что-то типа сарая, где было спальное место, шкаф и стол со стулом, а так же неплохая библиотека любовных романов. «Графиня познаёт себя», «Любимейшая», «После сумерек» и прочая лабуда с женщинами на обложках, на которых любовными глазами смотрят от одного до десятка мужчин. Трофим смущённо откашлялся и закрыл своё богатство шторкой.

— Кушай. — он посадил меня на кровать рядом со столом, а на стол выставил бутылку с кефиром и пару бутербродов с маслом. И даже стакан где-то нашел, которым сам явно не пользовался, но мне предложил. — А то ишь, дуры, удумали — ну наказываешь ты детей, но жрать-то им давать надо! Это ж дети! Ну, чего смотришь! Налетай!

Я и налетел. В детдоме полноценными были только завтраки и обеды, на ужин часов в семь вечера можно было взять чая и пару булочек. Но вчера я это пропустил, да и сегодня тоже, судя по всему. А ещё и не обедал! В общем, кефир я в себя влил с удовольствием, а вот бутерброд осилил только один, второй уже никак не влезал.

Увидев, что я насытился, Трофим на руках отнёс меня к зданию детдома, отпустил у входа и ушел. Я неторопливо пополз внутрь, к душевой. Ох, я так скоро привыкну к тому, что купаюсь один. Вся комната твоя, можно неторопливо намыливаться под струями воды, массируя голову и тушку. А мой хвост и правда приятный на ощупь, скользкий, с приятной текстурой.

Уже когда я полз к себе, меня вдруг схватили и затащили в какую-то подсобку. Я и охнуть не успел, приготовился уже защищаться — но меня отпустили, а я разглядел Петра, который с виноватым видом смотрел на меня.

— Вот, держи. — он протянул мне пакет, из которого доносился запах куриных крылышек. Это же сегодняшняя еда!

— Спасибо. — ну, я не стал кочевряжиться и взял. Еда лишней не будет. — Уже не думаешь что я начну стучать Лидии Николаевне?

— Нет. Стукачку бы так не гоняли при всех. — мальчик помотал головой. — Ешь, мы все это собрали.

— Все? — этому я удивился.

— Да. — голос Петра стал ещё тише. — Если хочешь, то вступай в клуб Древолазов. Там только мы, хищники! Травогрызы по деревьям не лазят! Тебе же всё равно нужно будет вступить в клуб, да? Вступай к нам — будем все вместе!

— Хорошо.

— Тогда я всё. Спокойной ночи! — мальчик выскочил за дверь, а я остался стоять с пакетом в подсобке.

Ха! Тут есть какое-то сопротивление? Забавно.

Оставшись в одиночестве, я некоторое время обдумывал, что с этими крылышками сделать. С одной стороны, вроде как я сытый и есть не хочется. А с другой стороны — хрен там пронесёшь их мимо трёх мегер в спальне. Если не отберут для себя, это может быть для них слишком брезгливым, то просто на пол вывалят да и всё. Тогда уже мне будет брезгливо есть. Да даже если и пронесу, спрячу, к примеру, в платье, типа постирала после работы, то как потом есть — под одеялом давиться? Да ну! Так что я заглотнул крылышки прямо в подсобке, там же и выкинув пакет в уголке. Сыто рыгнув, пополз к себе в спальню.

Там меня ждала какая-то необычная обстановка. Тройка засранок не стала на меня как-то наезжать или даже насмеяться, только шушукались на постели у кобылицы, тем более все трое спали рядом, это было удобно, поглядывая на меня.

Это что — Настька рассказа им, что я типа ядовитый? И теперь они не спешат на меня лезть, опасаясь проснуться потом с моим ядом в заднице? Мда. С одной стороны — хорошо, пока я в порядке. С другой — страх не лучшее удерживающее средство, если ты не можешь его подкрепить действия. Нельзя время от времени пугать, но не реализовывать эту угрозу иногда. Вот говоришь «Дам в морду!» — и тебя боятся, если иногда кому-то и даёшь. А если говоришь «Дам в морду!», но ни разу никого и пальцем не трогаешь, т оплевать все хотят на твою угрозу. Уже завтра-послезавтра Василиса с компашкой поймёт, что бояться им всё равно нечего, и как бы не решились пройтись по мне за этот страх катком.

Лёжа у себя в кровати, я обдумывал то, что же я могу сделать в такой ситуации. Не конкретно сейчас и с ними, а вообще. Может, полностью отбить поползновения в свою сторону не получится, но хотя бы отомстить-то надо! И как? Физически я сейчас ничто, пустое место. Со своими хрящами вместо костей любая драка оставит меня инвалидом, если не отправит на тот свет. А я как-то не очень хочу помирать, получив второй шанс. Он, конечно, не идеален, но выяснять, будет ли третий, как-то не хочется.

Значит, надо действовать мозгами. И как же? Перегавкиваться с тройкой сук тут или в классе с Настей? Ну, можно, хотя я и не уверен, что прям положу их на лопатки в этом споре, толпа девок это страшная и тупая сила! Тем более потом в спальне можно нарваться на удар копытом по черепу и пораскинуть мозгами на стены. Безличные столкновения? Хм... Да, сплетни! Тут же всем по одиннадцать-пятнадцать лет! В этом возрасте сплетни могут чуть ли не жизнь определять. Но чтоб распространять сплетни, надо их сначала узнать! Вступить в этот клуб Древолазов? Однозначно стоит, но прямо так уж расспрашивать не следует — чтоб потом все не указывали на меня, как на самую любопытную змеюку. Выход один — узнавать всё самому! Или даже организовывать.

Как? Хм... Что у меня есть такого, что в этом может помочь? Я лежал и обдумывал эту мысль, будто леденец обсасывал, а глаза блуждали по комнате, смотря на стены, соседок, шкафы, попки соседок, столы для учёбы, потолок, а у некоторых соседок уже и грудь выросла... Так, вот — вентиляция! Она же есть в каждой комнате, а я ещё тот шнурок по размерам! Что, если по вечерам, делая вид, что чем-то занимаюсь, а так же по ночам шариться по ней, подслушивая всякое-разное? Только надо составить план всего здания, чтоб знать, куда лазить.

Отлично! План есть, теперь надо потихоньку его реализовывать. Приняв решение, я заснул, сытый и довольный.

Утро, начавшееся так же сумбурно и резко, как и вчера, принесло немного позитивных новостей — уроками сегодня будут география и физкультура, а ведут их приезжие учителя, не те, что живут тут постоянно и ведут по два-три предмета сразу.

На географии я, ничуть не смущаясь, поднял руку и заявил, что я тут новенькая и с отбитой, как арбуз об стену, памятью, так что не расскажут ли мне, где это я живу. Учительница, молодая пухляшка, отзывающаяся на имя София Семёновна, спросила, не против ли другие ученики (а учеников было много — у приезжих учителей уроки посещали все классы одновременно, в большом зале), тем было всё равно, так что она всё рассказала.

Страна, где я оказался, располагалась примерно на той же широте, где в нашем мире располагается Китай. И называлась Сиамским царством. Я сначала не поверил, переспросил — но нет, я всё правильно услышал. Я теперь сиамка, что тут ещё сказать? Жаль, что не кошечка при этом. А правил Сиамским царством, ясное дело, царь из рода Михайловых, по видовой принадлежности медведь.

Сама страна была размером примерно со всю Европу прошлой Земли плюс всю европейскую часть Союза, хотя по виду напоминала Индию — острый зубец, вклинившийся в океанические воды, с умеренным климатом на севере и с субтропиками на юге. Границами с другими странами были две горные цепи, сходящиеся клином на северо-западе в один хребет. Благодаря им в древние времена царство мощно держало свои границы, да и сейчас сухопутная граница представляла собой по-сути с десятков проходов между горами.

Административно Сим делился на шестьдесят три области и три города государственного значения — столица Медогорск и два морских порта с базами военно-морского флота. Все земли в стране принадлежали царскому роду, за исключением родовых земель боярских родов, но таковые были крошечными, самая большая родовая земля не превышала десятков гектаров площадью. Бояре (и не только) брали царские земли в «бессрочную аренду» и были на них мелкими царьками, даже могли свои законы устанавливать, если они не перечили царским. Например, земли моего детдома были так же отданы царём лет триста назад в бессрочную аренду детдому. Но при этом в случае взбрыка боярского рода их земли царь мог вернуть себе, забрав буквально всё имущество, кроме родовой земли.

Кстати, о боярах. Они были Старшими и Младшими боярами. Старшие были, как ни удивительно, старшими по времени существования рода — каждый такой имел историю в три тысячи лет и более. Младшие возникли позже, а самому молодому насчитывалось всего лет сто пятьдесят.

— Тебе будет интересно знать, Найдёнова, но среди боярских родов есть даже твои родственники — серпенты. Два рода Старших бояр и три рода Младших.

— А сколько всего родов? — полюбопытствовал.

— Около шестисот!

— Да уж, немного тогда «моих».

— Хе-хе, а потому что змеюк никто не любит! — громко заржала Василиса, которая сидела на задних партах, со всеми «старшаками» комнат.

— Надеюсь, девочка, ты такое не ляпнешь где-то вне этих стен. — поджала губы София Семёновна. — Серпенты — уважаемые граждане нашего государства, приложившие немало усилий для его защиты, за что и заслужили получить боярский статус. Они прирождённые воины, не одну сотню раз проливающие кровь на Сиамское царство. Найдёнова, вот ты к какому виду серпентов относишься? По нему можно определить, к какому роду ты можешь

относиться. Непонятно, почему этого раньше не сделали и не нашли твоих родственников...

— Я мечеспин, София Семёновна.

— Понятно. — девушка удивлённо подняла брови.

— Что? Наша Светка — точно принцесска? Гы-гы! — снова подала голос Василиса.

— Нет. Просто в Сиаме нет родов мечеспинов.

— Значит, я не отсюда. — равнодушно пожал плечами я.

— Ну да, ты права, Светлана. Тогда понятно, почему родственников не нашли.

На физкультуре же была совсем лафа. Со своими лилипутскими параметрами я только и мог, что вяло ползать вокруг небольшого стадиончика, зато в лазании по канатам мне не было равных — я обвивался вокруг них хвостом и помогал себе руками, довольно шустро взбираясь наверх. Меня даже похвалили за такое мастерство! Правда, девочку-кошку из другого класса, которая схватилась за канат когтями и мгновенно взлетела по нему вверх, похвалили ещё больше.

А после уроков, сообщив предварительно Офце, что я теперь состою в клубе Древолазов, я пополз на своё первое клубное собрание вместе с Петром.

Нашему клубу выделили небольшую полуподвальную комнатку, находящуюся сзади детдома. Зато у него были выходы и в здание, и наружу, чтоб было весьма удобно. Мы пришли одни из первых — дверь всё равно не закрывалась, такая была «политика детдома», чтоб не было границ между детьми. Хотя, думаю, это скорее для того, чтоб хищники не могли уединиться.

В клуб стали подтягиваться другие участники — та самая кошкодевочка Галина, парень-лис Степан, ещё один волчонок Влад и медведь Анатолий, здоровенный парень, которому оставалось всего до лета оставаться в детдоме. Кстати, кошкодевочка была совсем не такой, какими их любят рисовать в аниме и мангах — она была вся покрыта короткой жесткой шерстью, серой в чёрную полоску, с немного деформированными когтистыми пальцами и коротким куцым хвостиком, всего сантиметров в десять. И даже на голове были не волосы, а всё та же шерсть, и лицо с кошачьими чертами в виде сросшихся носа и верхней губы. Зато у неё были огромные золотистые глаза!

— Привет всем! — немного волнуясь, поднялся покрасневший Пётр. — Вы, наверное, уже все видели её на уроках сегодня, но я всё равно представлю — Светлана Найдёнова! Она станет новой участницей нашего клуба!

— Это да, по деревьям она лазить умеет. — помахала рукой Галя, остальные покивали. Анатолий почему-то облизнулся.

— Добрый день. — я поднялся на стуле, напрягая хвост. — Я Света. Пётр мне рассказывал, что вы тут все... не очень любите травожоров.

— Это да. — снова мякнула Галина. А остальные снова промолчали.

— Хм, я не знаю, может, покажусь глупой, но вы пробовали как-то повлиять на всё это? Ну, на отношение тех же учительниц. Чтоб они не настраивали никого против нас.

— Пробовали. — пробасил Толик и все переглянулись. Они были чуть-чуть смущены. Видимо, все из них приходили сюда с такими же мыслями, что и я.

— И что?

— И ничего. — Толя развёл руками.

— А если сговориться с другими учителями? Анна вроде неплохая, а ещё я Трофима видела, он не учитель, но вроде не урод.

— А им это — зачем? — Галя посмотрела мне в глаза со снисходительной усмешкой.

— Ну как — зачем? Они же учителя, а тут... эээ... несправедливость. — боже, какие странные речи я толкаю. — Они же вроде не рады тому, что кого-то обижают.

— Быть нерадым и выступать против этого — разные вещи. — снова включился Толик. — Света, я тебя понимаю, я сюда в двенадцать попал, как ты, и тоже негодовал. И тоже трепыхался. Но ни Анне, ни Трофиму нет смысла за нас вступаться. Что они от этого выиграют? Ничего! А работу потеряют.

— Почему — потеряют?

— Ну как, кто финансирует этот детский дом? Три боярских рода и несколько производств свободных родов. Что будет, если вдруг два-три человека начнут рассказывать, как тут кого-то унижают? Бояре постараются замазать скандал, выкинув нас на улицу или посадив. Учительницы-то действуют строго по правилам, наказывая только за провинности. А то, что эти провинности создают прикормленные ими травоядные, всем будет начхать. Так что детдом окажется весь в белом, мы — на улице, а рядом с нами та же Анна и Трофим, да ещё и со славой врунов. Поэтому и вопрос — оно им надо?

— Но ведь должны же будут прислать какую-то комиссию, проверку или ещё что! И вообще, мы же на землях царя!

— Бла-бла-бла. Царь земли подарил, но финансы не выделяет, всё от спонсоров. А спонсоров за спонсирование послабление в налогах и уважение с почётом за заботу о сиротах. Так что они свешают с грязью любого, кто будет рассказывать, что тут плохо. А все комиссии получают на лапу и напишут хвалебные отзывы. Ты, наверное, и правда всё забыла, раз такого не понимаешь!

— Тогда что мы тут делаем? — я был разочарован. Не в этих детях и не во взрослых, мне были понятны их аргументы. Но вот во всей этой ситуации я всё же разочаровался.

— Ну, помогаем чем можем кому можем. — улыбнулась Галина, показывая острые клыки. — Тебе вот вчера еду собрали.

— Спасибо. — не мог не поблагодарить я.

— Не за что. Если ты хочешь — то можешь присоединиться к нам в этом. А нет, так у нас тут целых два учебника по техникам лазания по деревьям и лес неподалёку, чтоб их отрабатывать.

Ну что делать? Я и присоединился. Правда, особо какой-то деятельностью мы не занимались, скорее, просто приятно проводили время в компании единомышленников. Большую часть времени. Только иногда выбирались в лес, который тоже принадлежал детдому. А ещё ребята рассказали мне кучу интересных вещей!

Но я всё равно решил бороться своим методом сплетен, просто не посвящая их в это. Не знают, значит, не смогут разболтать. А карту детдома раздобуду у... хммм... у Трофима! Местный он завхоз или нет?! Решено! Так всё и сделаю!

Глава содержит 18+ контент, третью часть можно не читать, если кого-то смущает!

Древолазы не скупались на подробности, описывая здешний быт. А я всё слушал и наматывал на виртуальный ус, потому что мало ли какая информация мне потом пригодится.

Таких учительниц, как Лидия Николаевна, в смысле нетерпимых к хищникам, было ещё три штуки. Их всего было пять, каждая из них вела по два класса примерно по десять человек, а всего в детдоме было около ста воспитанников от двенадцати до пятнадцати лет. Пятая учительница не была нетерпимой, но была равнодушной. Она никогда не натравливала травоядных на хищников, но и не разбиралась, кто виноват, если кто-то кого-то подставит. Это было весьма печально, как по мне.

Девочек в детдоме было больше, чем парней, примерно шесть к четырём. Мне так и не смогли ответить, почему так, то ли мальчишек усыновляли лучше, то ли их бродяжничало меньше, что нонсенс, а может, от девочек просто чаще избавлялись. Меня же ещё в виде яйца в канализацию выбросили, если так уж подумать. Хотя, для справедливости, там оказался не только я.

Такой перекосяк в половой принадлежности учеников приводил к разным странным последствиям. Мальчики почти не дрались, да и относились к ним получше, всё же редкие особи больше ценились. Но зато девки раскрывались во всей красе, установив настоящий матриархат под наставничеством учительниц-злыдней. Каждую неделю случались драки, когда старшие девочки выясняли отношения! Немало таких произошло и из-за претензий на какого-нибудь парня.

Кстати, отношения тут не возбранялись. Более того — и секс тоже не возбранялся. Я был шокирован, когда мне сказали, что в общем холле стоит ящик с презервативами — воспитанники свободно берут из него «резинки» и пользуются, никто им не препятствует.

Никто внятно не смог прояснить, почему же так. А я подумал о том, что это из-за разницы в теологии. Ага, именно из-за богов — многие религии на старой Земле любили «лезть в трусы» к прихожанам, да и не к прихожанам тоже, устанавливая разные ограничения. Тут же было единое многобожие, как я его назвал. У каждого вида зверолодей и обычных людей был свой бог — Небесный Баран, Божественный Медведь, Золотой Кролик и прочее подобное. Они не требовали ничего и не запрещали, просто верь в них да и всё. Не было каких-то ограничений, а из-за наличия магии и её диких проявлений жизнь была намного опаснее, чем на прошлой Земле, тут не до стеснительности и не до запретов. Хотя были и исключения, для боярских родов и богачей.

— А у вас есть пары? — напрямую спросил я своих «соратников».

— У меня есть. — кивнул Анатолий. — Она моего возраста, мы с ней вместе собираемся дальше жить, после выпуска.

— А она тоже медведь? — я удивился, вроде других таких не видел.

— Нет, обычный человек. — почему-то смутился Толик.

— И у меня парень есть. — подала голос Галина. — Если так интересно, то он тоже человек. С ними как-то легче сойтись, нашего вида немного, а с барашками дела лучше не

иметь.

Анатолий покивал, подтверждая её слова. Другие участники молчали, явно одинокие.

К таким свободным отношениям располагал ещё и «возраст согласия» и возраст совершеннолетия. Взрослыми тут становились в шестнадцать, поэтому воспитанников и выдворяли в шестнадцать из детдома. А вот возраст согласия был в тринадцать, но только для несовершеннолетних, так что с тринадцати до пятнадцати можно было делать что угодно.

Учительницы-злыдни позволяли своим прихлебателям многое, что не позволяли другим. Старшая девочка или мальчик в спальне всегда был из них, так им даже смартфоны разрешали иметь! Их иногда предоставляли спонсоры детдома, но всем раздавать считали, видимо, неэффективным, а вот поощрять ими лучших лизоблюдов было нормальной практикой. То-то иногда Василиса с Настей и Мариной собирались на кроватях и что-то слушали или смотрели, собравшись кружочком. Иногда и других из спальни пускали, но нечасто.

Летом, которое уже близко, некоторая часть воспитанников разъезжалась по родственникам, если таковые были, или по временным опекунам. Для оставшихся же наступала передышка — главные мучительницы уезжали или были без приятельниц, так что вели себя потише, а учительницы больше думали о том, чтоб отдохнуть, чем об издевательствах. Шестнадцатилетние тоже уходят, поступая во всякие училища, оставшихся сирот в августе-сентябре начинают возить по всяким ярмаркам вакансий, чтоб они заранее выбирали себе дальнейший путь.

Толик со своей любовью планировал поступить в военное училище, на удивление Пётр и Влад тоже хотели туда, Степан ещё не определился, а Галина, которая тут проживёт ещё год, в шестнадцать планировала уйти учиться на парикмахера. Я, помнится, в их возрасте и не думал о том, кем стать, ну разве что мечты типа «хочу быть пожарным» или «хочу быть космонавтом». А эти уже точно выбрали, что будут делать. Как-то мне печально стало, что детдомовские дети взрослее домашних, даже в другом мире.

Я слушал всё, что мне говорили, стараясь не акцентировать внимание на сплетнях. Не надо никому знать, что я буду делать. Но самое главное, что отношения тут цветут и пахнут, а где отношения, там и ревность, где ревность, там и конфликты. Полазаю по вентиляции, выясню подробности и примусь за дело диверсий и ссор.

Так мы прокаляли до половины седьмого, потом вместе сходили в столовую, где я захомячил чаю с булочкой, и уже один рванул к завхозу в будку. Его там не оказалось, и я решил подождать, должен же он вернуться! А чтоб не было скучно ждать, решил полазить по деревьям — в кубе я Древолазов или нет?! И это оказалось очень легко! Шершавая структура коры была идеальной для моего хвоста, я обвивался вокруг дерева и полз вверх, а когти на пальцах легко вонзались в древесину, прибавляя к хвосту руки.

— Я знал, что птицы с югов прилетают по весне и на деревьях гнездятся. Но чтоб серпенты прилетали и гнездились — это я, честное слово, первый раз вижу! — раздался голос Трофима с земли, когда я величественным взглядом смотрел на темнеющий неподалёку лес.

— Я тренировалась. — я смутился и даже слегка покраснел, но всё равно быстро спустился на землю. — Я теперь в клубе Древолазов.

— А, ну так-то понятно теперь, да — кивнул мужик. — А тут ты что забыла, древолазка мелкая? У корпуса деревья закончились?

— Я хотела вас кое о чём попросить, дядя Трофим. — я потупился и сделал самое невинное лицо, которое я мог сделать.

— Что же?

— Я... это... а у вас есть планы детского дома? Я ползаю медленно, пока весь облазаю и выучу — я уже отсюда выпускаться буду! Может, вы мне планы здания дадите, я по ним выучу всё и буду знать, как побыстрее проползти туда. Полы в доме, знаете ли, жутко скользкие, чешуя как по маслу скользит!

— Эх ты загнула! — почесал голову завхоз. — И что — совсем не ползается?

— Да сто метров за полчаса проползаю! — блин, надо научиться плакать по нужде, сейчас пустить слезу было бы отлично, а не получается.

— Ладно. Сейчас посмотрю.

— А ещё, ещё можете резинки на липучке сделать?

— Резинки?! — тут завхоз совсем опешил.

— Да! На липучке! Я их к чешуе прикреплю, и она больше проскальзывать не будет!

— Кхе. — крикнул Трофим. — Надо покумекать. А планы... пойдём, посмотрим.

Он открыл бытовку, запуская меня внутрь, зашел сам. Открыл холодильничек и достал бутылку кефира и поставил передо мной. Я ещё успел заметить, что их там десятка два, не меньше! Это типа запас на пару недель? Он так любит кефир?

— Спасибо. — не стал отказываться, открыл и стал пить, с некоторым трудом держа в руках.

— Пей, пей.

Завхоз кивнул, потом вдруг достал из своего захламлённого стола ноутбук, открыл его — и тот за секунду загрузился, показывая рабочий стол с какой-то крутой машиной на нём. Ого! А неплохая машинка у мужика, он тут что — в местный Атсасин Крид по ночам гоняет или ещё что? Я тоже хочу! Трофим покопался немного в папках на ноуте, поклацал беспроводной мышкой, открыл ящик стола — там оказался принтер, из которого полезли листы с планами.

— На, держи. Изучай сколько захочешь. Только постарайся никому не показывать, а то мне завуч выволочку устроит.

— Я постараюсь, дядя Трофим.

Ага. Всё, допила? Ползи давай, а то уже темно. И про липучки я подумаю, как их сделать.

— Спасибо! До свидания! — запихал листы в рюкзак с тетрадями и выполз наружу, радуясь простоте их получения.

Я успел их краем глаза посмотреть — там были подробные, хоть и уже довольно старые на вид, чертежи. И даже с воздуховодами — хотя бы примерные пути и выходы. То, что надо!

В спальню я не пополз, сразу в душевую — времени уже было начало девятого, пока помоюсь, пока доползу.

В душевой, к моему удивлению, я оказался не один! Там уже мылись, натирая спинки друг другу, две девушки, коза и белка. Эх, я бы тоже не отказался, чтоб они мне спинку понатирали. Я хоть и в женском теле, но не женщина же по духу.

— Эй, принцесска! Привет! — вывел меня из задумчивости чужой голос.

Коза с белкой подошли ко мне, обступив и зажав у стены. Потом опустились на корточки, так, чтоб быть на одном уровне со мной. Мне аж поплохело. Местные взрослеют очень быстро, вот и эти две девочки уже были на вид совсем не девочки. Я не знал, куда деть

глаза, бегая ими от сисек одной к сиськами другой. Девки явно заметили это и с ухмылкой переглянулись.

— Привет. — выдавил я из себя.

— Слушай, у вас же, у серпент, языки длинные? — округлили глаза от любопытства коза.

— Ну, да.

— И у тебя тоже?

— Ну, да. — повторил я, а по спине пробежали мурашки.

— А не хочешь своим язычком поработать? — белка улыбнулась и облизнула губы.

Медленно, со значением.

— Я... как бы... не очень...

— Да ладно, тебе тоже понравится! Давай!

Белка села на пол, пропустив между ной свой длинный, до колен, хвост, обычно пушистый, как метёлка для стряхивания пыли, а сейчас мокрый и похожий на крысиный. Коза толкнула меня к ней, белка схватила мою голову и притянула к своему паху.

— Давай, давай, работай язычком!

Её нижние губы были передо мной, мокрые, в каплях воды и не только. Что ещё было делать? Не брыкаться же как идиот, да я и сам возбудился от такого...

Мой язык высунулся, потеревил её «горошенку», от чего она слегка застонала и стала мять свою грудь. Возбудив белку, я стал аккуратно, лёгкими касаниями облизывать её губки, лишь немного, почти случайными касаниями проникая внутрь, а рукой стал теревить горошенку. Минуты через три заметно потекла — и я припал губами к её губам, просунув язык на всю длину внутрь. А язык у меня был немаленький! Белка вздрогнула, дёрнулась пару раз, стала очень уж глубоко дышать и постанывать. Коза сидела рядом и работала над собой руками.

Внутри белки было тесно и жарко, даже горячо. Вся она содрогалась, шевелилась, сжимая мой язык, а я пробивался дальше, делая вращательно поступательные движения. Минут через пять такого напора белка выгнулась дугой, сжала ноги (я едва успел убраться от них) и завалилась набок, забывшись в оргазме.

— Теперь мне! — мемекнула сбоку коза и тоже села.

— Лучше на четвереньки стань. — скомандовал я, и девушка послушно расположилась как я сказал.

Коза держалась хуже подружки, выгибалась, ноги её разъезжались, она поправлялась. А белка, придя в себя через пару минут, снова стала шпикать, но при этом схватила мой хвост и засунула себе в рот, начав облизывать, посасывать и покусывать хвост! Я аж пискнул от ощущений! Кончик хвоста оказался очень чувствительной зоной, я завёлся от этого ещё сильнее, буквально вжавшись в козу и ворочая языком с максимальным усердием. Через десяток минут такой гонки сдалась и коза.

— Увидимся, принцесска! Язычок у тебя классный! — белка с козой быстро обмылись и свалили, помахав ручками на прощание.

А я остался лежать на холодном полу, приходя в себя. Ужас какой. Вот чего-чего, а такого я тут не ожидал!

Отдышавшись, я помыл хвост, высушился и пополз в спальню, надо изучать планы вентиляции.

Я полз по вентиляции, матюкая Трофима и всех его предшественников. Ну надо же так запустить вентиляцию! Почти вполовину заросла пылью, паутиной и всякой подобной гадостью! Хорошо, что я хотя бы голышом сюда залез, к чешуе подобное не липнет (Слава змейству!), а волосы ещё совсем короткие, из них потом полкило пыли с паутиной не надо будет вычёсывать и вымывать. Но всё равно ползти тут просто страшно. Да-да, я типа высший хищник в этой вентиляции, но кому понравится, если ему в глаз сиганёт паук? А вдруг он меня за жопь укусит?! Хвост распухнет, я застряну тут и умру!

Так, всё, тихо! Успокойся! Вдох-выдох, вдох-выдох! Тьфу, гадость, паутина в горло попала! Кхе-кхе-кхе!

Но зато лазить тут было довольно легко — похоже, вентиляцию делали в то же время, что и уют строили, лет триста назад, так что тут не было бетонированных коробов или жестяных стен. Нет, был чисто камень, кое где подмазанный, но в основном шершавый и лишь слегка подтёсанный. Можно было легко ползать туда-сюда, цепляясь когтями или брюхом за него. Что я и делал.

Перед этим я целую неделю изучал планы детдома, которые выдурил у Трофима. Вентиляция была тут древняя, сделанная таким образом, что она выходила и снизу, и сверху, что было весьма удобное — можно было подлезать к верхнему окну и за всем наблюдать и всё слушать, а через нижнее вылезать в комнаты, делая это незаметно, ведь такие окошки выходили куда-то под кровати. Ну, теоретически. В моей комнате эта решетка была как раз под моей кроватью. И она была не привинчена, а на каких-то штырьках-распорках — её просто засовывали в шахту вентиляции и так крепили. Надеюсь, в других комнатах будет то же самое.

Так, где тут комната Вики — подружки Василисы? Она будет моей первой жертвой! Пока Ваську трогать не буду, сначала протестирую на подружке, а потом уже и Василису нахлобучу.

А то она в последнюю неделю прям как с цепи сорвалась! На следующее утро, как я раздобыл планы здания, трое подружек утром налили мне в постель воды, а потом с громкими криками стали будить, срывая одеяло. А потом орать «А принцесса-то в постель нассала! Светка-зассанка!». Такие их вопли разбудили всю нашу комнату, девочки с улыбками смотрели, как я барахтаюсь на влажных простынях.

А Марина-сука ещё и начала притворно сочувствовать мне. Мол, вы что девочки, она же больная, её нельзя обижать, её надо жалеть! И вообще, убогоньки ссаться себе в постель можно, на то они и убогонькие. А потом стала пересказывать бородатый анекдот «Воробья спрашивают — а ты кто? А он — орёл! — А чего такой маленький? — А в детстве болел!». Вот и я, мол, хочу вырасти в дракона, но пока что получается только в шнурок.

Потом в спальню зашла Офца, которую позвали девочки. Она сочувственно поцокала языком и сказала, что я должна высушить постельку после себя, а то на свежее менять времени нет, выдала мне фен и скомандовала всё закончить до начала уроков. Завтрак я, конечно же, пропустил, высушивая феном простыню, одеяло и матрас, да ещё на уроке Офца посоветовала мне больше не ссаться, чтоб не голодать. В обед Василиса собралась с такими же переростками за столом и стала им в лицах рассказывать про «утренний конфуз», так что через полминуты уже вся столовая нет-нет и поглядывала на меня.

Позавчера было воскресенье, я хотел отоспаться — меня вообще что-то в этом теле на сон тянет, вот просто наемся и в спячку впадаю, мог бы сутки проспать без проблем. Так вот, три сучки вооружились несмываемыми маркерами и стали рисовать у меня на хвосте всякое-разное. Матюков и пенисов рисовать не стали, но всякие цветочки, сердечки, надписи вроде «Её Выколуполепие Светлана Пупырчатая» и прочая дрянь до сих пор так и не смылись. Я выглядел так, будто надо мной издевались несколько десятков умственно-отсталых детей с художественным уклоном. Обидно, знаете ли!

Так, ага, вот и нужная комната. Я смотрел на всё сверху, из вентиляции под потолком. Девки дрыхли, а обстановка была почти такая же, как и в моей комнате. Шкаф Вики я заметил заранее, ползая по детдому в предыдущие дни, оправдываясь тем, что изучаю его. Ага, никто под одеялом не хрустит чем-то съестным, никто не ковыряется в носу, не в силах уснуть, никто не притворяется. Даже дыхание ровное и глубокое, а две девочки вообще нехило так храпят — сама Вика и какая-то мелкая девчушка. Можно начинать!

Я сполз вниз, выдавил решетку и аккуратно, тихо, почти бесшумно вполз в комнату. Остановился, прислушался. Нет, всё нормально. Пополз к шкафам под кроватями, раскрыл викин, стараясь, чтоб он не скрипнул. Хм, а вещи приятно пахнут какими-то духами. Трусы у Вики были такие себе, в основном белые, полосатые и почему-то коричневые плавочного формата, ничего интересного. Только парочка, засунутая глубоко в шкаф, была красивой, кружевной. Вот их и возьму! Так, лифчики брать не буду, слишком громоздкие штуки. Схватив труселя и отправив вещи на место, стараясь сложить так, как они были раньше, я ретировался в вентиляцию. Трусы зажал в руке, благо, они были довольно тонкими, даже в поём кулаке помещались без проблем. Будет плоховато, если они все испачкаются в пыли.

Дальше я понёсся в другую спальню, для мальчиков, и таким же образом засунул это всё богатство в шкаф Сергея — парня общей для Василисы и Вики подруги Кати, тоже из старших травоядных. Одни трусы всунул между его труханами, а вторые положил ему карман рюкзака, с каким он на уроки ходит, но так, чтоб быстро нельзя было найти, в кармашек сбоку и на самое дно.

Осталось дело за малым — сгонял по вентиляции в женский туалет и на двери одной из кабинок написал «А Вика с Серёгой изменяют Катке! Она даже подарила ему свои трусы!». Ещё и чуть-чуть процарапал эту надпись когтём, чтоб её нельзя было легко уничтожить. Хы-хы-хы, пусть с утра почитают страждущие!

С чувством выполненного долга я вернулся в свою комнату, протёрся тряпочкой, чтоб не было ни пылинки, в том числе голову, и улёгся спать. Уф, устал, надо будет отоспаться.

Утро, к счастью, прошло без дебильных издевательств. Но когда я дополз до туалетов и душевой, там уже шушукались — девочки разбивались по три-пять человек, собирались кружком и шептались, оглядываясь на туалетную дверь. Я как раз дополз до свободной раковины, забрался на неё, обвившись по кругу, и стал чистить зубы, как в туалет ворвалась Катя.

— Где это?! — заорала она сходу, увидела девок, ринувшихся от кабинки, и побежала к ней. — Кто это написал?! Признавайтесь, сучки, кто это накалякал?!

— Катя, да успокойся ты. Просто кто-то пошутил. — попробовала урезонить её подруга, зашедшая следом.

— Шутка?! За такие шутки в зубах бывают промежутки! — ярилась девушка, стуча лапой по полу — она была довольно крупной крольчихой.

— Что тут за крики? — из душа вышла Василиса.

— Васька, какая-то сука написала, что Сергей мне изменяет! С Викой! Ещё и трусы её хранит!

— Так спроси у Вики с Серёгой, чтоб знать наверняка. И трусы её пересчитай. Хи-хи-хи!

— А это мысль! — Катя вылетела из уборной.

— Катюха, стой, я же пошутила!

Я меланхолично чистил зубы, делая вид, что меня это не касается, но на истерику посматривал. Примерно то же делали и другие девочки у умывальников. Закончив, я сбегал в туалет, потом быстро помыл хвост с задницей — и рванул к комнате Вики. А там уже такой цирк был! Жуть! Катя с Викторией катались по полу, вцепившись друг другу в волосы и уши, пинались ногами и выли не хуже двух дерущихся котов. Несколько подруг, в том числе и Василиса, пытались их разнять, но только получали пинки и плевки.

— Где твои трусы?! Где?! У Серёги?!

— Да нужен мне твой обосратый Серёга!

— Так он ещё и обосратый?! Ах ты сука!

— Катя! Ты что тут устроила?! Вика?! — в коридоре показался Сергей с рюкзаком. — Перестаньте!

Девочек кое как растащили, они встали на ноги, красные, растрёпанные, с поцарапанными мордами.

— Катя, что тут произошло? Дай я тебя вытру, у меня где-то платок был... — Сергей стал копаться в кармашках рюкзака и очень удачно вытащил из того самого викины трусы. — Что за?..

— Аааааа! — заорала Катя и так хорошо пробила ему в нос, что Сергея откинуло в стену, брызжа на пол кровью из сломанного носа.

Катя снова бросилась на Вику и повалила её на пол, но в этот раз подружки их не разнимали, а начали ногами пинать Вику с криками «Шлюха!». Это ещё продлилось с полминуты, потом раздался крик «Шухер! Училки!» и все стали разбегаться, а я для разнообразия расползаться.

В классе, ожидая начала задержавшихся уроков, я с трудом сдерживал улыбку. Первая подстава вышла как надо! Теперь на очереди — Василиса и её жополизки!

Глава 10

Следующий месяц я наработывал репутацию. Ведь если нужно кого-то оболгать, то лгущему должны поверить, правильно? Иначе ложь бессмысленна и даже вредна, раскрытое враньё представит оболганного жертвой, которую будут жалеть. Вот и я делал всё, чтоб мне поверили — вставал часа в три ночи и час-полтора ползал по вентиляции, выискивая секретки. Увы, подавляющее большинство детей в это время уже спали, так что многого я не узнал, поэтому приходилось сразу после уроков делать вид, что ухожу тренироваться в ползании по деревьям — а потом нырять в вентиляцию на «вечерний час». Вечером я узнавал гораздо больше!

Раз или два в неделю на стенах туалетных кабинок появлялись мои «сплетни». Не такие горячие, как с трусами, но, главное, правдивые! Таня из третьей спальни сговорилась с коровой-поварихой, и та откладывает для неё самые вкусные кусочки еды, а Танька их прячет в своей постели и по ночам жрёт под одеялом! Артур из первой спальни ночью ходит в женскую душевую и гоняет лысого, спуская в бутылочки с жидким мылом! (боже, а я ведь сам им мылся! тоже хочу ему вломить!) Гульнара из четвёртой спальни ковыряется в носу, а козявки, пока никто не видит, вытирает об кресла у телевизора в холле, где многие смотрят телевизор по вечерам!

Такие мелкие, но правдивые новости за месяц сделали мои слова чуть ли не самым правдивым источником информации для детдомовцев. А уж сколько драк они вызвали! Чуть ли не треть воспитанников теперь ходило с синяками, а у парочки даже поломали руки. Воспитательницы рвали и метали, пытаюсь выяснить, что же эта сплетница, что пишет в кабинках, но я был очень аккуратен и не позволял себе расхлябанности. Даже научился быстро изготавливать правдоподобную куклу себя из одежды, которую оставлял в постели, чтоб заглянувшие в спальню думали, что я там.

Некоторые секреты я не торопился раскрывать. В конце концов, мне надо продержаться как минимум два месяца, я хотел помариновать Василису и её компашку ещё месяцок, а потом нанести удар по ним — насквозь лживый, зато теперь ему все поверят!

Побочным эффектом всех этих событий стало то, что давление на хищников снизилось. Травоядные ходили злые и раздраженные, каждый подозревал каждого, даже лучшие подруги не могли быть уверенными, что их тайны и страстишки не всплывут на стенках туалета, расскажи их подругам. Конечно, каждый раз бралось честное-пречестное обещание, что тайна останется тайной, но кто знает! В общем, все эти кобылы, кролики и лошади со свинками затаились, боясь делать какие-то резкие движения, и мне стало полегче. За месяц меня всего два раза вербально попинали и всё!

Такая передышка дала мне время на подумать. В смысле, до этого я мог разве что строить планы, как тут всем противостоят, весь мир был против меня — в такой ситуации не до самокопания. А вот сейчас это время у меня появилось.

Как мне относиться к этому всему? Вот хотя бы к смене пола. По-идее, меня это должно свергнуть в шок, привести к какой-то психологической травме, но на самом деле мне... пофиг? Наплевать? Наверное, так и есть. Да я у себя в мире последние годы вёл эдакую полурастительную жизнь — работа, дом, работа. На работе отработал смену, закупился в магазинчике у дома жратвой, пожрал, посрал, поиграл в какую-нибудь онлайн-бродилку, завалился поспать — а утром всё то же самое. Спиртное я не пил, поэтому с компаниями с

работы не тусовался по рюмочным. Настоящих друзей, как и настоящих врагов, что иногда даже более живо, чем настоящий друг, не обзавёлся — мне до всех не было дела и всем до меня тоже. И бабы постоянной тоже не наблюдалось. С такими вводными я был скорее бесполом, хоть и относил себя к мужчинам — ну там место в транспорте уступал и дверь придерживал перед дамами. То, что я делал одинокими вечерами перед компом, я вспоминать в этом плане не буду, кхм.

Ну и вот сейчас. У меня поменялось всё — внешность, пол, возраст, даже видовая принадлежность! Сильно ли что-то изменилось для меня? Есть ли во мне отторжение? Не знаю, насколько я чувствую — нет. Ну вот я всё так же живу — ем, сплю, учусь наукам этого мира. Хотя моя жизнь стала намного живее — сейчас я должен что-то делать, что-то придумывать, чтоб выживать, это даёт заряд бодрости, без сомнения. Блин, я чувствую сейчас себя живее, чем большую часть своей жизни там, на первой Земле! Даже эти проблемы с ползанием не кажутся чем-то невозможным. Ну проблема и проблема, я вырасту и преодолею её! Тем более Трофим всё же изготовил мне резиновые наклейки (по виду — из старых резиновых сапог), с которым скорость и сцепление с полом стали намного выше. А пол... хм, пока меня какой-то мужик не потянет силком в постель, криво ухмыляясь, мне вообще наплевать, какого я пола. Наверное, это неправильно, настоящий мужик приложил бы все усилия, чтоб вернуть себе член и в идеале ноги, но, как я уже говорил, я не настолько настоящий мужик.

Короче, хватит рефлексировать, проблемы буду решать по мере их поступления. Хотя всё же жаль, что я не смогу научиться танцевать чечётку. Всегда хотел, после фильмов с Чарли Чаплином. Зато мне не надо будет ходить на высоких каблуках! У меня не будет длинных ног, зато и коротких и кривых не будет, хе-хе-хе! Главное, чтоб сиськи не выросли, ну их к чёрту! Их, говорят, носить тяжело, а у меня они ещё и перевешивать будут, никакой хвост не поможет равновесие держать.

Отбросив все сомнения и переживания по поводу произошедшего, всё равно же ничего поделывать не могу, я решил просто наслаждаться жизнью.

Клуб Древолазов за этот месяц немного поредел. Выпускник Анатолий весь погрузился в учёбу — того, что давали учителя, вообще не хватало для поступления во что-то нормальное, так что и он, и его девушка зарылись в учебники и интернет-пособия — в библиотеки были компьютеры с доступом к учебным сайтам. Галя, блудливая кошка, по весне ударилась в любовь, вечерами она шарилась по кустам со своим парнем, изрядно опорожня коробку с презервативами в холле. Степан, Влад и Пётр просто приходили потрындеть на одни и те же темы, мне стало скучно их слушать уже в первую неделю. Дети они и есть дети. Так что я сказал, чтоб они просто прикрывали меня, мол, я на клубных собраниях каждый раз присутствую, если спросят. А сам лазил по вентиляции, сортируя чужие грязные трусы. Парням же рассказывал, что исследую забор, чтоб однажды сбежать. Те верили (надеюсь) и прикрывали.

Но в этот день всё пошло не так, потому что Вадик, парень-хорёк из моего класса, решил сбежать. Даже не решился, а уже успел сбежать.

— Слышали? Слышали?! — ворвался к нам Петя, когда я уже собирался уползть наружу, типа «к забору».

— Что? — Влад хрустел чипсами, которые я тут первый раз увидел, а травоядные не успели зажать себе все. У меня тоже пачка есть. В тумбочке. Наверное ещё есть, но Марина видела, как я их туда клал.

Вадик сбежал! Горноста́й! — Пётр повернулся ко мне. — Он же с нами учится.

— А, ну да. Только мне казалось, что он хорёк.

— Горноста́й! А, неважно! Сегодня после уроков исчез — всё, учителя бегают, я подслушал их — он сбежал!

— Неудвительно. — нахмурился Влад и даже перестал чипсы жевать. Секунд на десять. — Его рогатые сильно пинали последнюю неделю, как с цепи сорвались! Особенно в душевой.

Хм, а я этого и не знал — в душевые мальчиков я не подглядывал, больше в душевую девочек.

— Надеюсь, с ним всё хорошо. — я грустно хрустнул чипсиной, утянутой у Влада. Тот в шутку нахмурился. — Наверное, он уехал на том чёрном фургоне.

— Каком чёрном фургоне? — все трое посмотрели на меня, а я вдруг почувствовал себя не в своей тарелке.

— Ну, тот, которые с час назад приехал сюда. Он обогнул основной корпус и к подсобкам поехал. Я в окно видела!

— Да не было никакого фургона. — переглянувшись с остальными двумя, заверил меня Петя.

— Был! Он, может, ещё там! Пойдёмте посмотрим, если не верите! — я указал рукой на дверь, а мне стало вдруг жарко, будто я вру, хотя все это знают.

— Давай. — парни заинтересовались.

Мы вышли на задний двор через внешний вход, я стал ползать туда сюда, пытаюсь увидеть, возле какого сарая стоит машина.

— Вон! Вон она! — я показал рукой на добротное бетонированное сооружение, возле которого стоял искомый фургон.

— Да нет там ничего! — парни подошли поближе, стали прищуриваться и становиться на цыпочки.

— Да вот же он стоит! Вы что — слепые?!

— Света, слушай, ты ничего испорченного не ела сегодня? Может, проглотила чего — и теперь у тебя видения? — с какой-то опаской посмотрела на меня тройка древолазов.

— У меня видения только после ракетного окислителя! И сегодня я его ещё не пила! Возмутился и снова посмотрел на машину.

Хм, а она какая-то странная. Её очертания будто расплывались, сама она казалась сделанной из плотного дыма или тумана, да и за стеклом, в которое мы смотрели сбоку, ничего не было видно. Ох, чёрт, сквозь неё даже просвечивается стена здания! Со мной что-то и правда не так?!

— Какой окислитель?! Ты... Света! Ты как?! Что с тобой?!

Я вдруг лёг на землю, потому что хвост меня не держал. Я коснулся своего лба — а он был горячим, чуть ли не обжигающим! Меня затрясло в лихорадке, как-то вдруг стало не хватать воздуха, а кожа зачесалась, будто под ней ползали тысячи червей или муравьёв.

— Влад! Быстро к Анне, зови её сюда! Быстро! — услышал я голос Петра и провалился в темноту.

Когда я очнулся, то первое, что я почувствовал — это запахи. Обострившиеся примерно на треть, позволяющие унюхать всё, чтоб было в комнате. Ну, или где я там находился. А пахло стиральным порошком, медикаментами, человеком-женщиной и кошкой-женщиной. Я что, в медпункте? А как я сюда попал? Так, я сидел с парнями, обсуждали побег хорька Вадика, потом вышли на улицу... там... там... а, чёрным фургон! Да! Только почему-то никто не видел его, кроме меня! А потом мне вдруг стало плохо. Точно! Теперь понятно, почему я в медпункте — куда ещё нести кого-то, кто свалился в обморок? А женщина человек это Анна. Кошка... Никто, кроме Гали, в голову не приходит.

С трудом, но у меня получилось разлепить глаза и осмотреться. Зрение сфокусировалось не сразу, всё было размыто, будто у меня близорукость появилось. Я немного похлопал глазами, тогда всё прояснилось. Точно! Я в медпункте! А Аня с Галей уже идут ко мне!

— Смотрите-ка, наша спящая красавица проснулась! — Анна подошла поближе, попробовала мой лоб тыльной стороной пальцев, потом достала из халата бесконтактный термометр, посветила им на меня. — Температура уже в порядке, это хорошо.

— Приветик, Светик. — помахала рукой Галя.

— При...веет. — выдавил я из себя. Горло было сухое, мне жутко захотелось пить. И есть. — Пить... хочу...

— Сейчас! — Галя пошла к столу, где стояла бутылка с водой.

— Ты разве не знаешь? — удивилась Анна, потом смутилась. — А, ну да, у тебя же амнезия. Это была линька! Вон, видишь.

Девушка махнула рукой в угол комнаты, я повернулся и увидел там тазик на табуретке, в котором было какой-то целлофан. Блин, да это же старая кожа, полупрозрачная, ещё в форме меня!

— У тебя началась линька, а её всегда надо проходить под присмотром. Разве ты не ощущала позывов? Раздражительность, повышенная температура, зудящая кожа?

— Ощущала. Только не знала, что это означает. — я помотал головой. — А оно всегда... так будет?

— Ну... Обычно так проходит первая линька. Последующие уже гораздо легче. Но раз ты взрослая... Ну, бывает, что каждая линька такая. Это как болезненные месячные у девушек, только линька.

— На, держи. — Галя принесла стакан с водой. И бутылку захватила, умница!

— Спасибо! — я выдул воду одним глотком, протянул стакан, чтоб налили ещё, второй пил уже более размеренно. А на третьем даже напился.

Блин, а я уж испугался, что у меня что-то не то. Но линька, правда, тоже не самое приятное ощущение. Хорошо, что это первая была, если бы у меня такие «месячные» были на постоянной основе — я б с ума сошел! Покосился на кожу в тазике — там была не только кожа с хвоста, но и со всего тела, даже с головы. Я невольно схватил себя за волосы — неужели тоже выпали?! Но нет, они остались! Хорошо, не хочу быть лысой Светкой.

— А сколько я тут пролежала?

— А, уже три дня, сегодня воскресенье. — улыбнулась Анна. — Кстати, ты выросла аж на тринадцать сантиметров в длину и на парочку сантиметров в диаметре! Может, твой рост

возобновился? Тогда уже через пару лет бы будешь совсем большой!

— Было бы неплохо. — улыбнулся я, а сам подумал, что тогда я в вентиляцию уже не влезу. А если и влезу, то застряну где-нибудь и капец!

В коридоре послышался топот, в кабинет забежал один из мальчиков.

— Анна Викторовна! Ой, Галя, Света. Бежим на крышу!

— Что такое, Максим? — строго спросила Анна.

— Что-то из леса выбежало! Дикий зверь! Там уже вертолёт летает! Все на крышу бегут, я тоже!

И смысла, только пятки засверкали. Я с удивлением посмотрел на Галю и Аню, на лице первой были интерес с нетерпением, а у Анны напряжение и волнение.

— Света, пошли, на это надо посмотреть! — Галя поманила меня рукой. — Анна Викторовна, вы пойдёте с нами?

— Идите, я вас догоню, мне надо убраться и кабинет закрыть.

— Побежали! — Галя чуть не за хвост меня тянула.

И что там? Медведь какой дикий из леса выбрался и все теперь на него смотрят? Хм, ну ладно, я тоже хочу посмотреть почему нет. Я полз изо всех сил, пытаюсь поспевать за кошкодевочкой, но безбожно отставал по этим скользким полам — липучки спали со старой кожей, я их успел только собой забрать. И в платье-носок на ходу одеться. Галя цыкнула, оглядываясь на меня, потом схватила, перекинула через шею и так побежала вверх.

На крыше уже были почти все воспитанники детдома и часть учителей. Все собрались на одной стороне и что-то разглядывали вдаль, а с того направления нёсся какой-то стрёкот, который я не сразу вспомнил — это был звук работающего вертолёта.

— Галя, Света, сюда! — помахал нам Пётр, и мы побежали к нему и ко всем участникам клуба Древолазов.

Галина побежала к ним, а я не стал. Оглянувшись, нашел какую-то металлическую трубу, торчащую из крыши, на ней сверху была установлена антенна телевизора или ещё чего. И заполз по этой трубе наверх, обернувшись вокруг неё хвостом. Некоторые дети посмотрели на такое с завистью, а я улыбнулся, ну вот пусть и дальше завидуют!

Вертолёт кружился над участком леса где-то в километре от нас. Кружился, иногда были видны трассирующие выстрелы, к нам доносились звуки пальбы. Непонятно, во что они там стреляют, деревья всё скрывали. Но потом из леса по вертолёту вдруг ударила белосиняя молния! Вокруг вертолёта появился золотистый щит, молния без вреда стекла с неё, но за первой прилетела вторая, третья... Щит лопнул — и вертолёт резко начал маневрировать, уходя от обстрела молниями. И в то же время отстреливался, сбивая прицел кому-то на земле.

Понятно стало, по чём они стреляют, только когда это что-то вышло на опушку неподалёку от небольшого лысого холма. Олень! Огромный олень с большими, раскидистыми рогами. Из-за холма вырулила тройка БТРов, быстро окружили оленя, и из них стали выпрыгивать солдаты в форме и с щитами. Они стали создавать какое-то построения, их щиты засветились золотистым светом, а потом, в построение, это сияние соединилось и разрослось в стороны и изогнулось. Три группы щитоносцев стали подходить к зверю, намереваясь зажать его золотистыми экранами.

Но зверь тоже не стоял на месте. Он взвизгнул так, что донеслось даже до нас, встал на дыбы, опустился — и стал поливать щитоносцев и БТРы голубыми молниями. Чёрт, на фоне машин стали понятны габариты зверя — он был метра три в холке, не меньше! Ну и монстр!

Но щитоносцы слаженно работали, зажимая его, а БТРы помогали им огнём из скорострельных пушек или что там у них стоит, стреляя поверх голов. Правда, на первый взгляд, это не очень-то вредило оленю. Хотя уже было заметно, что он изрядно выдохся — молнии сверкали всё реже и стали более блеклыми, что ли. Но одна всё же смогла пробиться сквозь щиты и угодила в БТР — тот лопнул, будто перенадутый шарик, и разлетелся по округе раскалёнными ошмётками металла.

Когда оленя уже почти зажали, вперёд выдвинулись два человека. Не сильно большие и мощные, с мечами в руках (по край ней мере, я решил, что это они — рассмотреть с такого расстояния подробности я не мог, но какие-то длинные шпуги в руках двойка имела). Вокруг них возник золотистый щит, даже мечи засветились, а потом они вдруг как превратились в две смазанные от скорости золотистые тени! Ох бросок на оленя был невидим и неумолим, тот пытался отбиваться, рубя их копытами и сдерживая рогами, но всё было напрасно. Секунд за тридцать оленю отрубили переднюю ногу, он припал набок — и одна из золотистых фигур рубанула зверя по шее, отсекая голову. Все сразу же погасили свои золотистые щиты, начали суетиться, минут через десять подъехал грузовик с краном — и тушу оленя стали загружать в кузов.

— Ну всё, больше не на что смотреть! — подали голос учителя. — Расходимся! Посмотрели и хватит!

Неохотно толпа детей начала рассасываться, я тоже спустился к своим соклубникам и пополз вниз. Из их разговоров я понял, что это был изменённый дикой магией зверь второго уровня опасности (на их взгляд). А всего этих уровней было семь! Против него же сработал некий армейский спецназ, те два человека с мечами были боевыми магами, которые часто работали в таких командах. Парни клуба с горящими глазами обсуждали, что они тоже пойдут в военное училище и обязательно попадут в такую команду, а Анатолий делал многозначительное лицо, мол, они только мечтают, а он уже почти поступил! И ещё пара лет — и он сам будет в таком участвовать.

Я полз за ними, слушал всё, и мне было немного сыкотно. Блин, куда я попал?! Леса занимают семьдесят и даже восемьдесят процентов поверхности этого континента. Если там таких вот монстров миллионы, как говорят парни, и каждый день рождаются тысячи новых, то мне надо срочно делать ноги из этого мира! Если второго уровня зверь настолько силён и опасен, то что может сделать зверь третьего уровня? Четвёртого, пятого? А седьмого?! Не хочу в один прекрасный день проснуться под копытом или лапой такого вот монстра!

Зато теперь стало понятно, почему цари щедрой рукой нарезали детдому довольно большой участок земли, красивый и живописный. Он же на краю леса, первыми сожрут сирот, насытятся, погрузнеют — и тогда их будет легче убить.

Что ни день, то новые ужасы!

С крыши я вернулся в медпункт, несколько минут подождал, пока вернётся Анна, она меня прослушала, ещё раз померила температуру, но теперь градусником, и отпустила, а я забрал липучки для хвоста и свалил в клуб Древолазов. Хочу побольше узнать об этой всей жути с оленями.

— Парни, поможете мне липучки приклеить? — я улёгся на диванчик пузом кверху, вытянув хвост.

— Давай. — Пётр сразу откликнулся, взял липучки и стал размещать на моих хвостовых пластинках, не прекращая разговора.

— Говорю я вам — скоро будет рейд в леса! — солидно басил Толик, сходу отменяя любые другие точки зрения. — Если уж мутанты стали выбираться из лесов, то надо нанести по ним упреждающий удар. Иначе это будет всё чаще, скоро будут жертвы. Вот хоть мы.

— Та фигня. — Степан явно был возбуждён, его рыжий хвост подёргивался, а сам он перекладывал ногу на ногу, вертелся и даже вскакивал на ноги. — Зачем?! И так патрули выбивают их, с какой стати какую-то экспедицию посылать? Всё работает и так!

— Но теперь их количество будет увеличиваться! — гнул своё Толик.

— С чего ты взял?! Ну пролез один олень рядом с нами — и что? Это всего-то один олень!

— Одна ласточка — признак весны, один олень — признак стада! — поддержал Толика Пётр.

— Пф, тоже мне, философ! — фыркнул Степан. — Один зверь ничего не значит! С ним справились двое магов с поддержкой обычной пехоты!

— Ох, мальчики! — покачала головой Галина, которая тоже сидела тут, посмотрела на меня, ища поддержки. — Им лишь бы о войнушках поболтать.

— А мне тоже интересно. — прям таки предал её я. — Я-то об этом ничего не знаю, вообще в шоке тут сижу.

— Ой, да не парься ты так. — улыбнулась Галя. — Я такое уже третий раз вижу за жизнь тут. И каждый раз одно и то же, они ещё неделю будут болтать об этом, рассказывая страшилки. А я тебе так скажу — звери живут в лесу и оттуда не вылезают, там им хорошо, а землях разумных плохо, тут магический фон меньше. Ты же видела башни, которые торчат по округе?

— Я думала, это для мобильной связи.

— Ну, некоторые — да, для этого, но в большинстве стоят магические накопители, собирающие энергию. Звери тут... будто голодают. Поэтому и не будет никаких набегов.

— Но олень же вылез! — я не сдавался.

— Бывает, их там миллионы, в лесах, один-два психа могут и сюда побежать, но все эти гоны стад и стай только страшилки.

— Хорошо, если так. — кивнул я. Ну, у всех своя правда. Ребята хотят бороться с врагом, а Галя как девушка за мир и спокойствие. Правда, а мне что делать? Разорваться, что ли? Так, надо ещё спросить. — Эй, ребята!

— Что? — все спорщики, до того усиленно доказывающие друг другу что-то, повернулись ко мне.

— А вы тот сарай проверили? Ну, где мне фургон привиделся?

— Ага. Нет там никаких следов. Мы всё осмотрели — ни одного!

— Ладно.

Понятно. Ну, в смысле, дорога-то до сарая асфальтированная, там, может, и не осталось бы никаких следов, даже если тысяча бы фургонов проехала. Но всё равно я успокоился. Значит, просто привиделся. Такое бывает, когда твоя температура зашкаливает. Как-то я валялся с температурой под сорок, когда гриппом заболел, и мне привиделись чёрные карлики, бродящие по квартире — злобные, с огромными ртами, полными острых треугольных зубов, тоже чёрных. А вот в этом мире мне фургоны видятся. Хорошо хоть без зубов! Что только не выдумает мозг, который варится заживо.

Послушав ещё болтовню мальчишек — те уже забрались в такие дебри военной теории, что местный генштаб их просто обязан их к себе на работу взять — я пополз к себе в спальню. Мдаааа, чипсы я всё же зря оставил у себя в тумбочке! На моей постели лежала моя одежда, разложенная и скрученная так, будто это я лежу, а на месте головы — распотрошенный пакетик из-под чипсов с надписью маркером по фольге «спасибо, было вкусно». Вот сучки! Расправил и сложил аккуратно вещи, засунул их в тумбочку, порванный пакет выкинул в урну, а сам забрался под одеяло. Спать хотелось до жути! Но не успел я свернуться поудобнее, как у меня забурчал живот — чёрт, я же не ел три дня! К чёрту сон, надо пойти что-то заточить.

Но на кухне у меня случился облом. Кухарки, мерзко усмехаясь, сказали, что обед будет готов в обед, а еда не по графику у нас не предусмотрена. Могут стакан воды из-под крана дать попить. Если очень хочу. Естественно, я отказался и уполз в лес. Нет, там за зайцами гоняться не стал, они все были помечены. Но зато под этот предлог можно было нырнуть в вентиляцию!

А там, знаете ли, у меня была своя ухоронка. Нет, не из украденных вещей, а из того, что я нашел в вентиляции. Я же не один такой умный, чтоб догадался туда заглянуть. Правда, вряд ли кто-то ещё там так лазил, как я, но вот пихали туда всё, что нужно было скрыть. А потом забывали! Какую-то одежду, которую почему-то захотели спрятать (в вентиляции у мужской спальни я нашел кружевные стринги! А мальчишки-то затейники!), выпивку — её нельзя было употреблять в детдоме, но многие ухитрялись проносить, а остатки засовывали в воздуховоды. В проходах мужской душевой, когда я туда по ошибке забрался, я нашел целых две видеокамеры — одну в комнате с душами, другую над туалетными кабинками. Трогать их не стал, они были рабочими и куда-то отправляли сигнал, я бы раскрылся, если бы забрал или перевернул. Но я до сих пор гадаю, кто же их поставил. Учительницы? Другие мальчишки? Трофим?!

Среди всего этого было немало еды — булочки, пирожные, бутерброды, яблоки, вообще всё, что небольшое и чем кому-то не хотелось делиться. Вот эту всю хрень я убирал в самую большую «каверну» вентиляции, чтоб не мешала. А теперь настало время грызть эти сухари! Пропавшее я есть не буду, ясный перец, а вот что просто засохло заглотивать можно.

Но только я залез в вентиляцию, как почувал какой-то запах. Приятный, даже слегка возбуждающий. Нет, не в сексуальном плане, а скорее будоражащий, аппетитный. Непонятно, откуда он раздавался, и я стал ползать по проходам, выясняя, где запах сильнее. И выяснил! Он исходил из канализации! Там есть что-то интересное? Мне туда особо не нужно было, что там за тайны-то могут быть? Но сейчас... А вдруг там запасы еды?! Поварихи, сволочи, не делятся — так я сам могу взять! Может даже мясо будет, хрен с ним, что сырое, я и такое схомячу! И я пополз вниз.

Когда я выполз из отдушины вниз и понял, куда меня ведёт этот аромат, я даже немного оторопел. Он привёл меня напрямик в крысиное гнездо! За старыми ящиками, в гнезде из тряпок и чьей-то шерсти копошились шесть маленьких, ещё слепых крысят. И они невероятно, просто одурающе вкусно пахли!

Я смотрел на эти маленькие, копошащиеся комочки плоти, слепые, с закрытыми веками глазами, как они барахтались друг с другом... И у меня изо рта чуть не капала слюна! Вкусные, вкусные крысята! Я видел, что они без чипов — вряд ли кто-то вообще знает, что они родились, им всего пару-тройку дней, наверное, а тела такие маленькие и голенькие, что введённый под кожу чип были бы виден. А это значит... значит... что их можно съесть!

И я не удержался. Я подполз к ним, схватил первого за хвост — и закинул его в рот. Боже, какой чудесный вкус! Будто я глоток свежего, ещё тёплого, только из коровьего вымени молока в рот набрал! Мышцы гортани сжались, и крысёныш ещё живым провалился мне в желудок. Оооооо, кааааайф! Сам не заметив, я проглотил их всех. Они некоторое время ещё копошились в животе, приятно его массируя, потом затихли.

Мда, этого мне явно недостаточно. Я стал шнырять по подвалу, выискивая другие гнёзда, тем более запах всё ещё был довольно силён. И нашёл ещё два гнезда с десятком крысят в них. Они разделили судьбу обитателей первого гнезда. И я уже был почти сытым!

Пока я подчищал подвал, прибежали взрослые крысы. Поменьше, чем в канализации были, почище, поаппетитней. Но я их уже не стал трогать — во взрослых есть маячки, ну их к чёрту. Только зашипел на них, а самую отважную приложил хвостом, и они разбежались, испуганно пища.

Я тоже нырнул в вентиляцию, быстро дополз до своей комнаты, проверил, чтоб там никого не было, и нырнул под одеяло. Что-то... что-то я совсем озверел с этими крысами. Разве ж разумный и цивилизованный человек будет жрать крысят по подвалам?! Но они были такими вкусными и сытными... А, к чёрту! Я всё таки не совсем человек! А раз организм хочет свежей дичи — значит, надо есть свежую дичь! Блин, надо будет теперь время от времени спускаться в подвал и проверять не размножились ли крысы. И подъедать мелких. Хм, думаю, несколько месяцев времени у меня будет, пока училки не озаботятся падением поголовья крыс. А потом что-нибудь ещё придумаю!

Всё, посплю с часик, а потом на обед. Вот это точно нельзя пропускать!

Сегодня в нашем детдоме праздник — к нам приезжают наши родители! В том смысле, что должны приехать те, кто хочет кого-то усыновить или удочерить. Естественно, все суетятся, прихоращиваются, моются, чистят зубы, надевают самые нарядные вещи и старательно улыбаются в зеркала, репетируя радостный оскал.

Мне тоже пришлось присоединиться ко всеобщей суете. Нет, я явно не хотел быть усынов... удочерённым такими людьми. Почему? Я сомневался в их искренности. Лучше всего, знаете ли, усыновлять младенцев — у них ещё нет мозгов как таковых, поэтому из них воспитанием можно вырастить что угодно. Ну, теоретически. И привить ему любые знания. Такой, усыновлённый младенцем, ребёнок даже может не подозревать, что он усыновлённый, в самых запущенных случаях узнавая об этом только после смерти усыновителей, когда надо делить наследство.

Можно ли такое же проделать с уже более-менее взрослыми детьми? Практически невозможно. То, что из них вылеплено детдомом, уже не вывести никаким воспитанием. Как-то отрегулировать можно, но полностью переделать нет. Зачем же тогда брать к себе таких детей? А вот тут могут быть варианты!

Во-первых, конечно же, в качестве бесплатной рабочей силы. Усыновил какой-нибудь фермер полдесятка сирот и выпустил их пахать поля под предлогом «передачи семейного дела». И никуда ты не денешься, разве что сбежишь, но тогда тебя вернут усыновителю или обратно в детдом.

Во-вторых, это энтузиасты, профессиональные или стихийные. Которые думают, что добротой и воспитанием можно сделать что угодно. Иногда, очень нечасто, это получается, стоит признать. Но в подавляющем большинстве случаев трудный ребёнок остаётся трудным ребёнком, и его сдают обратно, мол, не справились. Насколько это обидно и травмирующе для самого ребёнка — и так понятно. А усыновители берут уже следующего.

Ну и в-третьих, взрослых детей берут не для самых лучших действий с ними. Бордели, в которых трудятся подобные дети, вполне себе существуют. Да что там, их могут брать к себе просто для того, чтоб было над кем издеваться. Помню репортаж из девяностых, как некая семейка брала к себе детей, а потом воспитывала их, избивая, пытая и расстреливая из пневматики, подвесив жертву на крюк в подвале. Причём в этом всё активно участвовали другие воспитанники.

Конечно, я могу просто слишком мрачно смотреть на всё это, а люди, которые придут — просто милые и добрые будущие родители, которые засыпят ребёнка любовью и заботой. Но что-то вся моя история в этом мире на такое не настраивает.

Ну вот. Я тоже стал прихоращиваться. Ну так, по-ленивому, чисто умылся, почистил зубы как всегда и теперь выбирал, надеть ли обычное платье или нарядное. О! Кстати! У меня теперь не два платья-носки, а целых пять! Представляете? Почти целый шкаф вещей! Да у меня рубашек в прошлой жизни не было столько одновременно! И при этом — ни одной пары носков или трусов. Вот так вот!

А платья я приобрёл очень просто — неподалёку от комнаты клуба Древолазов оказалась комнатка клуба Пошивальщиц. Там четверо девушек, три человеческих и одна барашка, строчили на машинках всякое разное. Причём, хочу сказать, как бы я ни относился к учительницам, но «своих» они обеспечивали всем, чем надо. Во те этих модниц были

достаточно новые автоматические швейные машинки, только ткань натягивай, горы ниток и целые залежи тканей. А ещё они перешивали вещи, которые приносили спонсоры — те скидывали нам всякий секонд-хенд, а эта четвёрка его перешивала под фигуры детдомовцев.

Вот и я к ним обратился. Они сначала ворочали носы, но я выставил найденный в вентиляции пузырь спиртного (не сказав, откуда взял его, конечно же), и девушки сразу сменили гнев на милость. Сходу они заporоли мою идею о чёрных, немарких платьях — сказали, что и я так весь чёрный, хвост чёрный, спина чёрная, волосы чёрные, так что видно меня фигово, а сам я пока что маловат ростом. Поэтому надо что-то яркое! Ну и теперь у меня есть ядовито-желтое и ядовито-голубое платье для ежедневной носки. А для праздников — ядовито-красное с золотистыми узорами рыб.

Единственное, на что я не согласился — это на дизайн. Мне пытались впарить обычные платья-колокольчики, чтоб выглядеть хорошо, но я сразу отказался. Я же не всё время вертикально нахожусь, пока ползаю — вперёд наклоняюсь, да и вообще. Только платья-носки и никак иначе! И вот, теперь их у меня пять, считая те, что в полиции сделали.

И вот я, весь такой нарядный, в красном носке с золотистыми рыбами сижу в шкафу, свернувшись клубочком. Потому что Василиса с подружками решила на мне отыграться и перед уходом на встречу с будущими родителями они засунули меня в шкаф и подпёрли дверцы чем-то!

Ну и ладно. Не очень-то и хотелось! Надеюсь, одну из них выберут для удочерения, а потом засунут в бордель, отрабатывать.

Я собрал все вещи в шкафу, сделал из них что-то типа гнезда и свернулся там, заснув. В любой непонятной ситуации ложись спать!

— Не расстраивайся, Светочка! Если бы ты там была, то тебя бы точно выбрали! Ты такая милая!

— Я и не расстраиваюсь.

— Вот! Правильный настрой! А этим сучкам мы перца в трусы насыпем, не сомневайся!

— Да не надо ничего сыпать, всё хорошо.

— Ути бозе умничка! Смотри какая ты красотка!

— Эх...

Мы с Галей сидели в душевой перед зеркалом, я свернул хвост колесом, а кошкодевочками обняла этот кружок ногами и гладила меня по голове. Когда я не появился на «смотре детей», «мои» озаботились поисками. Ну, после того, как потенциальные родители уехали. Тут дело понятное, для всех этих детей семья и родители были чем-то возвышенным, прям таки легендарным. Им всем казалось, что вот стоит понравиться — и у них будет любящая и заботливая мама и мудрый и добрый отец. Поэтому ничего странного, что искать меня стали к вечеру, когда смотрины закончились. Да я особо и не переживал, спал себе в шкафу и всё.

Конечно, заглянули и в мою спальню. Тут нашли стул, подпирающий ручки шкафа, а когда его отодвинули — нашли и меня. Скандал получился! Галя орала на Василису, парни её поддерживали, кобылицу защищала двойка её прихлебательниц, а остальные стоят и смотрят на это всё, неподалёку сбоку я ползаю полусонный. Хорошо, хоть драки не случилось, а то бы страшно представить, что бы было.

Я сначала и не понял, чего кошкодевочка такая злая, а оказалось всё опять из-за родителей — ей стало очень обидно, гораздо обиднее, чем мне, за то, что меня лишили

общения с потенциальными опекунами. Мне-то всё равно, а вот она впала в ярость. Да и другие девочки из спальни, к моему удивлению, смотрели на Василису с компашкой с осуждением. Видимо, это была всё же слишком злая шутка. Ну а я что? А я выспался зато!

Ну и вот, мы пошли мыться вдвоём самыми последними, а Галя взялась меня утешать даже здесь. То, что меня это происшествие почти никак не затронуло, она верить напрочь отказывалась, воспринимая всё так, будто это с ней подобным образом поступили. Мне было неожиданно приятно, я даже как-то размяк, а ещё она была теплее, чем обычные люди, и это тоже было приятно.

— Смотри, как у тебя волосы классные. — Галя стала пальцами ворошить мои «кудри».

Ну да. Если так подумать, то я уже примерно три месяца в этом мире. Из канализации я вылез второго марта, а внизу провёл несколько дней, неизвестно, сколько именно. Сейчас же конец мая, двадцать девятое число. Вот, три месяца тут. За это время волосы успели отрасти сантиметра на четыре-пять, можно даже причёску делать. Мальчишескую. Но хотя бы уже не лысый! А сами волосы плотные, иссиня-чёрные, густые. Может, отращивать дальше? Скорее всего буду так делать, а то тут парикмахерствует местная повариха, делая довольно жуткие причёски воспитанникам. Я ей свою голову не доверю!

— Привет, Светик. Привет, Галя. — в душевую зашли уже знакомые мне белка и коза, помахав ручками и улыбнувшись мне.

— Привет. — мы синхронно ответили.

— О, вы тоже решили иногда и тут расслабляться? Тогда мы по-быстрому всё сделаем и уйдём! — белка игриво повиляла хвостиком.

— Что? — не поняла Галя. — Вы о чём?

— Хи-хи-хи. — коза с белкой только рассмеялись и стали страстно намыливать другу друга.

— Света? — кошкодевочка посмотрела на меня удивлённо, потом у неё в мозгу что-то щёлкнуло, и она догадалась. — Ты?! С ними?!

— Ну...

— Как?

— Случайно получилось.

— Нееееет...

— Да.

— Нет!

— Да...

— А мы-то считали, что ты скромная и маленькая! — немного укоризненно покачала головой Галина.

— Это было всего один раз! — возмутился я. А то у неё такое выражение лица, будто я половину детдома уже перелизал.

— Этого достаточно! — отрезала девушка, а потом рассмеялась. — Ладно, пошли сушиться.

Когда я вернулся в спальню, тройка подружек шептались о чём-то на кровати Василисы. Но при виде меня оживились, зыркнули, пошептались, потом Марина встала и пошла ко мне, с какой-то тряпкой в руке. Тряпкой? Это же!..

— Ой, Светочка! — притворно-сочувственно воскликнула Марина и выставила перед собой грязное, в каких-то чёрных пятнах моё праздничное платье. — Мы тут сок пролили, а вытереть было нечем. Вот, что первое под руку попало. А потом обувь вытерли тоже — ну

оно же всё равно грязное. Ты же на нас не в обиде, да? Хи-хи-хи.

И бросив платье мне на кровать, вернулась к подружкам, которые радостно хлопали в ладоши.

Я поднял когда-то красивое платье, развернул, чтоб посмотреть на повреждения, потом пополз относить его в корзину для стирки, возле туалета. А что ещё делать? Вернулся, залез в постель под хихиканье сучек и закрыл глаза, чтоб их не видеть. Но слышать их слышал же! А они хотели завтра с утра вместо завтрака сходить к компьютерам в библиотеку — экзамены шли полным ходом, все даже слегка помешались на этом, так что ничего удивительного в этом не было.

Ах вот как! Значит, вас на завтраке не будет? Ну, Марина, сучка ты сволочная, я долго откладывал месть вам, но ты сегодня вывела меня из себя! Настала пора действовать!

Дождавшись, когда все заснут, я под кроватями подобрался к Марине, сорвал с её рюкзака в виде розовой коалы игрушку-висюльку персонажа из популярного местного мультфильма, которого звали Мариной, и шмыгнул в вентиляцию. Там добрался до медкабинета, слямзил бутылочку со слабительным (ящички не закрывались, только дверь кабинета) — и пополз на кухню. Поварихи с вечера подготавливали продукты на утро, так что мне ничего не стоило влить в кастрюлю с бульоном весь пузырёк слабительного. И бросил под стол висюльку с рюкзака! А пузырёк в урну в столовой.

Хе-хе, завтра придётся немного пострадать и самому, но уж когда все будут выяснять, кто виноват, эта висюлька и пузырёк будут быстро обнаружены? И на кого все подумают? Ну явно не на змеючку, которая и сама будет маяться на унитазе.

Хорошего тебе завтрашнего дня, Мариночка!

Сидя на бачке унитаза уже третий раз за день, я могу честно сказать, что горжусь собой. Ну, не тем, что я тут сижу, а тем, что мой план сработал на все сто!

Утром, когда вся школа пришла завтракать, тройки мучительниц не было в столовой — они, как и планировали, ушли в библиотеку. Поварихи сработали отменно, они нашли игрушку Марины и стали показывать её всем с вопросами о том, чья она и какого хрена делает на кухне, куда ученикам вообще-то ходить нельзя. Игрушку опознали, что неудивительно, все видели её на рюкзаке моей соседки. И отдали какой-то её подружке, чтоб та передала.

Потом все поели, и ученики, и учителя, и разошлись по классам учиться. А через час кааааак началось! Слабительное оказалось с просто чудесным эффектом. Серьёзно, если бы я на старой Земле изобрёл подобное средство, то я бы на запорных задницах миллионы сколотил бы! Потому что весь детдом разом ломанулся на унитазы, чуть не затыкая пробоину пальцами, чтоб успеть добежать. Ну и я с ними, конечно же. Только три подружки остались сидеть на местах, с недоумением глядя по сторонам.

Боже, что это было за зрелище! Люди ломались в кабинки, орали, толкались боками, от чего их животы лишь сильнее бурлили, садились вдвоём, втроём на один унитаз! Мне-то хорошо, я на бачок залез и хвост вниз спустил, чтоб только жопись там, где надо, была — и норм. А вот девки забрызгивали друг дружку от мощи струи, ругались, лезли мыться, а потом голыми мотались по зданию, ища чистые вещи. Те, кому не досталось места в туалетах, бегали в кусты на улицу (я там больше ползать не буду!) и даже отжали часть унитазов у мальчишек, их же меньше, вот пусть и потеснятся.

Когда первая волна спала, все пошли высказывать претензии поварихам — и нашли в урне призывно поблескивающую бутылочку из-под слабительного. Тут даже самые тугие смогли сложить два и два — игрушку Марины и бутылку, после чего резко переадресовали претензии к моей соседке. Она, конечно, клялась, что ничего не делала, но отсутствие её и подружек на завтраке как бы намекало не меньше, чем игрушка на кухне.

После вторых посиделок на унитазе я с удовольствием наблюдал, как несколько десятков девок месили Маринку с Василисой и Настей, которые решили заступиться за неё, совсем не сдерживая себя. Крольчихи и белки были довольно мелкие, но зато они брали количеством. А вот зверюльки покрупнее, некоторые не уступающие размерами Василисе, пинали подружек с чувством, со знанием дела и с удовольствием. Троицу сучек спас только третий позыв в задницах участников драки, а так бы им явно чего-то сломали. Хе-хе-хе!

И мне было абсолютно не стыдно. Да, я, взрослый, почти состоявшийся мужчина, который радовался тому, что несовершеннолетние девочки избивали других несовершеннолетних девочек. С кобылами жить — по-кобылячьи игогокать! Сами напросились!

Фух, всё, я вроде закончил. Пора ползти в свою спальню — на сегодня занятия отменили, надо отдохнуть после всех этих... напрягов.

— Я в душ. — брякнул я, слезая с бачка.

— Ага, давай. — уныло кивнула барашка, с которой мы делили фарфорового друга. Она утром наелась впрок, так что ей тут ещё сидеть и сидеть.

Помывшись, я, как и все, голышом прополз в спальню и вытянулся на кровати.

Каааааайф! И уроки побоку, и сучка отомстил! Только жопись саднит, но что поделать, всегда приходится чем-то жертвовать. Зато какое я удовольствие получил от зрелища девчачьего побоища! Моя последняя соседка по унитазу, кстати, так обозлилась тогда, что разогналась и, нагнув голову, врезалась рогами в живот Василисе, а та в ответ икнула и выпучила глаза. Это было так красиво и ловко исполнено, что я аж заплодировал! Блин, жаль, никто не снимал это всё на смартфон.

Девчонки в спальне, такое ощущение, что не знали, что же делать. Их заводили, все трое, сейчас были в медкабинете, где Анна, наверняка перебарывая желание дать им пинка, исцеляла их побитые тушки — оказывается, у нас тут есть не только медикаменты, но и аж два целительских артефакта — для заживления ран и для сращивания костей. Вот первым их как раз и потчуют, до утра троица там пробудет. Ну а в спальне травоядные сидели кучкой, шептались и иногда оглядывались на меня, будто проверяя, тут я или куда-то уполз.

Я же был занят важным делом — планировал месть дальше. Я же не собирался останавливаться на одной Марине! Неет, они все трое от меня получают! Я уже примерно представлял, что буду делать, но надо было обдумать конкретные шаги с учётом сегодняшней ситуации.

— Света. — девичий голос вывел меня из задумчивости.

— М? — я повернул голову к Кате, моей соседке, что спала на ближайшей кровати.

— А пошли к нам? Вера всем гадает на картах, может и тебе погадать! — и глаза у неё были такие странные-странные.

— Эээ... ээээ... Пойдём. — согласился я, пару секунд потупив.

Гадания? Ну ладно, всё равно социализироваться надо, пока сучек нет, пусть будут гадания. Если это наладит мои отношения с девочками и позволит комфортнее чувствовать себя здесь, то я даже на чехарду и городки согласен. Не одеваясь, я так переполз на постель Веры и устроился, свернувшись кружком, чтоб меньше места занимать.

Вера была крольчихой с большими, печальными зелёными глазами и разного цвета ушами, одно было серое, второе наполовину серым, наполовину белым. Даже волосы её были со светлыми прядями, что придавало ей некий шарм. И неряшливость, будто она плоховато покрасилась.

— Это очень точные карты! — заявила Вера, тасуя довольно потрёпанную колоду. — Я не даю никому к ним прикасаться, чтоб не сбить привязку к себе. А так же всегда сплю с ними под подушкой! Так что стоит их попросить — и они расскажут всю правду о человеке!

— Я ж не человек. — невольно мявкнул я, а все осуждающе посмотрели в мою сторону.

— Неважно. О любом разумном живущем! — задрала нос Вера. — Картам всё равно, человек ты, кролик или серпента, они видят прошлое и будущее и никогда не врут!

Тут уж я промолчал, хотя и хотел сказать. Ага, прошлое и будущее они видят. Если б это было так, то любой чиновник прежде, чем взятку брать, картишки бы на будущее раскидывал! По крайней мере здесь, на этой Земле, где даже магия есть. Но всё равно по новостям регулярно отчитываются, как того или иного казнокрада задерживают. Что интересно — всего о парочке говорили, что их ещё и посадили.

— И так — начнём! — Вера перестала тасовать, а девочки вокруг напряженно сопели. — Что было у тебя в прошлом?

И случайным образом вынула карту из колоды, бросила её на постель — это оказался туз пик.

— Смерть! — выдохнула Вера, а девки стали охать и ахать, но не комментировали.

Зайчиха на несколько секунд замялась, удивлено смотря на меня, то на карту, и продолжила. — Что тебя ждёт в будущем?

Теперь выпала трефовая десятка и король.

— Дальняя дорога и казенный дом! — вынесла вердикт гадалка.

— Я уже в казенном доме. — буркну лая, и на меня со всех сторон зашикали.

— Что у тебя в мыслях?

Пиковая дама!

— Роковая женщина! Что у тебя в сердце?

Валет червей.

— Мужчина! Что беспокоит?

Шестёрка пик.

— Загадка! А что успокоит?

Червовый валет.

— Красивый мужчина!

Зайчиха выдохнула, будто избавилась от тяжелого груза. Она вообще вся вспотела и была мокрой, а глаза лихорадочно блестели. Собрав карты и снова начав их тасовать, Вера посмотрела на меня.

— Ты очень странная, Света. Я еле смогла уговорить карты показать это! — она вдруг перестала играть с колодой и с печалью посмотрела на неё. — Всё, карты сегодня уже не хотят ничего говорить.

— Света, а что это за мужчина у тебя в сердце?!

— А роковая женщина — это кто? Ну скажи!

— А почему карты показали у тебя сразу двух мужчин? Свееета!

— Так, я ничего не знаю! И вообще в гадания не верю! — отбрыкнулся я от всех вопросов.

Ну блин, Вера нагадала, а я должен на её бредни отвечать! Гадания на картах? Да если бы она умела, то давно бы уже жила не тут, а в какой-нибудь магической академии Сиам. А раз она тут, то это всё ловкость рук и неплохая актёрская игра.

— Ну не хочешь говорить, так не говори. — насупились девушки, потом Катя вдруг спросила. — Света, а можно твой хвост погладить?

— Эээ... ну да. — я пожал плечами. Надеюсь, они за него дёргать не будут?

— Ооооо!

Все жёсть девушек, даже Вера, которая засунула колоду под подушку, стали гладить меня по хвосту, щупать его и чуть ли не на зуб пробовать.

— Приятный такой. Я думала, ох будет склизкий.

— Кайф! Чешуйки рельефные, как массажер!

— Он точь в точь как сапоги той богатой дамы, что в прошлом году к нам приезжала. Я их успела погладить. Только хвост тёплый и мягкий.

— Света, ты же змея... ну, наполовину. Почему ты тёплая?

— Я же теплокровная всё таки. Вам разве Анна урок по серпентам не устраивала?

— Неа. Но мы попросим, чтоб сделала!

— Ай! Не касайтесь кончика, пожалста! — я вскрикнул, когда одна из девушек стал теревить кончик хвоста — и по мне будто пробежал приятный удар током. — Очень чувствительное место.

— Неприятно? Прости.

— Да ничего, но что-то типа того, не стоит его трогать.

Когда меня всю общупали и, наконец, перестали сравнивать с сапогами, Вера достала другую колоду карт, ещё более потрёпанную, и мы стали играть в дурака на правду — проигравший что-то рассказывает о себе. Хы-хы-хы, я ни разу не проиграл! В студенческие годы я частенько ездил туда-сюда, а за чем ещё коротать время, как не за картами? Умение не пропьёшь.

Только когда выключили свет, мы разошлись по кроватям. Я додумал последние штрихи для мести Василисы с Настей и заснул. Сегодня нет смысла лазить по вентиляции, можно спокойно спать всю ночь!

— Дети. — Лидия Николаевна смотрела на нас со строгим и печальным выражением лица. — Вчера случился весьма прискорбный случай. Одна из вас решила пошутить, но не учла, что шутки должны быть смешными для всех, а не только для неё. Пожалста, не повторяйте этих ошибок, иначе вы будете строго наказаны! Вы поняли меня, дети?

— Мы поняли вас, Лидия Николаевна! — вразнобой ответили мы.

— Я надеюсь на вашу благоразумность! — учительница строго посмотрела на нас, особенно на Настю, а потом вздохнула. Видимо, она считала нас тупыми пиздюками, поэтому в нашу благоразумность не верила ни на грош. — А теперь к теме урока!

Я сидел, корчил серьёзную морду, но внутри-то я улыбался! Сегодня утром, когда троица девушек вернулись в спальню из медкабинета, у меня было просто великолепное настроение! Не знаю, что там за артефакты применялись, но большинство побоев так и осталось у них на лицах. Ну, особо страшных не было, да и ран никаких не видно, но вот синяки и ссадины ярко синели и лиловели у них на рожах! Ха-ха-ха! Еле сдерживал себя, чтоб не тыкать в них пальцем и не ржать на зависть любой лошади.

Атмосфера в комнате изменилась по сравнению с той, что была все эти месяцы. Теперь шестёрка моих соседок смотрела на тройку гопниц не со страхом и желанием угодить, а с осуждением и гневом. Ну да! Травоядные любили нагнуть еды! Поэтому вчера они плотненько так сидела на фаянсовых друзьях, гораздо дольше меня.

— Чё вылупились? — огрызнулась Василиса, реагируя на взгляды.

Шестёрка не ответила, но взгляд их стал ещё более гневным.

Правильно, девочки! Бунт! Путч! Забейте угнетательниц стульями и задушите подушками! Кхм, что-то я немного перегнул палку. Никого забивать не будем! Мы за справедливость, а не за бездумную жестокость!

В коридорах детдома, да и на уроках, на Василису, Настю и Марину смотрели точно так же. Все злились и не слушали никаких их оправданий. А троица не могла быковать как раньше, потому что их вес в иерархии упал ниже плинтуса.

Понаслаждавшись этим пару дней, я приступил к следующей части плана. Теперь я решил ударить по Василисе, используя репутацию «сплетницы», что я наработал. Но в то же время нужно сделать так, чтоб «сплетница» исчезла — в конце концов, через годик я стану слишком толстым, чтоб пролезать в вентиляцию, и просто не смогу выдавать столько же сведений.

Час настал, когда нам выдали на завтрак персиковый компот. Настя его жуть как любит, поэтому слямзила мой с подноса по старой привычке и выпила, а я смолчал. В любом случае, как хищник я не мог что-то ей предъявлять. В общем, Настька напилась компота за завтраком, а на большой перемене, пообедав, сразу же метнулась в туалет. Я — за ней. Вернее, я даже быстрее её приполз в туалет, потому что видел, как она мялась и торопилась съесть свою порцию.

Заскочив в туалет, я открыл нараспашку дверь одной из кабинок, а сам залез в соседнюю — и стал громко изображать звуки пуканья. Как я и рассчитывал, крольчиха заскочила в ту кабинку, дверь которой я открыл, и с облегчённым уханьем сделала своё дело, а потом вышла. Вот тут был риск, конечно же, она ведь могла и не захлопывать за собой дверь. Но снаружи у раковин с зеркалом толпились девочки, которые с неодобрением

смотрели на «подружку фекальной террористки», так что она скромно прикрыла дверцу. Ну а я мгновенно шмыгнул в её кабинку и быстро нацарапал на двери — «Софья Леонидовна сговорилась с Василисой, что ей будут ставить оценки выше, чем другим! А другим снижать их — чтоб на их фоне Василиса выглядела лучше! И это Василиса подговорила Марина на шутку со слабительным, чтоб выбить себе фору в учёбе!». И залез обратно в свою кабинку. Плохо, что подставляю другую учительницу, не Офцу, но к несчастью (или к счастью) Василиса не в моём классе учится.

— Ух, ну наконец-то! Что, кто-то опять слабительного подлил, что ли?! — громко крикнул я и спустил пару раз воду в унитазе.

— Что? Ты серьёзно? — побледнели девушки и стали прислушиваться к себе.

— Да не, это я так, просто удивилась своим... делам. — потупился я, быстро помыл руки и пополз в нашу спальню.

— Эй, смотрите, что тут написано! — услышал я в спину, это кто-то из девушек зашла в кабинку после Насти и увидела мою надпись.

Ага! Надо спешить! Кабанчиком метнувшись до спальни, я стал распахивать заранее заготовленные записочки с местными тайнами в тумбочку Насти и в её кровать. Пусть потом доказывает, что это не она — «сплетница»! Распахав, с чувством выполненного долга пополз в класс

Конечно, в моём плане были слабости. Бездоказательность утверждений о Василисе и её училке, да и Настька должна быть совсем уж тупой, чтоб так спалиться с записочками. Но я ставил на то, что накрученные девки на это не обратят внимания. Эта тройка уже дискредитировала себя «поносным делом», так что на них радостно спихнут все грехи в детдоме.

Гром грянул сразу после уроков. Я быстренько приполз в спальню и стал копаться в своих вещах, якобы что-то там перебирая — ну не мог же я лишиться себя замечательного зрелища женских разборок?! Тут уже была тройка сучек, они теперь нигде не задерживались, подружки, ещё четыре дня назад дружившие с ними, теперь явно не рады видеть их рядом. Ещё на своей кровати сидела Вера и о чём-то шепталась с белкодевочкой.

— Эй, Василиска! А ну иди сюда! — дверь спальни распахнулась от удара ноги, и к нам зашла подружка Василисы Жанна — свинодевочка, не уступающая Ваське габаритами.

— Чё тебе надо?! — Василиса встала с мрачной рожей, Настя с Мариной спрятались за её спиной.

— Это правда про тебя и Софью Леонидовну?! — Жанна встала в позу и сложила руки на груди в замок. За ней была цела толпа старших девочек, которым выпускаться в этом году, да и просто зевак.

— Не твоё дело! — неожиданно для меня заявила кобылица.

Э? Это она что имеет ввиду? Я каким-то образом угадал со своей выдумкой или что? Вроде оценки Василисы в последние пару месяцев пошли вверх, но я думал, это из-за того, что она упорно, можно только похвалить, училась. Или она про что-то другое говорит?

— Ах вот значит как! Так мы тут зубрим и учим, а тебе оценки за красивые глаза ставят!

— Чё ты несёшь?!

— Да вот то, что твоя подружка написала, и несу! А, Настька?! — все посмотрели на крольчиху, а та явно смутилась.

— Что? Я не понимаю, о чём вы...

— Понимаешь, какое дело! После того, как ты сходила в туалет, там появилась надпись

сплетницы... Вот до тебя её не было, а после тебя появилась...

— Это какой-то бред! Я ничего не писала! — заорала Настя, но Жанна была настойчива.

— А давай проверим? Девки, обобщем её! — и толпа девок, оттеснив троицу, накинулась на кровать и тумбочку Насти.

— Нашла, наша! — вскоре с полдесятка записок были вытряхнуты на всеобщее обозрение.

Вторгшиеся стали их читать, выдавая один секретик за другим. Когда дошло до записки про Жанну (она во сне повизгивает и хрюкает, как настоящая свинья), та не выдержала и с рёвом накинулась на Настю. Это послужило спусковым крючком для всех! Вся толпа ринулась на троицу и стала охаживать их чем придётся, лупя кулаками, ногами и мокрыми полотенцами! Одна человеческая девушка взяла кусок настиного мыла, завернула его в наволочку и стала охаживать этим Василису по спине, хекая и злорадно улыбаясь.

— Что вы тут устроили?! Сейчас же прекратите! — в дверях показалась Лидия Николаевна и ещё парочка учителей, в том числе Софья Леонидовна.

Ещё с минуту девушки били провинившуюся тройку, пока учительницы буквально за шкирки не растащили их в стороны.

— Что тут происходит?! А?! Быстро объясните своё поведение!

— Это всё Василиса! Она сговорилась с Софьей Леонидовной, чтоб та ставила её оценки выше! А другим занижала! А Настя — сплетница! Мы её поймали! — стали наперебой тараторить девочки.

Я вместе с Верой и белкой сидели вместе на кровати, эти двое прилезли ко мне во время драки, будто ища защиты в количестве.

— Ничего такого не было! — взвизгнула Софья Леонидовна, густо покраснев.

— Я уверена, тут просто какое-то недоразумение! Давайте не будем совершать поступки, которые нас совсем не красят, и не будем говорить слов, о которых пожалеем! — Лидия Николаевна говорила правильные вещи, но при этом с явным негодованием смотрела на Софью. Хе-хе, явно тоже не верила её словам.

Забрав тройку побитых подружек (Насте сломали левую руку, Марине так подбили глаза, что она вообще ничего не видела, а Василиса явственно подволакивала ногу и утирала кровь из разбитого носа и губ) и записки, учителя ушли. Толпа девок, лишь слегка помятая в драке, ещё с полчаса гудела у нас в комнате, потом переместилась в холл, к телевизору. Только тогда три оставшиеся обитательницы спальни пробрались сюда, залезли на мою постель (вот сучки!) и стали гудеть, обсуждая произошедшее. Я тоже иногда поддакивал и выражал удивление восклицаниями.

В результате этого всего Василису, Настю и Марину поселили в отдельной комнате, которую они запирали на ключ, чтоб никто к ним не вломился. И ходили они всегда только втроём, даже в туалет, боясь быть побитыми. Все в детдоме их чуть ли не ненавидели, шипели на них почище змей, а уж как-то напакостить им считалось благим делом!

Под таким прессингом непривычные девушки сломались. Ходили всё время испуганные, вздрагивали от любого шума, а говорить, казалось, вообще перестали. Василиса к тому же завалила выпускные экзамены. После слухов для её проверки собрались все учительницы детдома и даже из минобра приехала парочка тёток, посадили её за парту посреди комнаты, а сами расселись по кругу и смотрели. Понятно дело, под таким перекрёстным присмотром кобылица лажала везде, где только можно, и не сдала половину

экзаменов. Фиг ей, а не приличное училище или даже ВУЗ, пойдёт в самую лоховскую бурсу! А я наслаждался жизнью и строил из себя пай-девочку. К счастью, никто в комнате не подумал, что теперь она должна быть альфа-самкой, так что драки за иерархию не было. Все занимались тем, чем хотели, и всё. Меня даже стали приглашать в компанию девочек, хотя я больше слушал, чем говорил. А ещё мы играли в карты на котлеты и вообще мясное в столовой, я чаще всего выигрывал. Соседки с какой-то фанатичной упрямостью пытались раз за разом отыграться, но я от этого только становился сытее. Кстати, сам я экзамены в классе сдал лучше всех в детдоме, потому что программа была очень уж лёгкой. Меня даже пытались так же тестировать, как Василису, но мне было пофиг на их гляделки, так что всё прошло хорошо.

А вот чего я не ожидал, как это произошедшего потом.

Мы с Верой и Катей как раз перекидывались в дурака, сидя на кровати Веры — все остальные разъехались по дальним родственникам и временным опекунам — когда в дверях показалась Лидия Николаевна.

— Найдёнова! — требовательно вскрикнула она, а я аж подпрыгнул от неожиданности.

— Да, Лидия Николаевна! — я бросил карты и подполз к учительнице.

— У меня для тебя новость. — выдавила та таким тоном, будто хоронит кого-то. Ей явно не хотелось, чтоб эта новость была.

— Какая, Лидия Николаевна? — я немного насторожился. Что случилось-то? Нашлись какие-то мои родственники? Я оказался родственником Лидии Николаевны? Чего она такая злая-то?

— Ты попала под программу поддержки сирот редких видов. — наконец разродилась учительница.

— И что это означает? — вот что мне, каждое слово из неё клещами вытаскивать?

— Это означает, что тебе надо собираться. Через два дня ты отправишься в летний лагерь на Южный берег Сиама. И пробудешь там до августа.

— Правда? — даже как-то растерялся.

— Нет, блин, я пошутила! Конечно, правда! Так что собирай свои пожитки, послезавтра я отвезу тебя в Зареченск и передам в руки воспитателей лагеря. Поняла?

— Конечно, Лидия Николаевна!

Полтора месяца без этой пресной рожи?! Ха-ха-ха, вот это отличная новость!

Не забывайте! Каждый новый комментарий увеличивает следующую главу на сто знаков, а каждое новое сердечко — на пятьсот!;))

Глава 16

Когда первая радость от того, что я свалю из этого гадюшника (интересно, а нормально так говорить, если я сам — натуральная гадюка?), то на смену пришло беспокойство. А вдруг это того — ловушка? Ну, не знаю, Офца продала меня кому-то, теперь посадит в клетку и отвезёт клиенту, а в детдоме скажет «сбежала». И дальше я в лучшем случае пойду на сумочку с сапогами, потому что кожа хорошая. А в худшем — в какие-нибудь секс-рабыни в экзотическом борделе, я-то тут вполне себе экзотика. И буду я доживать свои дни, весь в татуировках, с ошейником и обслуживая местных старых пузанов. Брррр, даже думать о таком не хочется!

Но Вера с подружкой успокоили меня, мол, такое время от времени случается, каких-нибудь детей увозят и привозят. Несправедливо, что не всех, но жизнь несправедлива по своей сути. А окончательно меня успокоило то, что я не один поеду — со мной отправятся Рита и Маша, две подлизушки Кати, бывшей подружки Василисы, парню которой я подбросила чужие трусы, а так же Степан, парень-лис из клуба Древолазов. Вряд ли всех четверых завезут куда-то не туда, слишком уж палевно будет такое. А я уже понапридумывал интерьеры борделя... Мда...

Поэтому я стал собираться. Ну как собираться — в свой рюкзак засунул все четыре платья, зубную щётку, кружку, ложку с миской и всё. Больше у меня ничего и не было. Грустно? Грустно. Но мне этого было достаточно.

В назначенный день к выходу подъехал выдавший виды минивен, из которого вышел Трофим. Мужик отпёр отъезжающую дверь и скомандовал нам загружаться, что мы и сделали. Рита с Машей последние дни были слегка пришибленными — ещё бы, их покровительница выпустилась, новую они ещё не нашли, а в детдоме моими стараниями был такой кавардак, что они не знали, что делать. Но сейчас они явно чувствовали себя на высоте — заняли места рядом с Лидией Николаевной, которая тоже ехала с нами, и изо всех сил подлизывались к ней. А нас со Стёпой оттеснили на задние сидения, где тряска больше. Ну и ладно, я разлёгся сразу на трёх сидениях, вытянув хвост, и пялился в окно. Ещё бы! Первый раз за пределы детдома выезжаю! Степан на соседнем ряду делал то же, разве что такого роскошного хвоста у него не было, и вытянуться всем телом он не мог.

Наш детдом располагался в пригороде столицы одной из областей, так что теперь мы выезжали из деревни в цивилизацию. Дороги становились всё лучше, вдоль дороги становилось больше домов, а сами они вырастали всё выше и выше. Как-то незаметно мы вдруг стали ехать не через частные дома пригородов, а сквозь городскую застройку — «свечки» многоэтажек, яркие магазины, торговые центры, какие-то развлекательные комплексы. К моему удивлению, архитектура этого мира, по крайней мере этой части света, ничем особо не отличалась от российской. Даже панельные пятиэтажки были! Правда, зелени было больше, факт, и парки встречались чаще, а ещё проекты домов были разные, явно для зверолодей разного размера. Хотя и «универсальных» жилищ хватало.

По улицам ходили полураздетые по случаю июня люди, выставляя напоказ свои зверолоудские особенности. Ух, я даже серпенту видел одну! Какая-то дамочка в майке и каких-то непонятных поясах выбиралась из машины, сверкая на солнце ярко-серебристой чешуёй хвоста. А длинная была — жуть! И грудь я успел мельком заметить, солидная такая. Но в основном были обычные люди, травоядные в виде белок и кроликов, а так же изредка

встречались хищники и крупные травоядные. Бычара с длинными, в полметра, рогами в майке-алкоголичке, куцых шортах и с бутылкой пива в руках, сидящий в сквере, вообще был прям гопник какой из старого мира.

Лидия Николаевна всю дорогу рассказывала выспрашивающих её крольчихам, что тут где. Ну, и мы со Степаном тоже слушали эти объяснения. Правда, знала училка в основном то, где тут самые лучшие супермаркеты и рынки, а вот про развлечения как-то не очень, театры и прочее она почти не комментировала. Зато с профессиональной любовью рассказала про некий институт, мимо которого мы проехали, мол, там отличная математическая кафедра, вот бы ей там преподавать.

Наконец, после почти часа езды мы подъехали к явно государственной пятиэтажке, возле входа в которую была куча табличек с названиями расположившихся тут организаций. Там нас поджидала парочка людей.

— Дети, выходите! — скомандовала Лидия Николаевна, и мы вышли из машины. Только я из чувства протеста выполз! — Теперь они ваши! Это вот Риточка, это Машенька, а это Степан! Ну и длинная — Светочка.

— Привет, ребята! Я — Алиса, а это — Максим! Мы будем вашими кураторами в лагере! — жизнерадостно заявила девушка, когда они с Лидией Николаевной обменялись документами, и та с Трофимом уехала.

— Здравова. — кивнул Максим.

— Ну, у вас у всех есть всё необходимое? Зубные щётки, крем для загара купальники? Мы же едем на море!

— У меня есть! И у меня! — откликнулись крольчихи. Даже Степан \к моему удивлению кивнул и выдал. — Есть.

— А у меня нет купальника. И крема. — насупился я. Ну ладно девки, но Степан?! Как ты мог?! Вот за него обиднее всего было!

— Хорошо! Тогда вы трое идите с Максом, а мы со...эээ... Светой, верно же? Мы со Светой пойдём купим ей купальник!

— Давай, у вас два часа. — напомнил девушке Максим и погнал троих детей перед собой куда-то в пятиэтажку.

— А мы с тобой пойдём выбирать купальники! — жизнерадостно зашагала в сторону виднеющегося торгового центра Алиса.

— А может, не надо? — я работал всем телом, чтоб поспевать за ней.

— Почему это — не надо?

— Так у меня и груди-то нет, что там купальником прикрывать? — я ткнул себя пальцем в абсолютно плоскую грудь.

— Ну и что? Купальник не для того, чтоб прикрывал, купальник для того, чтоб привлекать! — весомо заявила Алиса. — Поверь мне, многих парней привлекает даже не вид чего-то у девушек, а то, что у них может быть, но скрыто. Воображение у них работает в этом плане гораздо сильнее, чем у нас!

— Но я не собираюсь привлекать парней. Я лесбиянка!

— Фу ты, и откуда такая малявка знает такое слова? — хмыкнула вожатая. — Ничего, пообщаешься с ними побольше, да на берегу моря — посмотрим.

Чёрт, и в этом мире есть адепты «да у тебя просто мужика нормального не было».

В любом случае, у тебя должен быть купальник и второй — на смену. А носить его или нет, ты уж сама для себя решишь. И вообще, уже сейчас надо привыкать к лифчикам, когда

грудь вырастет — уже поздно будет.

— Может, моя и не вырастет. Никаких предпосылок к этому нет!

— Это тебе так кажется, а я вот ни разу в жизни не видела серпенту без груди.

— И много же вы их повидали?

— Ну... — похоже, этот вопрос таки заставил смутиться девушку. — Достаточно, чтоб сделать такой вывод! И вообще, лифчик — очень полезное изобретение! Вот ты видела фотографии или видео дикарок с островов?

— Нет. А что?

— Обязательно посмотри! У них у всех, даже у молодых, грудь чуть ли не до пупка свисает. А почему? А потому, что они не носят лифчиков! Он не для того, чтоб скрывать, а для того, чтоб поддерживать и сохранять форму груди!

— А маги не могут такой эликсир сварить? — вдруг пришло мне в голову.

— Могут, конечно. Только и позволить себе это могут лишь достаточно богатые люди. — Алиса подумала несколько секунд и добавила. — Я вот на такой лет за пятнадцать заработать могу, если не буду есть, пить, одеваться и буду жить на улице. Ха-ха-ха!

Понятно. Любой каприз, но за солидные бабки. Ну что ж, так-то она дело говорит. У меня была одна знакомая мадам, которая лифчики не любила. Так её довольно большая грудь уже в двадцать пять болталась где-то в районе пупка, и это совсем не шутка. Ради развлечения она свои сиськи себе на спину закидывала! Это было одновременно и круто, и мерзко.

Купальник мы выбирали долго. В отдел для серпент не пошли, там цены были будь здоров, судя по цифрам на ценниках, что я видел. Так что зашли в обычный крохотный магазинчик, где мне быстро выбрали два купальника для человеческих детей — ярко-желтый с треугольными чашечками (этот я выбрал сам) и какое-то розовое убожество с рюшечками и бантиками (это выбрала Алиса, она так жалобно на него смотрела, что я сдался и согласился).

— Смотри, как легче всего завязывать купальники. — наставляла меня девушка. — Берёшь его за завязки и делаешь красивый бантик спереди. Потом просто проворачиваешь его бантиком назад, а чашечками вперёд. А тесёмку на шею завязываешь после этого! Так же можно и с обычными лифчиками делать, там бывают такие муторные застёжки, что жуть!

Покончив с этим, мы перебрались в раздел косметики, где мне долго подбирали крем для загара и крем от загара. Я спросил — а зачем крем от загара, если едешь на море отдыхать? Но Алиса с продавщицей так на меня посмотрели, что я почувствовал себя полным дураком, но ничего не объяснили, только фыркнули друг дружке и обменялись понимающими взглядами. Тут же Алиса узнала, что у меня из косметики одна расчёска, и решила закупиться побольше — мол, на нас выделяют вожатым определённый бюджет, на «ежедневные траты», вот и нужно его потратить. Вот прямо сейчас, не сходя с места! Так у меня появилась тушь, карандаш для век, лак для ногтей и даже помада. Господи, у меня есть своя помада! До чего я докатился?! Очень довольные друг дружкой, Алиса с продавщицей косметики обнялись напоследок, и мы оттуда ушли.

Судя по всему, кураторше просто в кайф было совершать покупки, потому что мы и после этого не ушли из торгового центра. Мне были приобретены повязка с козырьком, чтоб солнце глаза не слепило, маникюрные ножницы, два куска мыла с фруктовым запахом (мол, в лагере только местное детское, без запаха, а это не круто), коробка с леской и бисером (этим увлекаются ВСЕ девочки!) и прочая подобная хренотень. Когда я выполз оттуда, то

мой рюкзак изрядно распух и почти перевешивал меня назад.

— Пошли мороженое съедим? — Алиса была полная сил казалось, этот шопинг только улучшил её самочувствие.

— Хорошо! — я улыбнулся, приветствуя единственное её разумное предложение за последний час.

— Ух, какая у тебя красивая улыбка! А ты знаешь, что у тебя на щеках ямочки есть?

— Ээээ... нет... Я что-то себе в зеркале не часто улыбаюсь. — честно ответил ей.

— Уууу, да ты вообще какая-то мрачная. Ничего, мы это исправим этим летом!

Ну-ну. А мороженое мне понравилось. Тут было и обычное, и ванильное, и шоколадное, и с кучей фруктовых вкусов. И даже мясных. Впервые в жизни попробовал мороженое со вкусом бекона! Получше, чем такие же чипсы, а вот с фисташками мне очень даже зашло.

— А ты давно в детдоме? — вдруг спросила Алиса, когда мы сидели и лизали холодные рожки.

Она, кстати, испугалась, когда я всем своим длиннющим языком за раз полпорции слизнул. Но потом я сдерживался и старался аккуратнее есть, наслаждаясь вкусом.

— Три с половиной месяца. — кивнул.

— А почему?

— В смысле — почему?

— Ну, почему ты там оказался? Что-то случилось с твоей мамой? Ой, прости, если тебе тяжело об этом говорить!

— Да нет, я не знаю, что случилось. — я пожал плечами. — А почему именно с мамой, а не с папой?

— Хм, как-то всегда больше думаешь, что именно мамы больше любят детей, чем папы.

— Моя меня точно не любила, так что я так не считаю. — я снова пожал плечами.

— Разве так можно говорить?! — ужаснулась Алиса.

— А почему нет? Я не знаю наверняка, но моя мама была ещё той сволочью, раз я оказалась в детдоме. Возможно, что отец любил бы меня больше. Но и это не факт.

— Ты слишком мрачная маленькая девочка, Света. — выдала вердикт Алиса, с полминуты разглядывая меня.

— Может быть. Но я живу среди сотни сирот, это о чём-то, да говорит.

Мама, мама. Моя здешняя мама, насколько я могу понять, была той ещё шлюхой. И я это могу сказать абсолютно точно, промучив ради этого библиотечные компьютеры.

Мечеспины, как оказалось, это здешние негры. Серьёзно! Они живут где-то в районе экватора, в джунглях и мангровых лесах. Довольно развиты технологически, вряд ли чем-то уступают в этом Сиаму, но при этом всё же более дикие, необузданные. И что же означает то, что я родился в местной канализации? А только то, что моя мамаша поехала к мечеспинам по делам или на отдых, забеременела там, а потом, вернувшись и обнаружив залёт, избавилась от потомства, выкинув его к крысам. Хороша мамаша, да?

Причём, из-за особенностей местной генетики невозможно установить, кто она такая. Тут у живого странная особенность — практически вся видовая особенность наследуется от одного родителя, а не является смесью обоих. То есть ребёнок от разных подвидов серпент будет строго одного из подвидов, хотя и с некоторыми мелкими деталями от другого. Ну, вот я по подвиду — мечеспин, но кожа у меня не чёрная, а белая. А моя мать может быть абсолютно другого вида, одного из трёх, который обитает в Сиаме — серебристым питоном, белым ужом или коралловой гадюкой. Я, так сказать, почти весь пошел в папашу. Смешно,

но расплзшиеся по канализации мои братья и сёстры могут быть одного вида с матерью и не иметь ничего общего с мечеспинами. Так что неудивительно, что их не связали со мной, если они тоже выжили и вылезли из канализации, но раньше меня.

Если брать пример со старой Земли, то это как отдыхающая где-нибудь в Египте или Турции мадам по возвращению вдруг узнала, что беременна, но аборт делать поздно, родила — и выкинула младенца в мусорку. Сильно ли нужно любить выжившему малышу такую мамашу? А эта восторженная идиотка всё пытается внушить, как же мамы это хорошо. Не сомневаюсь, что хорошо, но вот здешняя моя — точно сволочь!

— Ну что, пошли? — Алиса поднялась, когда я долизал последнюю порцию мороженого.

— Ага.

Мы вернулись к пятиэтажке, какому-то культурному центру имени некоего древнего царя, предка нынешнего. У входа уже собралась прилична толпа детей — шпук сорок, не меньше, вокруг которой носился весь взмыленный Максим ещё четверо кураторов. Меня присоединили к этой куче, а Алиса стала носиться вместе с остальными взрослыми. Через полчаса пришел наш транспорт — солидного размера автобус, куда мы все загрузились. Я уж думал, что мы так и поедem, но нет, автобус довёз нас только до железнодорожной станции, а там мы пересели на поезд, заняв полвагона.

Ух, прямо как в детстве! Тогда я ездил к бабушке в деревню на поезде, которая жила в полутора тысяч километров от нас. До сих пор помню этот стук колёс, варёные яйца, страшный шипящий туалет, в котором видно убегающую назад дорогу. И ощущения от новых ощущений! Особенно когда по мосту пересекали широкую реку — свист ветра в фермах моста, плоская гладь реки, которая для меня выглядела нереальной.

Я сразу же «застолбил» верхнюю полку, расстелил там матрас с подушкой, залез туда и лежал, глядя на пробегающие мимо виды. Другие поступили почти так же, даже можно было понять, кто был в этой толпе домашним ребёнком, а кто — детдомовским. Домашние меньше смотрели в окна, они больше хотели общения со сверстниками, а вот детдомовские больше разглядывали окрестности железной дороги.

— У тебя всё хорошо? — рядом с моей полкой нарисовалась Алиса.

— Да, всё в порядке.

— Хорошо. Если что-то нужно — скажи, ужин будет в семь вечера, а туалет откроется через двадцать минут.

— Ясно.

Алиса ушла, а я продолжил смотреть в окно. Целых минут пять смотрел, потом с нижней полки поднялся паренёк лет четырнадцати на вид, кроль, и потрепал меня за хвост.

— Привет! Я Кирилл! А ты?

— А я — не Кирилл! — радостно улыбнулся я ему.

— Ха-ха-ха, это понятно! Как тебя зовут?

— Светлана.

— О! Красивое имя! — интересно, он бы на любое имя так отреагировал? — А не хочешь с нами в карты поиграть? А то мы только втроём, скучно.

Ага, девушка им нужна, чтоб над ней потешаться из-за неумения играть в карты.

— А вы просто так или на что-то?

— Просто так. Ты хочешь на что-то играть? — тут парень явно удивился, а снизу поднялись ещё две удивлённые головы — обычного человека и оленя.

— Ну это же скучно, когда просто так. Давайте на ужин играть!

— Хм, а ты хорошо в карты играешь? — спросил олень, и вся троица переглянулась.

— Нет, сейчас вот впервые будет! Но вы же меня не обманете?! — очень честным тоном

ответил я.

— Тогда давай!

Доверчиво улыбаясь, я сполз на нижнюю полку. Моему растущему организму требуется много пищи! Хе-хе-хе!

Парни оказались такими себе игроками, все трое. Получше девушек из детдома, но разве что на самую малость.

Тем более, я решил немного разнообразить игру. Мне же Алиса прожужжала все уши тем, что я девушка и должна быть девушкой? Прожужжала! Вот и воспользуюсь преимуществами девушки, хоть и мелкой!

В смысле, я всё время игры глупо хихикал, надувал щёки и делал губы «уточкой», взвизгивал, если приходила хорошая карта (или я хотел показать, что приходила), и осыпал парней комплиментами. А те, ещё не очень взрослые, принимали всё за чистую монету, развесив уши и чуть ли не надуваясь от важности! Ну как таких не облапошить?!

На одной раздаче я сделал вид, что меня качнуло от движения поезда, и прижался к сидящему рядом Кириллу, обхватив его руку своими. Потом отстранился, улыбнувшись, и с видом, будто удивлён и восхищён, пощупал его хилый бицепс.

— Ого! Кирилл, ты много занимаешься спортом?!

— Ну... — он немного смутился от такого вопроса. — Иногда хожу в зал... на теннис...

— Очень заметно! — я схвати его руку двумя руками и посмотрел ему в глаза снизу вверх, так сильно распахнув глаза, что их аж защипало. Захотелось поморщиться, но я сдержался.

— Правда?! Да, я... эээ... — он не знал, что сказать, а я улыбнулся, превратив глаза в щёлочки, и незаметно покосился на его карты, выяснив все из них.

— Спортивные парни классные! — высказал я мысль, отстраняясь от него.

Две девушки, что ехали на боковых сидениях, фыркнули на такое моё поведение и на реакцию парня, но я только усмехнулся им и скорчил лицо, мол, сидите там, курицы, и не кудахтайте!

Таким образом я усыпил бдительность всех парнишек, а сам тщательно следил за картами в отбое, а так же запоминал «рубашки» довольно потрепанных карт, выделяя запоминающиеся потёртости. Когда наступило время ужина, то все парни проиграли его вчистую, а я олень, которого звали Пашей, ещё и завтрак продул, пытаюсь отыгаться! Конечно, и я пару раз проигрывал, когда карта совсем не шла, но в итоге оказался в солидном плюсе.

Когда Алиса с Максимом привезли на тележки ужин, то парни сидели с мрачными лицами, молча следя за тарелками с едой, которая им не достанется.

— Мальчики, вы чего такие мрачные? По дому уже скучаете, что ли? — улыбнулась Алиса, расставляя тарелки и стаканы с чаем. — Вон, берите пример со Светы — она вся на позитиве!

Похоже, кураторша так и не поняла, почему парни стали ещё мрачнее, а я заулыбался шире. Даже девки на боковушках прыснули от смеха и сразу же уткнулись в еду под алисиным взглядом.

Когда кураторы ушли раздавать ужин дальше, парни молча сдвинули свои тарелки ко мне.

— Давайте сделаем так. — я взял вилку и нож и стал резать еду на половинки. На ужин дали горячие бутерброды — здоровенные плоские куски хлеба, на которых запекли яйцо с сыром, колбасой и ещё чем-то, а сверху присыпали зеленью. Резалось это всё

довольно легко, так что я быстро порезал порции мальцов. — Не могу я вас без еды оставить.

— Спасибо! — плохие игроки явно повеселели, накидываясь на свои полпорции.

— Что значит — спасибо? — удивился я. — Это я просто половину выигрыша забрала!

А вторую заберу, когда в лагере будем — вдруг что-то вкусное дадут, вот половина этого моя!

— Ээээ мы так не договаривались! — запротестовал олень Паша.

— А как мы договаривались? — с улыбкой спросил я.

— Мы сговорились, что проигравший отдаст свой ужин победителю!

— Ну? Разве там что-то было, что исключительно сегодняшней ужин?

— Ну... — олень на несколько секунд ушел в себя, вспоминая дословно. — Нет...

— Вот и всё! А с тебя ещё и целый завтрак требую, ха-ха-ха!

Быстро заглотив всю свою еду, я залез на верхнюю полку и забрался под одеяло. Хоть и июнь, но я люблю тепло в этом теле, очень и очень. А пацаны внизу стали снова играть в карты, громко шепча, видимо, чтоб я не услышал, что вот они сейчас натренируются — и в следующий раз точно меня обыграют! Громче всех об этом шептал олень Паша.

Утром я проснулся от того, что меня кто-то дёргает за хвост. Ну высунулся он ночью из-под одеяла, ну свисает в проход — ну чего его трогать-то? Извращенцы! Но это оказалась одна из девушек с боковушек, коза со светло-серыми волосами и чем-то азиатским в чертах лица.

— Света... Ты же Света, правильно? Уже завтрак скоро! Смотри не проспи!

Какая милая девушка! Проспать завтрак и правда было бы нехорошо!

— Спасибо. А ты?..

— Я Катя! А она. — коза указала на человечку. — Алина!

— Приятно познакомиться. И спасибо, что разбудила — я после того, как хорош опоем, могу сутками дрыхнуть. — я широко зевнул, щедро выставляя на обозрение свои острые зубы, потянулся и стал слезать вниз.

— Бывает. А ты вчера этих дуриков красиво обула. Они ещё на сборах себя великими картёжниками мнили, а тут такой облом! Ха-ха-ха!

— А нас научишь так же играть? — подала голос Алина.

— Даже не знаю, мне просто вчера карта шла, а так я и сама та ещё картёжница. — я развёл руками в сторону. — Но потом мы обязательно сыграем!

Позавтракав, все уткнулись в смартфоны — в поезде был здешний аналог вайфая. Ну а я что? Я забрался к себе и стал смотреть в окно. Увы, я тут один детдомовский, остальные дети еду по путёвкам, купленным их родителями. Понятно, что у них были свои телефоны, в которых они и зависли. Мне было немного обидно. Не на них, конечно, а на всю ситуацию. Грустно чувствовать себя нищевродом. Можно бодриться, внушать себе и даже окружающим, что ты выше этого, когда у тебя какой-то возможности нет, а у других она есть, это угнетает. Так что я до обеда просто пялился в окно на пейзажи, завернувшись в одеяло.

Перед обедом поезд остановился на крупном вокзале, где наш вагон простоял целый час, пока его открепляли от этого и прикрепляли к другому, а нам разрешили прогуляться. Алиса, заботливая душа, даже отсыпала мне немного денег, чтоб я сползал и купил себе чего-нибудь. Я, наверное, насколько минут рассматривал местную валюту, которая оказалась не рублями и копейками, а форинтами и крейцерами. Банкноты разного номинала, с одной стороны какие-то здания (там было подписано мелким шрифтом, но мне

было лень читать), а с другой — великие цари, которые что-то совершили. Монеты были такими же, на одной стороне герб в виде обнимающего копьё медведя, а на другой морда нынешнего царя, который правил страной уже восемьдесят лет.

Ну, я и сползал. Рынок был как рынок, палатки, магазины, просто бабки, торгующие чем-то на табуретках, покрытых газетой. Всё было как и у нас, разве что было довольно забавно видеть старых крольчих или седых белок, торгующих семечками. А вот семечек я и купил! Боже, я их любил в прошлой жизни, а в этой ещё ни разу не лузгал!

— Света, Свет, ну что, поиграем? — когда я вернулся, нагруженный семечками, пакетиком леденцов, двумя колодами карт и розовым пластмассовым браслетом, который мне почему-то понравился, ко мне требовательно подошла Катя.

— Ага, сейчас, положу на полку. — я уже собирался лезть наверх, как коза забрала мои вещи и бросила их на верхнюю полку, где я спал. — Спасибо.

— Да без проблем. Во что будем? В дурака?

— Давай пока в пьяницу. — я уложил свой хвост кружочком на место Алины, которая забралась на верхнюю боковушку.

— Э? А что это?

— Игра такая, очень простая, чисто на удачу. Делим карты напополам, потом показывает по одной карте сверху или снизу своей кучки — у кого карта старше, тот забирает карту противника себе. Победит тот, кто заберёт себе все карты.

— Хм, первый раз слышу... Давай!

Я вскрыл свою колоду и стал тасовать. Сначала катя явно сомневалась в игре, но потом втянулась, с радостью визжала, когда забирала у меня карты, и огорчалась, когда я забирал её. Так мы перекидывались чуть ли не два часа, парни смотрели на нас и тихонько переговаривались, а Алина делала вид, что ей неинтересно, но то и дело косила глаз к нам. В начале третьего часа игра закончилась полной и окончательной победой Кати.

— Ну и везучая ты. — с лёгкой наигранной завистью в голосе выдохнул я, когда игра закончилась.

— Я сама в шоке. Никогда так не везло! — Катя развела рука, а глаза её сияли радостью выигрыша. Развернувшись к пацанам, она лукаво усмехнулась. — Эй, а со мной не хотите на ужин сыграть? Я что-то такая голодная вся...

— Сейчас не время для азартных игр! — переглянувшись, хором заявили трое парней.

— Ха-ха-ха!

— Смотрите-смотрите! — вдруг вскрикнула Алина наверху. — Южная Магическая Академия! Мы рядом с ней проезжаем!

— Где?! — и тройка ребят, и Катя, да и я, увлечённый общим порывом, стали всматриваться в боковое окно.

— Вот сейчас будет. Вон, смотрите, это их шпиль! Над деревьями торчит!

И правда, постепенно из-за стены деревьев вокруг дороги стала вырастать крыша какого-то сооружения, похожего на средневековый замок, только в сказочной обработке. Ну прям Хогвартс, что ещё скажешь? Высокие, острые крыши с остриями наверху, на которых были разнообразные флюгеры, «готическая» архитектура, много окон. Особо близко мы его не видели, всё же здание академии было примерно в полукилometре от дороги, но общие черты можно было различить. А над самим зданием переливалось сине-зелёное сияние, похожее на северное. И ещё какой-то желтый свет то вспыхивал, то затухал в стороне от здания.

— Красиво. — восхищённо пробормотал я.

— Ага. Правда, Царская Академия лучше, но эта тоже крутая, вторая в рейтинге. — радостно оповестила нас Алина.

— Если бы у меня был магический дар, то я бы обязательно учился бы здесь! Они почти на морском берегу, на выходной могут к морю ездить. А Царская Академия на севере, в горах. — рассудительно заявил Паша

— Пф, ага, осталась сушая малость — найти у тебя магический талант! — обфыркала оленя коза.

— А что это за сине-зелёные переливы? Какое-то заклинание? — поинтересовался я.

— Переливы? — на меня посмотрели все пятеро, даже Алина просунула половину лица между окном и полкой.

— Ну да. Сине-зелёные такие. И что-то желтое мигает. — неуверенно уточнил я.

— Там нет никаких переливов, Света. — Кирилл пожал плечами.

— Наверное, ты просто сильно хотела увидеть что-то волшебное, вот воображение и разыгралась. — выдвинула версию Катя

— Наверно. — кивнул я. Но я-то ясно их видел! Даже сейчас, когда мы отдалялись, а флюгеры скрывались за кронами.

Насмотревшись, мы снова вернулись к картам. Ну не бухать же нам, верно? Не тот возраст. Постепенно втянулись все, даже Алина и пацаны, так что мы переместились к их столку, там места для сидения было больше. Но помня вчерашнее, уже никто не рисковал играть на что-то.

А утром мы приехали на небольшой вокзал, выгрузились на него с толпой других пассажиров. Кураторы нас построили, подъехал автобус, куда нас утрамбовали, и уже через час мы были на море.

На выходе из автобуса нас уже встречали — двое кураторов, судя по всему, и толпа человек в двадцать разномастных детей — человеков, кролей, белок, коз, даже парочка медведей была и бычок. Ну, или телёнок.

Но самое главное — там был настоящий, всамделишный серпент, которого можно было рассмотреть с близкого расстояния и делать это долго! Я сначала подумал, что это был ещё один куратор, но нет. Судя по тому, что он только недавно начал бриться, то ему было лет пятнадцать-шестнадцать. Он ещё и оставлял такую короткую, трёхдневную щетину, которая должна быть модной, но по-настоящему борода и усы у него ещё не росли, так что получались такие себе ботанские «усики — пропуск в трусики». Но в остальном он был крут — высокий, под метр восемьдесят, длинный хвост, общая длина была метров семь или даже восемь, а в толщину сантиметров восемьдесят. И шкура на хвосте красивая, серебристая, переливающаяся, как у форели, ею так и хотелось любоваться, прям как у той женщины, которую я мельком видел по пути сюда. А человеческая часть была атлетичной, с рельефными мышцами, красивым загаром и широким разворотом плеч.

— Так, ребята! Помогите новеньким устроиться! Они в будут жить в седьмом и восьмом домиках, отведите туда всех! — скомандовали встречающие, и дети кинулись к нам.

— Ого. Не ожидал увидеть тут кого-то из наших. — ко мне подполз улыбающийся серпент. — Я Андрей, давай, помогу с вещами.

— Спасибо. Светлана. — я отдал ему рюкзак, и мы поползли вместе со всеми.

— А ты откуда приехала к нам? — решил поговорить серпент.

— Из детдома «Радость юности» — честно ответил я.

— Серьёзно? Я думал, ты приехала из другой страны. Как тебя занесло в детдом, если твой вид тут не живёт?

— Так получилось. Не я выбирала, где родиться и как жить. — вот пристал!

— Ну да, ты права. Извини, если про что-то неприятное спросил.

— Да ничего, всё в порядке. — я успокаивающе улыбнулся. — Как ты с развлечениями?

А то в детдоме с ними негусто, разве что клубные занятия и телевизор.

— Ха! Тут почти то же самое, только можно весь день на море проводить.

— Это уже хорошо. — глубоко вдохнул воздух. Да уж, близкое море ни с чем не спутать. Воздух приятно влажный, мягкий, в нём чувствуется соль и запах живой воды. Возле детдома воздух тоже ничего, леса, свежесть и всё такое, но воздух всё равно суше и запахи не те. Я в прошлой жизни жил неподалёку от моря, можно было пешком к нему сходить минут за пятнадцать, так что на берегу мне было как-то... по-домашнему, что ли.

— Ага. Можно плавать сколько влезет, загорать, играть в пляжный волейбол, скатываться с горки. — он улыбнулся. — И ходить на свидания.

— Свидания? Не-не-не, мне свиданий и в детдоме хватает. — отмахнулся и скривил моську. — А охотиться тут можно?

— Охотиться? — похоже, мне удалось удивить Андрея. — Вроде можно... А тебе зачем?

— Ну, зачем охотиться? Чтоб охотиться и есть добычу! — тут уже удивился я его глупому вопросу.

— Тут довольно неплохо кормят, не надо ни за кем гоняться.

— Ну, посмотрим. Но мне в детдоме не хватало просто поесть в столовой, даже когда с мясом. — не стал дальше расспрашивать. Он явно не охотится, так что в этом мне не помощник.

— Ну и хреново вас там кормили, значит. О, а вот и ваши домики.

Мы подошли к двум стоящим неподалёку строениям, выполненным в виде двух углов — два одноэтажных корпуса сходятся под прямым углом, в месте схождения «высится» двухэтажное строение.

— Вот, держи. — он отдал мне мой рюкзак. — Если что-то будет надо — спрашивай меня, я в третьем домике живу. Ещё две недели тут пробуду!

— Ээээ... — мне очень хотелось спросить, но стеснялся. Наконец, переборол стеснение. — А можно потрогать твой хвост?

— Хвост? — Андрей почему-то покраснел. — Зачем?

— Понимаешь, меня многие просили потрогать мой, а потом говорили, что приятно ощущается. Я тоже пробовала его трогать, но это же свой хвост! Он чувствуется не только ладонями, но и изнутри. Это как слушать свой голос — ты его слышишь и снаружи, и изнутри, так что не получается узнать, как он слышится. А из всех серпентов рядом только ты!

— Ну, ладно. Трогай. — разрешил парень, сраженный такой моей речью.

Отложив рюкзак, я протянул руки к хвосту и стал водить руками по нему. Оооо, действительно, приятно! Конечно, текстура у наших хвостов была разной, у меня пластинки чешую плотно прилегали одна к одной, практически без зазоров, а его были разнесены и более выпуклые. Очень похоже на пупырчатый полиэтилен, только пузырьки лопать нельзя. И такие приятно прохладные сверху, но изнутри чувствуется живое тепло. Кааааайф!

— Спасибо.

— Э, куда это ты? Теперь моя очередь!

И этот гад взял и стал лапать мой хвостик своими лапищами! Наклонился и давай водить ими по чешуе, закрыв глаза. Дети и даже кураторы с удивлением смотрели на такие наши «брачные танцы», так внимательно, что я аж покраснел от стеснения. Ну ещё бы, все пырятся, а мы тут друг дружке хвосты полируем.

— У тебя тоже приятная чешуя. — наконец вынес вердикт Андрей и перестал шупать. — И цвет красивый, такой глубокий чёрный, будто в ночное небо вглядываешься и вот-вот увидишь звёзды.

— Благодарю. Ещё увидимся! — я схватил свой ранец и понёсся к домику, чтоб больше не маячить на глазах у всех.

— Света! Ты будешь жить в восьмом домике! Вас всего четверо девочек получается, но это ничего, всё равно все рядом. — заявила Алиса, когда я подполз поближе.

В восьмом так в восьмом, хоть в шестнадцатом. Два крыла домиков делились на «для мальчиков» и «для девочек», а в двухэтажной пристройке жили кураторы, в «моё» домике это были Максим и Алиса. В соседки мне попались Катя с Алиной, а четвёртой ещё одна человечка, только в поезде я с ней не пересекался. Ну и ладно. Зато кроватей было полно, я даже попросил сдвинуть две вместе, чтоб можно было лежать как угодно, вытянувшись во весь хвост.

А потом настало время чревоугодия! Кормили тут и правда отлично, первое, второе, десерт и компот или чай на выбор. Или какая. Десерт, правда, не что-то сладкое, а фрукты — яблоки, груши, бананы, ананасы и сливы. Можно было брать, сколько хочется.

Но я всё равно не мог наесться «до конца». Не знаю, почему. Может, из-за южного папаши мне нужен был немного другой рацион, а может растущий организм требовал, а эта еда была уже для сформировавшихся. Так что в первый же день, когда мы организованной толпой пошли на море под присмотром Алисы, я выбил у неё разрешение ходить купаться в любое время без куратором. Ещё бы! Змеи отличные пловцы, я просто показал, что держусь на воде лучше, чем кто либо, так что не утону и не повешу на неё выговор с занесением за это.

И всю следующую неделю я только и делал, что охотился! Завтракал и полз со всего хвоста на море, захватив простынку. Там расстилал её на песке, а сам уплывал подальше от берега и нырял. Пляж тут был вполне себе, песок только из крупных ракушек, не мелкий и белый, как на Мальдивах, а скорее напоминал черноморское побережье. И в воде песок длился ещё метров двести, пока дно не начинало уходить полого вниз.

Опытным путём узнал, что могу надолго задерживать дыхание. Если активно двигаться, то минут на десять-двенадцать, а если просто нырнуть и затаиться, закопавшись в песок или спрятавшись в водорослях, то можно было провести под водой все полчаса.

Рыба тут тоже Чёрное море напоминала. «Бычки», камбалы, крабики, разнообразные моллюски, морские коньки и прочая подобная дрянь. Океан был далеко отсюда, отрезанный цепочкой островов, на которой жили коралловые гадюки, местные серпенты, так что это место было скорее морем.

Вот на это всё я и охотился! Ох, каким удовольствием было накалывать рыб на мои когти и глотать их ещё живыми, трепыхающимися! Они скользили в желудок и там ещё некоторой время бились, что приносило отдельное удовольствие. А я чувствовал себя сытым! За неделю я успел съесть весь набор здешних рыб, даже небольшую акулу, приплывшую на запах крови, я умудрился нанизать на пальцы и проглотить, предварительно всё же прибыв. Страшно же было, что она начнёт кусаться, если живой съем! А из воды вылезал только на обед и ужин, после которого ложился спать и дрых до завтрака.

За всю неделю только на третий день такой мой график сбился, когда нас повели в медпункт — осмотреть, опросить, выявить аллергию, если вдруг у кого появилась, и прочее подобное. Я тоже сполз, как же иначе?

— Света, а не хочешь сдать яд? — неожиданно спросил меня молодой доктор, когда осмотрел меня и признал здоровой.

— Сдать яд? — я был немного удивлён. Читал про это, но на себя как-то не примеривал.

— Да. Ты же мечеспин? А ваш подвид имеет ядовитые железы, верно же?

— Да.

— Ну вот, сдаёшь яд — а за это мы дадим тебе талоны на усиленное питание. Хватит на неделю. Или можешь их на что-то поменять в лагере. — последнее он сказал шепотом, подмигнув, мол, это я тебе по секрету говорю.

— А давайте! Почему нет? — кивнул.

— Отлично! — врач стал копаться в оборудовании, потом достал какой-то запакованный в пакет пластиковый контейнер, разорвал упаковку и протянул мне. — Вот, кусай за этот край, где выемка для зубов. У тебя челюсть пока маленькая, но должно нормально быть.

— Угу. — сдавленно ответил ему, примеряясь ртом к контейнеру. Ага, вот так вроде неплохо.

Верхняя челюсть нависала над ядосборником, я выставил клыки и усилием воли

выпустил весь яд, который только смог из себя выдавить. Ну, не очень много, миллилитров пять, не больше.

— Отлично, отлично. — тем не менее похвалил меня доктор. — Сейчас определим тип и силу яда, промаркируем и в холодильник.

Он поставил контейнер в какую-то явно артефактную по виду ёмкость, та сверкнула зелёным переливом, контейнер мгновенно заморозился, а на подключённый к артефакту экранчик вывелись надписи с цифрами.

— О! Четвёртый класс яда, парализующий нейротоксин! Солидно! — восхитился доктор и переложил контейнер с ядом в небольшой холодильник.

— А что это значит? — любопытствовал я.

— Это значит, что из семи возможных категорий силы яда у тебя четвёртая. Весьма солидно, если сравнить с нашими коралловыми гадюками — у них первая, максимум вторая. А у тебя в таком возрасте четвёртая! Значит, когда вырастешь, она может усилиться до пятой. А парализующий нейротоксин — это означает, что твой яд нарушает работу нервов жертвы, они перестают проводить сигнал от мозга, жертва не может и пальцем пошевелить. А если в шею укусить или около того, то с такой силой запросто убьёшь даже корову, разрушив её мозг.

И он радостно засмеялся, будто сказал что-то очень радостное. Или как безумный учёный, нашедший способ разрушить мир. Так, я больше в медпункт ни одной чешуйкой хвоста!

— Вот тебе твои талоны. Через две недели можешь прийти и ещё раз сдать яд, раньше смысла нет, он выработаться не успеет.

— Спасибо! — кивнул и улыбнулся. Хм, ну за талоны-то можно и прийти, почему нет? Еда никогда лишней не будет! — До свиданья!

— До встречи. — кивнул доктор. — Следующий!

А на второй неделе тут меня взяли и абсолютно без моего согласия затащили в актрисы!

Этим утром, ещё перед завтраком, когда мы все вчетвером только собирались на него, в комнату зашла Алиса в сопровождении какого-то взрослого парня. Вроде он тоже куратор или что-то типа такого, я видел его пару раз на пляже, когда он что-то организовывал. Но мне было интереснее понырять за рыбой, так что я не смотрел и не ходил узнавать подробности.

— Привет девочки! — радостно помахала рукой кураторша.

— Здравствуй, Алиса! — вразной ответили мы.

— Света, мы хотели бы с тобой поговорить. — Алиса показала рукой на парня. — Это Михаил, он аниматор и режиссёр лагерного театра.

— Рада познакомиться. — я кивнул и улыбнулся, чисто из приличия.

— Доброе утро, Светлана. У меня к тебе есть просьба. — Михаил протянул руку вперёд, которую мне пришлось быстро пожать. Трое соседок с любопытством поглядывали на всю эту сцену.

— Какая? — выдавил я из себя, уже предчувствуя, что это будет какая-то фигня.

— Я хотел бы, чтоб ты сыграла в постановке нашего летнего театра! Один из актёров приболел, он не успеет выздороветь, а времени всего неделя осталась. Ты согласна? — Михаил смотрел на меня с восторженным лицом. Он не сомневался, что получит согласие.

— Нет. — коротко ответил я.

— Нет?! — в унисон выдохнули Алиса с Михаилом и растерянно переглянулись.

— Светочка, ты что? Это же роль в пьесе! — Алиса заговорила таким тоном, будто видела перед собой умственно отсталого дикобраза. — Ты что — никогда не мечтала стать актрисой?!

— Нет. — пожал плечами. — Я мечтаю стать бухгалтером!

— Кем?! — тут на меня смотрели с удивлением вообще все.

— Бухгалтером. Я буду сидеть в своём отдельном кабинете, с удобным креслом, с кондиционером, с живыми цветами, буду работать за компьютером, одной рукой набирая налоговые ведомости и зарплатные листы, а другой буду пить чай.

Некоторое время все растерянно молчали, переваривая мои слова.

— Но это же скучно! — прервал тишину Миша.

— Зато сытно и уважаемо! Поначалу, конечно, пока я буду набираться опыта и «набивать руку», всё будет не так радужно, но годам к пятидесяти стану главным бухгалтером на большом заводе, у меня будет, квартира машина и счёт в банке! И может быть, что даже не один! — стоял на своём я.

— Кхм, твои планы, конечно, прекрасны и заслуживают похвалы, Светочка. — Алиса поджала губы и сделала «строгое лицо». — Но пока что ты у нас в лагере под моим началом. Я всё понимаю, ты из детдома, где тебя окружают десятки других детей, ты устала от этого и хочешь побыть одна, поэтому я не препятствовала твоим одиночным купаниям. Но нельзя же отрываться от коллектива полностью! Уверена, что твои соседки просто жаждут увидеть тебя на нашем представлении! Как и все остальные в этом лагере!

Я с удивлением посмотрел на соседок, те с удивлением посмотрели на меня. Похоже, до этого момента они и сами не подозревали о подобных желаниях. Мы-то с ними особо не общались, перекидывались общими фразами утром и вечером, да и всё. А оно вона как!

— Так что хочешь ты или не хочешь, но с этого дня ты поступаешь в распоряжение Михаила! И будешь с обеда и до вечера участвовать в репетициях спектакля, чтоб второго июля выступить на празднике! — закончила Алиса.

— А что за праздник второго июля? — любопытствовал я.

— День единения всех видов! Это же общий праздник на всём континенте! — влез Михаил.

— Да? Ладно. — вздохнул, понимая, что всё равно не вывернусь. — Ну, тогда я после обеда вся ваша.

— Нет, сегодня ты на весь день мне нужна. Репетиции уже в полном разгаре, всё уже почти готово, так что тебе срочно надо придумать костюм, грим, выучить все твои реплики и немного поменять действие, чтоб всё хорошо вписалось.

— Но хоть на обед мне можно сходить?!

— Конечно! Ты же ребёнок, ты должна хорошо питаться.

Ну и ладно. Ещё раз вздохнув, я натянул на себя, как всегда, один из купальников, то самое рюшечное чудовище, которое выбрала Алиса, и пополз на завтрак. Закончив, встретился с уже поджидающим у столовой Михаилом и парой десятков подростков, которые оказались «труппой».

— Дети! Представляю вам нашу новую актрису — Светлану! Она будет играть взамен выбывшего Виталика. Сегодня нам предстоит много работы, чтоб вписать её в повествование! Давайте хорошо потрудимся, чтоб получить отличный результат!

Все некоторое время пялились на меня с разными выражениями, кто с любопытством, кто с сомнением, что я могу заменить этого неизвестного мне Виталика, но потом стали вразной приветствовать. Ладненько, поработаем.

Мы направились к довольно большому огороженному навесу, который тут служил складом реквизита, мастерской, сценой для репетиций и прочим, что нужно для драмкружка. Ребята стали называть свои имена, пожимать мне руку, что было довольно сложно при моём росте, и жаловаться на Виталика. Он оказался пареньком-волком, который вчера полез кататься на водную горку и на крутом повороте вывихнул себе хвост. Теперь его загипсовали, а он должен был играть главное «зло» пьесы. Но какое ж это зло с загипсованным хвостом? Он вылетел, Михаил стал искать по лагерю кого-то другого и нашёл меня. Вернее, оказалось, что это Алиса «нашла» для него меня, решив таким образом социализировать оторванную от других детей серпенту. Вот она сволочью оказалась!

Мы дошли до навеса, и меня сразу же стали измерять и прикладывать к декорациям, чтоб посмотреть, как моя чешуя будет сочетаться с ними. Прикинув всё, они решили, что меня можно раскрасить, как надо, а на человеческую часть сделают костюм.

Я тем временем читал сценарий пьесы. Это была сказка, в которой была определённая «нужная» мораль. Некая молодая боярыня решила убежать в дикий лес, чтоб почувствовать свободу и показать свою самостоятельность. Естественно, она там заблудилась, и на неё напало «лесное зло». В последний момент её спасают «добры молодцы» — её любимый и двое его друзей. Зло прогоняют, боярыня и её жених лобызаются, а их друзья тактично отходят в сторонку. И стоит эти двоим расслабиться, как зло возвращается, утаскивает боярыню, а тройка бросается в погоню. В конце погони зло убивают, но не до конца, так, на полшишечки, ведь настоящее зло не умирает никогда! А вот возлюбленный боярыни умирает точно. Его друзья вытаскивают её из леса, она оказывается беременной, продолжая род возлюбленного, а друзья обещают отомстить за него, для чего вступают в армейские ряды.

Какой-то странный сюжет, конечно, зато наставительный — мол, зло в лесах надо опасаться, а для противостояния ему записывайтесь в добровольцы. Неудивительно, что парни в детдоме через одного мечтают пойти служить, если у них даже сказки такие. Хотя моё дело маленькое, просто отыграть свою роль.

Всю следующую неделю я только и делал, что был занят с этой постановкой. С утра не было смысла охотиться, чтоб потом не ходить вторую половину дня с тяжелым животом — спать от сытости хотелось жутко, не зря я по вечерам отрубался за считанные минуты. Вот и получалось, что я полдня учил роль, а вторую половину репетировал и примерял наряды, которые мне сшили и подгоняли две девочки-швеи.

Я и оглянуться не успел, как настало это самое второе июля. Весь лагерь по случаю праздника был украшен флагами, ленточками, плакатами, в столовой на весь день устроили «шведский стол» со всякими сладостями, которых можно было брать сколько угодно. С утра и до вечера была расписана программа с разными спортивными мероприятиями, вроде бега, волейбола и прочего, за победы в которых были положены небольшие призы. А вечером началось наше представление!

Сценой был широкий вход в навес, у которого сделали низенький помост, сзади которого менялись декорации, а вместо широких дверей входа были шторы, чтоб скрывать сцену между «актами». Пара сотен детей сидела прямо на песке, смотря на представление, вокруг них кучками стояли кураторы, общаясь между собой.

Уже прошли сцены того, как боярыня томится в замке отца, она уже успела сбежать и погулять в лесу, так что теперь она шла, стелая о том, что зря сбежала — жрать нечего, а где выход из леса, она не знает.

— Зачем я это сделала? Разве же надо было бросать заботливого отца и любящую матушку? И всех моих восемнадцать братьев и сестёр?! — боярыня сидела у камня из папье-маше и страдала.

Ага, мой выход! Я был замаскирован под ветку дерева, чешую немного поменяли закрасив ромбовидный узор, а руки с голову скрывала накидка в виде веточки и листьев. Дети сидели и с интересом смотрели за страданиями и не сразу заметили, когда я начал двигаться. А когда заметили, то многие ойкнули от страха и выкрикнули «оно там!». Я медленно, неторопясь крутился вокруг «ветки», постепенно нависая над боярыней. Когти выпущены, пасть оскалена, руки тянутся к миниатюрной крольчихе. Чтоб усилить эффект, я раскрыл рот так, будто хочу проглотить её, и выпустил ядовитые клыки.

И в этот момент крольчиха повернула голову и посмотрела вверх, на меня. Вроде бы мы это всё отрепетировали, но на репетициях я весь свой арсенал не показывал. И теперь, увидев мою пасть, клыки и когти, крольчиха *действительно испугалась*. Я видел этот ужас в глазах, она поверила, что я сейчас её съем!

— Беги, беги от него! Лесное зло, убирайся от неё! — послышались крики из зала, когда зрители увидели испуганную крольчиху.

— О, нет! — заорала боярыня, приходя в себя. Всё же она понимала, что ей ничего не будет. — Кто ты?!

— Я — лесное зло! И теперь ты моя! — завыл я высоким голосом и схватил девочку за плечи.

— Нет, неееееет! — завизжали зрители.

— Стой, лесное зло! Не смей прикасаться к моей любимой! — из «кустов» на другой стороне сцены выскочили трое добрых молодцев.

Это был парень-человек, что играл возлюбленного, парень-барашек и Андрей, серпент-питон. Я ещё в первый раз удивился, что борца с лесным злом-серпентом ведёт добрый молодец-серпент, но от моих слов все отмахнулись. Это же праздник единения видов? Вот все и объединяются!

— Она пришла ко мне в лес — значит, теперь она моя! — прошипел я в ответ.

— Сгинь! Объединим наши силы, друзья, чтоб прогнать тварь тьмы! — заорал парень-человек, все трое вытащили бутафорские мечи и стали тыкать ими в мою сторону.

Я за это обшипел их и смылся за кулисы.

— Ох, любимая! Я нашел тебя!

— Ты мой рыцарь!

Они стали целоваться, барашек и Андрей тактично удалились, а сцена затемнилась. Потом снова осветилась, но теперь в середине её был костёр из красных лоскутков, а вся четвёрка спала у него. Тут показался я с двумя приспешниками зла — медведем и волчицей, в каких-то жутких костюмах, делающих их мутантами. Я сидел на плечах медведя, обвив его хвостом. Подкравшись к костру, мы тихо схватили крольчиху и смылись в кусты.

Я отдыхал за кулисами, пока тройка добрых молодцев шастала по лесу и искала крольчиху.

— Эй, Маша. — я повернулся к боярыне. — Ты что, испугалась на самом деле?

— Ну, на секундочку. — улыбнулась она и восхищением посмотрела на меня. — Ты так убедительно отыграла! Такое выражение лица было, что я почувствовала себя настоящим кроликом перед змеёй!

— Нет-нет, я уж точно не съела бы такую милашку. — я на секунду помолчал, а потом добавил. — Ну и ты пока что не пролезешь мне в желудок. О, смотри, нам снова на сцену.

Декорации сменились, и человек, барашек и серпент вышли к «логову зла» — раскрашенным в чёрное кустам и бумажным камням.

— Выходи, лесное зло! Мы пришли тебя наказать за нашу любимую!

«Вы что, все трое её отлюбили, что ли?» хотелось спросить, но я только зашипел и выкрикнул:

— Теперь она часть леса! Убирайтесь, пока сами не остались навсегда тут!

Дальше была только перебранка, а потом мы подрались. Мои «подручные» некоторое время дрались, а потом трусливо сбежали, освищенные зрителями. Я тоже сбежал, «смертельно раненый» по сценарию, но перед этим успел цапнуть главного героя.

Дальше моих сцен больше не было, так что я просто наблюдал за окончанием пьесы. Потом, когда всё закончилось, все вышли на сцену и поклонились зрителям под аплодисменты, и на этом спектакль закончился.

Фух, ну наконец-то! Я уже хотел сделать хвост в свой домик, как меня перехватил Андрей.

— Эй-эй, Света, подожди! — он вынырнул откуда-то из темноты и преградил мне дорогу. Вымахал же, дылда!

— Да, что такое? — я посмотрел на него снизу вверх.

— Ты отлично сыграла! Всем понравилось лесное зло.

— Спасибо, я старалась. — ну что он пристал?

— Света, ты ведь в детдоме живёшь?

— Ага.

— Света, если хочешь, я могу поговорить со своими родителями и они могут удочерить

тебя. — я с сомнениями хмыкнул, и он зачастил. — Да, мы свободная семья, но деньги у нас есть, так что ты ничуть не обременишь нас. Я уверен, что родители прислушаются к моей просьбе!

— Спасибо, Андрей. Было бы прекрасно, если бы это случилось. — я похлопал его рукой по хвосту.

— Я тоже так думаю. Не дело, когда серпенты по детдомам сидят. Нас и так мало, мы должны помогать друг другу!

— Ты так говоришь, будто до сих пор на сцене. — я хмыкнул более явственно.

— Да, потому что это правильно, так говорить и поступать. — его голос показался мне неожиданно твёрдым.

— Хорошо, убедил. Ну, я поползла к себе.

— Да. Я обязательно свяжусь с тобой, когда родители примут решение!

— Буду ждать!

Развернувшись, я уполз.

Да уж. Он точно уже почти взрослый? Ну и глупости ему в голову лезут. Представляю, является он такой к родителям и заявляет «Мама, папа, это вот Света, она теперь должна жить с нами!». А родители такие «Сынок, ты уже взрослый, пихтуй из нашего дома и там удочеряй, кого хочешь, но на свои» Сомневаюсь, что какие-то вменяемые родители удочерят уже вроде взрослую девочку по настоянию своего сына. Скорее уж подумают, что он хочет её в постель завалить, а для этого никого удочерять не надо.

В общем, я его слова всерьёз не воспринял совершенно. Мало ли у кого какие фантазии?

Когда я вернулся в спальню, там были уже все три девушки, причём такие мрачные, будто сегодня их не пустили на праздник.

— Привет. Вы чего это такие хмурые? — вполз я и стал расстилать постель.

— Да так... — Катя оглянулась на двух подружек, те переглянулись и коротко кивнули. — Слушай, Света, ты же хорошо играешь в карты?

— Ну, мне иногда в них везёт. — осторожно ответил я.

— Мальчики нас обыграли! Представляешь?! Выиграли у нас все деньги, что мы с собой взяли! Ты должна отыграть за нас всех!

К этому моменту они окружили меня и хмуро сверлили своими взглядами, будто утюгами сверху прижимали к полу. И что мне теперь делать? Я обречённо вздохнул.

— Э? Должна отыгаться? С чего бы? — я пытался смотреть на них с усмешкой, но это плохо получается, если собеседники почти втрое выше тебя.

— Ты же девушка! А там мальчики! Ты должна проявить женскую солидарность! — Катя потрясала кулаками и грозно скалилась.

— Ты же в поезде обыграла всех? Тебе это ничего не стоит! — хмуро сверлила меня взглядом Алина.

— Мы же соседки! Мы должны помогать друг другу! Помоги нам! — чуть не наступила мне на хвост Таня, последняя девушка спальни.

— Стоп-стоп-стоп! А ну отойдите! На два шага! — я расставил руки в стороны и вытянулся вверх как можно больше, почти доставая девушкам до пояса. — Не надо мне тут ездить по ушам со своей солидарностью и соседством! Если вы проиграли свои деньги — сами дуры, я тут не при чём!

— Ну Светочку, ну Светулечка, ты же такая умная, ты же такая удачливая, мы же так верим в тебя! — Катя и Алина уселись на пол, чтоб быть одного роста со мной, стали гладить мой хвост и уговаривать.

А Таня быстро сориентировалась, тоже уселась и вдруг схватила меня и прижала в своей груди. А сиськи у неё были — будь здоров! Ей уже было пятнадцать, а грудищи вымахали размера до третьего-четвёртого! Так что я просто утонул в них, чуть не задохнувшись. Честно признаюсь — было страшно не выкарабкаться из них. И немного приятно.

— Ладно-ладно! Всё, хватит! — заорал я, выбираясь из их рук и под адреналином запрыгивая на кровать. — Я попробую! Но ничего не обещаю!

— Ураааа!!!

— Но у меня есть условия! — я резко охладил радость соседок, те внимательно уставились на меня. — Я забираю всё, что выиграю поверх вашего проигрыша! И в любом случае забираю половину ваших денег!

— Что?! Почему это?! — радость и доброта резко испарились с их морд, а рожки Кати, казалось, смертоносно сверкнули яростью.

— Что значит «как»? Если уж играть на деньги, так и получить их от выигрыша! А вдруг они дадут отыграть потерянное вами и всё? Я буду отказывать от сна просто так? Нет уж!

— Хорошо. Мы согласны! — девочки собрались тройничком, пошутукали на ушки и всё же согласились. А куда им деваться?

— Кстати, сколько вы им проиграли? Надо же знать.

— Семнадцать форинтов и пятьдесят пять крейцеров. — озвучивание суммы изрядно опечалило моих соседок.

Ага, не так уж много, девятнадцать форинтов, если перевести. С половиной. Хотя с другой стороны средняя зарплата рабочих в Сиаме около двухсот форинтов, так что и не особо мало. Мне может достаться девять с половиной форинтов — уже капитал!

— Теперь подробнее расскажите, вы кому проиграли? Кириллу и компании? И где играли?

— Нет. Мы просто на празднике гуляли, гуляли, а потом с кем-то разговорились, и нам сказали, что есть место, где играют. По секрету. На мелочь. Мы туда пошли, это у музыкального павильона, ну и стали играть. И не заметили, как всё спустили! — перебивая и

дополняя друг дружку, поведали мне девочки.

— Хорошо. Так, я сейчас в туалет сползаю, а вы бегите туда и знайте, позволят ли вам отыграться. Понятно?

— Да!

— Кстати, а на что отыгрываться будем? У вас деньги остались какие-то?

Уже собравшиеся было убежать девушки остановились и с растерянностью посмотрели друг на друга и на меня. Понятно. Если и остались, то только на карточках, а сейчас их не обналичить. Вот растяпы!

— Так и быть, я поставлю свои карточки. Должно сработать.

Когда я вернулся из туалета, соседки меня уже ждали, нетерпеливо расхаживая туда-сюда.

— Ну где ты так долго ползала?! — Катя сразу же метнулась ко мне. — Они согласились, чтоб мы отыгрались пошли быстрее!

— Не кричи, веди.

Девчонки бросились к «казино», а я неторопливо полз сзади. Они так взбесились, что после пяти минут пререканий подхватили меня на руки и побежали! Было такое ощущение, что я на море в ветреный день, всё качается туда-сюда, а меня трясёт. Надеюсь, у меня не будет приступа морской болезни и меня не стошнит.

Фух, всё же обошлось!

— И это тот ваш игрок, который должен нас победить?! У-ха-ха-ха!

— Может, они над нами просто издеваются?!

— Скорее, хотят рассмешить настолько, чтоб мы им за это все деньги отдали! ЫЫЫЫ!

Ржака же!

Трое парней всюду обсуждали моё появление. Человек, кроль и лис. Довольно взрослые уже, даже бриться начали, как минимум пятнадцать лет. А может уже и почти шестнадцать. Неудивительно, что они облапошили моих соседок, они явно весьма опытные в карточных играх.

— Ой, а вы не говорили, что они такие взрослые! — начал «отыгрывать дурочку» я, надув губы. — Но не побоятся жевзрослые парни маленькую серпенточку?

— Побоймся?! Садись за стол! Я лично раздену вас до трусов! Нет, и трусы тоже сниму!

— Фу, как это пошло прозвучало! Вы любите детей, дядя лис? — я с кряхтением забрался на стул. Таня быстренько положила на её подушку из музыкального реквизита.

— Я... я не в том смысле! Малявка! Твоя плоская грудь никого тут не привлекает!

— Как прекрасно быть в компании мужчин, которые ценят тебя за душу! — умилился я. — Так во что играем? В дурака?

— Пф, какого дурака, малявка? Мы играем поркер!

— А что это? Я не знаю...

— Ха-ха-ха, дурынды, кого вы нашли для отыгрыша-то?! Ууууу, прощайтесь со своими трусами! Гы-гы-гы!

Мне быстренько объяснили правила игры. Они были не очень сложными. Каждому игроку раздавалось пять карт, плюс четыре карты были на столе, уже открытыми. Игроки должны были сложить из них комбинации от шестёрки до туза, к примеру, используя и свои карты, и открытые четыре на столе. Ещё можно было собрать по четыре карты одного достоинства, но «вес» у таких наборов был меньше, чем у набора одной масти. Трое парней, бдительность которых была усыплена моими размерами и игрой, быстро написали мне все

варианты наборов и из «главность», дописав и правила раздачи и сброса карт. Да, ненужные можно было сбрасывать в отбой, взамен брать из колоды другие, случайные. Разобравшись с правилами, я поставил на кон продуктовые купоны, и мы начали играть.

Я тут же продул первую игру, а потом и вторую, потеряв четыре из пяти оставшихся у меня купонов! Как бы ни разыгрывалась колода, то у кого-то из моих оппонентов всё равно была выигрышная комбинация, лучше моей. Нет, колода не была краплёная — я специально захватил свою колоду, нераспакованную, которой мы и играли. Парни легко согласились, даже очень легко. И я не мог понять, почему же я проигрываю. Пока не понял — они не играют за себя, они все играют друг за друга! Во время игры эта троица активно жестикулировала и болтала, обсуждая всякие отвлечённые темы. Ещё в первый кон мне это показалось странным, а ж во второй я понял — это были шифровки! Они заранее договорились, как называть карты, а потом просто рассказывали друг дружке, что у каждого на руках. Шестёрки — орехи, дама — баба, женщина, туз — палка, валет — малыш и так далее. Вот каталы детсадовские! Когда у одного из них набиралась хорошая комбинация, то другие поднимали ставки и скидывали карты в отбой, набирая из колоды, чтоб узнать, какие карты у меня.

Ладненько. Мы тоже не пальцем деланные!

Девочка-кролик, в очёчках с позолоченной оправой, как всегда молчаливо раздавала карты с совершенно каменным лицом. Может, она и в сговоре с этой тройкой, но кажется, что нет. Она не издала ни одного звука за всю игру и не подавала каких либо знаков.

— Ну что, малявка, готова отдать нам свой последний талон?

— Мне... мне будет очень жаль... Я ведь ещё... маленькая, а для роста нужна еда! — я чуть слезу не пустил.

Троице игроков стало неудобно, они переглянулись, будто совещаясь. Переглядывайтесь-переглядывайтесь!

Дальше игра немного изменилась. Я ещё больше усилил образ бедной, голодной сиротки, парни расслабились, не обращая особого внимания на карты. А я ловил каждое их слово, каждый жест! И — впервые выиграл! Они даже удивились, когда я сгрёб свой выигрыш. А потом ещё один и ещё! Да, они всё так же переговаривались и делали знаки, но и я же их видел, так что знал все карты противников. И мог сосчитать, какие карты остались и какие расклады нужны, чтоб победить.

К половине второго ночи я уже отыграл весь выигрыш соседок и набрал столько же своего выигрыша. Тридцать два форинта! Не считая монеток. И решил идти ва-банк. Мне выпала вторая по «силе» комбинация в игре, а у противников, судя по всему, больше четырёх шестёрок на руках не было, так что можно было не бояться за выигрыш.

Но я всё равно не расслаблялся. Наоборот, я делал вид, что смертельно устал, лишь чудом ещё не заснул и уже чуть ли не лежал лицом в стол, храпя и пуская слюни.

— Давайте... — я зевнул во весь рот, показывая свой набор острых клыков. — Давайте сыграем на все... Я так спать хочу, что мне всё равно, выиграю или проиграю...

Подвинул все свои деньги в центр стола и рухнул мордой в скатерть. Девки сзади принялись меня тормошить, боясь пропустить — я им не показывал свои карты, чтоб они своей реакцией не выдали меня. Видя их тревогу, парни приободрились, стали перемигиваться и тоже, будто нехотя, приняли ставки. На столе образовалась куча из сотни с небольшим форинтов и щедрой россыпи крейцеров.

— Вскрываемся! — парни переглянулись и кивнули.

Лис выложил свою самую сильную у них комбинацию — три шестёрки, четвёртая была открытая на столе, да ещё и джокер! Довольно сильная комбинация. Парне не были уверены, что у меня на руках, но надеялись, что пустые карты.

— Ого! Как круто! — я восхитился, а тройка противников уже начала была задирать носы и раздуваться от гордости, как я стал выкладывать свои карты. — Король, дама, валет, десятка, девятка — ну и джокер к ним. Красиво, правда?

Рожи у всех перекошились, а девки у меня за спиной заорали и захлопали в ладоши. Я же не стал терять времени зря, начал сгребать выигрыш в своё подвёрнутое платье-носок. Парни смотрели почти что с ненавистью, а когда я направился к двери, перегородили дорогу.

— Эй, малявка! Ты жульничала!

— Что?! С чего это?!

— Не может такая мелкая девка выиграть в покер у нас! Ты жульничала! Отдавай деньги!

— Не отдам!

— Ну, тогда нам придётся их отнять! Чтоб знала, как мухлевать! — тройка игроков надвинулась на меня.

— Помогите! Насилуют! — завизжал я во всё горло, заставив всех в комнате вздрогнуть.

Парни на секунду остановились, потом ухмыльнулись и продолжили наступать. Но в следующее мгновение дверь вышибли ударом ноги, и в игровую вломились парень-бык и Андрей. Бык с ходу дал в нос лису, который обернулся на звук выломанной двери, и тот упал, зажимая руками кровоточащий нос и воя.

— Что же вы тут, ублюдки, творите?! А?! — Андрей схватил кроля и человека за шеи и навалился всей своей массой, а было в нём больше двух сот килограмм. Те пригнулись к земле и зашипели.

— Мы ничего не делали! Не знаем, чего она орёт! — начали оправдываться они.

— Ну и отлично. Света, уходи. — Андрей мотнул головой, и я шмыгнул в дверь, а за мной и мои соседки.

Бык, которого звали Николаем, он тоже участвовал в представлении, но не играл, а работал с реквизитом и был другом Андрея, пнул лиса копытом по рёбрам и вышел, Андрей швырнул своих двоих противников на пол и тоже выполз. На ногах в комнате осталась только девушка-кроль, пытавшаяся слиться с тенью в углу комнаты.

— Спасибо, ребята! Эти уроды совсем не умеют проигрывать! — я обняла Колю с Андреем.

— Да не за что, Света. Только старайся всё же не попадать больше в такие неприятности. — Коля потрепал меня по ёжику на голове.

— Да-да. — поддержал друга Андрей. — Коля, но ты присмотри за ней, я же завтра уезжаю.

— Нет проблем, присмотрю.

Мы распрощались, и я уполз в спальню. Хорошо, что я успел попросить Андрея о помощи, когда «ползал в туалет». Всегда полезно иметь отходные пути, когда на кону игры деньги.

— Эй, Сета. А может, отдашь нам все деньги? Ну ты же столько выиграла! — стали наезжать на меня в спальне девки.

— Вы серьёзно? А может, мне вообще вам ничего не отдавать? Я же на свои купоны играл-то, а не на ваши деньги! — я упёр руки в бока и с негодованием смотрел на них. Вот

сучки! Только увидели деньги, как уже сразу заграбастать их хотят!

— Да ладно, мы пошутили! Извини! Несмешная шутка, прости. — Катя обняла меня со смущённым лицом.

— Ага. Вот, это ваше. — я отдал им десять форинтов, округлив договорённое. Не обеднею!

Свернувшись на своей постели, я разглядывал кучу денег перед собой. Конечно, в общем смысле их немного, но для меня — это огромная сумма! И её надо потратить. Ну не в детдом же её везти, там отберут сразу же, как о ней узнают. Да и трать их там негде. Вот только на что? Ладно, утро придумаю.

Сгрёб все деньги под подушку, улёгся и закрыл глаза. Длинный день наконец-то закончился.

Утром я встал пораньше, чтоб проводить Андрея. Он же сегодня уезжает, с самого утра, даже не позавтракав. Глупый! Кто ж от еды-то отказывается? Да ещё и перед дорогой.

За парнем заехала машина, белый микроавтобус, которые изнутри был похож на роскошную кровать — мягкая перина, на которой можно хвост свернуть кольцами и пыряться в она. Ну да, для взрослых серпент размещения в авто ещё та проблема, попробуй уложи восьмиметровый хвост так, чтоб не мешался. Блин, а как мне нужно будет в автобусах ездить?! В будущем работу надо искать только возле дома!

— Я не забыл о своём обещании — и ты не забывай! — напомнил мне Андрей об «удочерении», когда мы обнялись на прощание.

— Помню-помню. — улыбнулся я ему, ни на что не рассчитывая на самом деле. Но не говорить же это вот так, в лицо?

— Коля... — парень посмотрел на быка.

— Да пригляну я за ней, не парься. Я ещё две недели тут буду, никто её не тронет.

— Спасибо! И заезжай ко мне, как сможешь, я тебе адрес дал.

— Ага.

Ещё раз обнявшись, мы распрощались окончательно. Андрей загрузился в микроавтобус и уехал, а мыс Колей ушли в лагерь.

А после завтрака приехала новая смена, а с ней и ещё один серпент! Он приехал отдельно, на машине с боярским гербом, из которой выполз с королевским величием. Осмотрелся по сторонам, будто случайно забрёл в какое-то гетто, и прямо таки *позволил* кураторам поприветствовать его. А кураторы, к моему удивлению, воспринимали всё как должное.

Вот, значит, какие тут представители боярских родов. Я смотрел на парня, сощурился глаза, и, надо признать, завидовал. Почему он, а не я?! Я тоже хочу иметь свою машину! Увы, даже если она у меня появится, годам к пятидесяти, я всё равно не буду среди благородных, никто не станет так вот стелиться.

— А что это у нас такое? Мечеспин? — боярин прополз мимо меня и только сейчас «заметил» — Хм, неужели тут отдыхают дочери дипломатов?

— Нет, я сирота из детдома. — буркнул в ответ.

— Понятно. — всё, я перестал для него существовать.

Парниша пополз дальше, поправив причёску. Он наслаждался и своим положением, и своей красотой — он был подвида белых ужей. Серовато-белая красивая чешуя, блондинистые волосы, стройное тело, тонкие черты лица. Я не я буду, если многие девки в лагере сойдут по нему с ума. И будут целовать его в задницу, даже если он на них поплёвывать станет. Они уже были, стояли кучками, смотрели и шушукались.

Ну и хрен с тобой, аленький цветочек!

Зависть бесполезное чувство, сколько ни завидуй, лучше не станет. И еды в животе не прибавится. Так что пошла она куда подальше!

Дни потекли за днями. Я уж думал, что после концерта Алиса успокоится и перестанет меня заставлять с кем-то общаться, но нет, она не перестала! Каждые два-три дня она меня куда-то вытаскивала — то на экскурсию по местным достопримечательностям, то в зоопарк, но в открытый кинотеатр вечером. На самом деле всё было даже интересно, особенно в

зоопарке, я там три мороженых съел и посмотрел на разных животных, которых даже на прошлой Земле только на картинках и видел. Здесь фауна была примерной такой же, а мутировавших от магии зверей в зоопарке всё равно не держали слишком уж опасно. Даже, блин, на вечер плетения фенечек из бисера меня затащили! Теперь у меня на левой руке три кривоватых браслетика, а у трёх девочек в лагере по такому же кривому браслетику от меня.

Через пять дней от уезда Андрея я всё же решил, куда потратить деньги. Одежда, гаджеты, тот же смартфон и прочее? Нет, отберут потом. Еда? Ну, можно, но я еду и так достану. Тем более я договорился с поварами, и за талоны со сдачи яда (да, я сдал его второй раз и получил ещё семь талонов) они мне приносили на завтрак живую рыбу, здоровенную, килограмма по три, еле её проглатывал. Зато сытым был весь день! Какие-то учебные материалы? А что я хочу выучить-то?

В общем, когда Алиса объявила очередную экскурсию, в какой-то музей или галерею, я решил сделать ноги с неё. Сказав, что хочу в туалет, вылез в окно и был таков, оставив, правда, записочку, что вернусь чуть попозже к музею. Ну а сам, выпросив у прохожих, где в городе магазины алхимиков, дождался нужного автобуса и уехал туда.

Алхимия! Вот, что лучше всего купить! Здешние маги славятся ею, так почему бы не использовать это? А выпитое зелье у меня никто не заберёт!

Добравшись до места, я довольно долго искал приличный магазин. Тут были самые разные — и маленькие лавочки, за прилавками которых улыбчивые продавцы предлагали «самые действенные зелья» по крошечным ценам, хоть ящиками набирай, и настоящие бабки-ведьмы, торгующие на табуреточках, как семечками, и довольно пафосные магазины с подсветкой и свистоперделками, продавцы в которых смотрели на меня как на говно. Ни первые, ни вторые, ни третьи меня не интересовали. Нужен был магазин, дорогой, но чтоб продавцы были профессионалами, а не девочками на пафосе. Надеюсь, мне хватит денег там хоть что-то купить...

Ага, вон, то, что нужно! Витрина из чёрного полированного дерева, блестящая, будто её каждый час натирают, чистые стёкла, а за ними виднеется старик-продавец. Вот туда я и зашел.

Внутри всё смотрелось ещё дороже. Массивные прилавки и красного дерева, витрины с редкими, но явно дорогими пузырьками зелий, прохладный воздух, наполненный какими-то будоражащими запахами. И продавец, будто вылезший из какой-то манги про вампиров — высокий, седой, с усами, в чёрных брюках, белой рубашке и жилетке, с нарукавниками до локтей и галстуком-бабочкой.

— Приветствую вас, госпожа. — с некоторым удивлением посмотрел на меня старик, явно думая, что я тут лишний. — Что вас привело в мой магазин?

— Добрый день. — я полз в паре метров от витрин, чтоб меня было видно из-за них, и максимально вытянувшись вверх. — Я ищу зелье.

— Правда? — улыбнулся старик, будто удивлённый — как это искать зелье и в лавке алхимика-то? — А что вас конкретно интересует?

— Хм. — я задумался. — Я хочу что-то, что поможет мне в будущем. Я сирота в детдоме, еда и условия... ну, не самые лучшие, понимаете?

— Конечно. — кивнул старик.

— Ну вот. Если есть что-то такое, что сможет компенсировать это, чтоб я не выросла полудохлой и слабой. То есть я не хочу быть мускулистой и всё такое, просто, чтоб нормальной! Но сильной, наверное, тоже...

— Я понял вас, госпожа. А...

— У меня есть сто семь форинтов. — сразу же я понял его намёк. Лучше сразу сказать, чем потом выбирать что-то за тыщу и краснеть от смущения. — И ещё крейцеров двести девяносто, но не со мной, они сильно тяжелые. Но я могу принести в другой раз!

— Не стоит, я понял ваше финансовое состояние. — старик смотрел на шкафы с зельями позади него, щипая себя за кончик уса. Потом оживился и распахнул створку одного из них. — Ага, вот, то, что вам надо! Зелье королевской крови! Я вижу, вы ещё молоды, вам будет идеально принять его. Улучшает метаболизм, корректирует развитие организма, убирая возможные проблемы из-за неблагоприятной окружающей среды, даже немного способствует развитию магического потенциала. Если он есть, конечно. — старик вдруг хитро улыбнулся и подмигнул. — А так же улучшает внешний вид, прибавляя чуть-чуть красоты.

— Ого! — я смотрел на это зелье жадным взглядом. И грустным, потому что при таких характеристиках оно должно стоить немало. Мне хоть понюхать его денег хватит? — А сколько оно стоит?

— Ммм... Сто двадцать форинтов!

— Я... наверное... — вытащил из потайного кармашка купюры, стал ими шуршать. — Можно я крейцеров потом занесу?

— О, оставьте, госпожа. Я эти зелья вёдрами продаю, их боярские роды берут для своих детей оптом! Видите, последний пузырёк остался? Так что я сделаю для вас скидку — этот пузырёк будет стоит всего сто форинтов, а то, может, я его и не продам, один-то.

— Спасибо. — я покраснел, отсчитывая сотню. Деньги... деньги решают многое. Не зря этот новенький уж такой высокомерный, он-то такие зелья может себе позволить на завтрак пить, небось. — я буду вам должна.

— О, перестаньте, госпожа. Просто заходите потом в мой магазин, как вырастите сильной и красивой. — продавец по-доброму усмехнулся.

— Конечно, найду! Обязательно! А как его пить, не подскажете?

— Можете хоть сейчас выпить, зелье в любом случае будет работать ещё годы.

— Хорошо! — я открыл пузырёк, напоминающий двухсотграммовую бутылочку из-под спирта с прошлой Земли, и одним махом выдул зелье. Фу, а вкус такой, будто я сколопендру разжевал и съел! — Благодарю вас! И до свиданья!

— Конечно, госпожа, заходите ещё! — старик проводил меня до двери, открыл её передо мной и благодушно покивал головой.

Ну что ж, я зарядился магией, теперь можно и на оставшиеся семь форинтов разгуляться!

Старый алхимик некоторое время стоял в дверях, задумчиво глядя вслед маленькой серпенте. Потом посмотрел на дверной косяк, проверил магию на нём раз, другой, даже прощупал руками, будто не веря. Но нет, магия работала отлично, выполняя именно то, что должна была. И это было странно.

Он всегда был снобом, наверное, с самого рождения. И считал это достоинством, а не недостатком. Сам гений из Младшего Боярского рода он хотел общаться с другими гениями и боярами — что ж в этом плохого? Поэтому ещё лет сто назад, когда он сделал себе имя, известное не только в Сиаме, но и за его пределами, он поставил на вход своего первого, а потом и всех остальных, магазина заклинание, которое не пускает внутрь всякую шваль.

Юноши, ищущие любовные эликсиры, девушки, высматривающие приворотные зелья, сомнительные личности, ищущие сомнительные зелья, всякие слабосилки и другие подобные. Зачем они ему? В магазины могли зайти только сильные маги или ещё неинициированные с мощным потенциалом. Или те, в ком течёт благородная кровь. Даже богатые, но неблагородные сюда не зайдут — просто не увидят дверей, для них витрина будет сплошной, без входа.

И вдруг сегодня, когда он по велению души приехал в Южную столицу, в его магазин заходит буквально нищенка, сирота из детдома, наплевав на его защиту. И ведь она не врала, он это ясно чувствовал! Так что же она? Хе, он даже продал ей зелье королевской крови за сотню форинтов. Ха-ха-ха, если бы кто-то узнал о такой цене, то у его магазина устроили бы побоище! Мало того, что зелье очень сложно в изготовлении, так что в стране алхимиков, что это могут, можно пересчитать по пальцам одной руки. Так ещё и в его исполнении оно стоит тысяч двадцать пять, а если выставить на аукцион, то цена может до сотни подняться.

Но если эта малявка прошла проверку заклинанием, то она достойна, чтоб ей сделали поблажку. Да и потом, когда она всё поймёт, у неё будет долг перед ним. А он чувствовал, что эта змейка простой не вырастет. Старый алхимик был уверен, что ещё услышит о ней, без сомнения. А теперь между ними существует связь, и кто знает, к чему это может привести в будущем.

Может, конечно, его чутьё его обманывает, такое тоже бывало. Но риск- благородное дело, а значит, это как раз для него!

Блин, первый раз видел Алису такой злой. Она мне чуть ли не полчаса выговаривала, накручивая ухо, про то, как глупо и безмозгло я поступил, свалив с экскурсии. А вдруг бы я потерялся? А вдруг бы меня кто-то похитил? А вдруг бы... Фантазия у неё будь здоров! Даже версия о том, что меня съедят бомжи и бродячие собаки, была! Но по итогу она остыла, обняла и попросила больше так не делать. Я повинился и даже пообещал, но сам держал за спиной руку со скрещёнными пальцами, ха-ха!

Остальные недели в лагере прошли с удовольствием, но без неожиданностей. Картёжники через неделю уехали, не посмев меня тронуть — как-то лис попытался подойти и высказать типа «мы ещё встретимся», но на следующий день вся тройка сверкала фингалами под глазами, а у Коли были сбиты костяшки на кулаках. Этим и закончилось.

Я ел, спал, плавал, загорал, став таким чёрным, что уже и непонятно было, где была чёрная чешуя, а где кожа, иногда выбирался куда-то под присмотром Алисы. И всё. В конце июля, буквально за два дня до отъезда, я почувствовал себя плоховато, сразу же побежал и медпункт там полинял. Вторая линька прошла легче, чем первая, всего-то за судки старая кожа слезла, а я изрядно подрос. Теперь во мне было сто девяносто девять сантиметров длины! Блин, всего-то сантиметра до двух метров не хватило! Даже как-то обидно! И в толщину сантиметра на полтора увеличился. Ну классно же, я чувствовал себя почти взрослым.

Чуть ли не сразу после линьки меня засунули в автобус, который отвёз нас к железной дороге. Там Алиса попрощалась с нами — она ещё месяц должна была работать в лагере, нас сопровождала уже отработавшая свою смену кураторша из другого отряда. Пообнимавшись на прощание, мы разошлись — Алиса вернулась в лагерь, а мы стали забираться в поезд.

Мне было интересно, увижу ли я снова те сине-зелёные переливы над магической школой? В этот раз мы проезжали её ночью, я даже специально не ложился спать, чтоб

посмотреть. И ничего не увидел! Просто здание с подсветкой, там какая-то суета была во дворе, но подробностей я не рассмотрел. Блин, может, мне показалось в первый раз? Но я же видел! Даже растолкал недовольную Катю и попросил её взглянуть, но она тоже ничего необычного не заметила. Загадка.

Трофим и Лидия Николаевна уже ждали нас. Так что мы все вчетвером загрузились в микроавтобус и поехали обратно. А больше всего радовались двое крольчих — они в лагере попытались действовать так же, как в детдоме, наехав на хищников, но там им быстро настучали по мордам. Они даже первые две недели старались со всеми на пляж не ходить, прятали синяки и замазывали их тоналкой. А теперь думали оторваться за прошедшие полтора месяца.

А я, честно говоря, нервничал. Я уже привык за это время к равному отношению от других детей. Теперь же приходилось возвращаться в детдом, и это печалило. Что ж, ожидания оправдались — к нам в спальню подселили новую травоядную, из другого детдома, ей уже было пятнадцать и она была свиньёй. Здоровенная цилиндрическая туша со здоровенными, но чутка обвисшими сиськами, со вздёрнутым носом-пятакон и круглой физиономией.

— Эй, змеюка! Шо, вернулась с отдыха, да? — она подошла к моей кровати, когда я выкладывал свои вещи из рюкзака в тумбочку. — Загорелая, смотрю!

— Добрый день. — я решил не раздражать понапрасну эту гору сала.

— Ага, а ну ка, чё это у тебя. — она влезла своими лапищами в мои мелочи, что купила Алиса, и стала в них копаться, перебирая и сбрасывая на пол неинтересные. — что за дешёвое говно? Чё, нормальное не могла купить?

Я молчал, никак не выдавая свои чувства. Здесь это делать нельзя. Свинина же покопалась-покопалась, отобрала себе помаду, потом повернулась ко мне. И вдруг схватила меня за шею и прижала к постели.

— Слушай сюда, сучка! Я тут главная! Поняла?! Меня зовут Светой, запомни это, и обращай ко мне только на «вы»! Ясно? А то придушу, тварь!

— Ясссно. — еле выдохнул я. — Кхххрассивое имя...

— Так, а ты-то сама кто?

— Я... Сссвета...

— Чё?! Ты издеваешься надо мной?! — свинота пару раз ударила меня об спинку кровати.

— Нет... это... зовут... меня...

Светка обернулась, смотря на остальных девочек, те покивал, мол, да, она таки Света.

— Ну ладно. — она отпустила меня и отступила на шаг. — Живи уж... Светка! Но только пикни — сразу превратишься в котлетку! Хра-хра-хра!

Я закашлялся, потирая грудь. Дом, милый дом. Чтоб ты сгорел!

Надо будет с этой свинотой что-то сделать! Но пока идей никаких. Блин, я надеюсь, после второй линьки я всё же влзу в вентиляцию! Иначе мои возможности будут слишком уж ограниченными...

У Свиносветки оказалась подружка, которую я сразу и не заменил. Марина куда-то делась, а вместо неё теперь была другая девочка, тоже свинья, только немного другая — длинная, подстать свиносветке, и тощая, как жердь. Не знаю, почему, но при этом её лицо было довольно симпатичным — вздёрнутый нос-пяточок, пухлые розовые щёки, немного грустные обвисшие наполовину розовые ушки. Но характер! Будто вместе с жирком из её тела исчезла вся человечность.

Вторая свинка, которую звали Катей, подрулила ко мне сразу же, как отошла её патронша. И сходу закопалась в мои вещи, просто выкидывая непонравившиеся на пол позади себя. Высмеяв всю нищесловесность шмоток, она отобрала себе мою новую расчёску и свалила, потоптавшись по платьям.

Реакция остальных девочек в комнате была ожидаемой. Никто не поддержал двойку свиней, но и не протестовал. Все понимали, что теперь эти две пяточконоски являются старшими, поэтому противостоят им всё равно, что ссать против урагана. На меня бросила сочувственные и извиняющиеся взгляды, конечно, а под взглядом свиношек опускали глаза. А вот единственная из оставшихся «бывших хозяев» Настя меня удивила — она со страхом смотрела на всё это.

Довольно быстро я понял, почему это так. Когда свиносвету и свинокатю перевели к нам из другого детдома, те довольно быстро узнали, что Настька тут «сплетница». И даже сдавала своих подружек. Конечно, Настька пыталась к ним подлизаться, но те ещё больше обозлились из-за этого, подумав, что она спецом к ним в доверие втирается. И стали её травить. Её частенько пинали, толкали, вещи рвали, в еду могли плюнуть, постоянно оскорбляли. Свиносветка быстро подружилась с другими «старшаками» в детдоме, так что те тоже стали попинывать крольчиху, превратив это в развлечение.

На четвёртый день после возвращения мне совсем её жалко стало, когда на обеде в столовой она сидела за столом нашей спальни, но отдельно от всех, через два пустых стула. И уныло ковыряла в своей порции, из которой кто-то вынул всё вкусное — не было ни десерта, ни тушеной печени, которую подавали сегодня. И лицо у Насти было такое... Даже не знаю, как сказать. Будто для неё вся радость в мире исчезла, как у алкоголика, у которого нет денег на опохмел. Она ж ещё, как все кролики, была небольшого размера, всего около метра двадцати ростом, да ещё сторбилась, и потому казалась совсем ребёнком.

Но я всё равно прошел мимо и уселся со всеми. Червячок жалости грыз меня, но разум говорил — пусть страдает! Тем более из-за того, что свинодевочки издевались над ней, на меня у них сил не хватало. За эти дни они меня даже не трогали, так, пару раз что-то пукнули в мою сторону, но я сохранял равнодушное хладнокровие и всё. Что же мне, всё это менять, делая какие-то «красивые шаги»? Типа сесть сейчас рядом с ней, печенью поделиться и яблочного пюре подложить? Ага, обойдётся. Я тоже мстительный и злобный тип, змея как-никак.

После приезда я решил не предпринимать резких шагов, типа гонок по вентиляции, приноравливаясь к новым условиям. Мало ли, может, свиносвета со свинокатей чутко спят, я скрипну решеткой — а они проснутся и вытащат меня за хвост из стены. И что тогда делать? Но пока вроде об этом ничто не говорит, свинки спали ночью, как убитые, а свиносвета ещё и храпела, как какой-то дед. Иногда Настька по ночам всхлипывала, закутавшись головой в

одеяло, но я всё равно её слышал. Вот сволочь! Даже в такой ситуации мне мешает!

В клубе Древолазов тоже произошли изменения. Анатолий ушел от нас, выпустившись, а новеньких пока не было — из хищников в детдоме появилась только девочка-волк, но она была мелкой, лет одиннадцать всего, так что тихо жалась по углам и не хотела ни с кем контактировать.

Зато меня с радостью встретили! Галина стала обнимать меня с визгом «Свееееетик!», а пацаны были более сдержанные, просто потрепали по голове или похлопали по плечам. Все были более-менее в порядке, только Пётр был нервным больше, чем обычно. Я спрашивал его об этом, но он только отмахивался, мол, ничего страшного, всё нормально.

— К нему перевели какого-то придурочного старшака вместо ушедшего. — шепнула мне Галя, когда мы расходились. — И тот стал на Петю наседать. Каждый день его гнобит, всё даже хуже, чем раньше. А помочь ему не можем, вот он и делает вид, что всё в порядке.

Мда, я, получается, даже в каких-то тепличных условиях теперь живу, по сравнению с остальными-то. Грустно за такое положение. По сравнению с лагерем на море, где все действительно были равны и не делились так на хищников и травоядных, детдом ещё больше казался адом на земле. Надо снова возрождать сплетницу! Только немного в другом виде. В этот раз никто не поверит, что это всё Настя делает.

Выждав неделю и разобравшись со сном соседок, я сделал первую вылазку. И ужаснулся! Я стал жирным! Жиинииирным! Тушка раздалась, что в вентиляцию я пролезал с замираньем сердца, опасаясь застрять. Хорошо, что я был гибким и пластичным, да и змеиная родословная позволяла сгибаться пополам и сплющиваться. Котики — это жидкость, давно известно, но и змейки тоже. Но ещё одна-две линьки — и сюда больше не пролезу.

Первым делом я навестил подвал. Неделя без привычной уже рыбы давала о себе знать, я хотел съесть чего-то живого и полноценного, что будет шевелиться в желудке, пытаюсь выбраться, но напрасно... В общем, поесть хотелось. Крысы оправдали мои ожидания — потеряв первое потомство, они завели уже второе. Только оно было постарше, крысята уже открыли глаза и ловко лазили в гнёздах. Ненадолго, хе-хе-хе! Через полчаса, неторопливо насытившись, я вернулся обратно в спальню — не дело это на полный живот по вентиляции лазить.

Устроившись в постели, мне пришла в голову мысль, что я немного теряю свою человечность. Пришло бы мне в голову есть крысят на прошлой Земле? Вряд ли, тем более живьём, со шкурой и прочим. Если я был бы в здравом уме. А тут эти действия не то, что не доставляют дискомфорта, а даже кажутся абсолютно естественными. Где-то внутри была убеждённость в том, что всё идёт, как надо, так и должно быть — есть я, хищник, и есть добыча. Я даже немножко испугался такого, но это быстро прошло. Что ж, я не на старой Земле, я уже не человек, а потому не стоит рефлексировать, натягивая иномировые нормы на этот мир. Но людей я жрать всё равно не буду! Даже тут это не поощряется!

— Дети, послушайте меня внимательно. — собрала наш класс Лидия Николаевна через две недели после моего возвращения. — С сегодняшнего дня начинается «месяц будущего» — вы будете выезжать в Рашеяль, город, к которому относится наш детдом, чтоб посетить профессиональные училища.

Она внимательно осмотрела нас, смотря на реакцию, хотя не очень понятно, что она хотела увидеть. Все и так про это знали, сидели и смотрели на учительницу равнодушными взглядами.

— Не думайте, что это просто поездки. Вы должны очень ответственно отнестись к этому — ваш выбор за этот месяц, возможно, определит всю вашу дальнейшую жизнь! Поэтому внимательно изучайте всё, что вам покажут, решайте, что вас больше привлекает, и в следующем году вы можете подать заявки на конкретные училища, которые хотите посетить по вашему выбору! По результатам мы будем корректировать программу обучения, чтоб вы смогли набрать как можно больше баллов по тем направлениям, что вам будут нужны для поступления. Вам всё понятно?

— Да, Лидия Николаевна. — ответили мы.

— Тогда напишите на листочках, кто с кем хочет жить — поездки будут два раза в неделю по два дня, ночевать вы будете в училищах!

— А можно... — я поднял руку и посмотрел на Петра.

— Нет, только мальчик с мальчиком и девочка с девочкой! — срезала меня на взлёте Лидия Николаевна.

Мда, печально. В Петькой было бы лучше всего. Да и зачем так расселять, если все всё равно трахаются сколько влезет? Или это она хочет нас разделить, чтоб хищники не кучковались в поездке? Ну ладно.

Но итогу мне выпала Настя — никто не хотел жить с ней в комнате, а у меня уже и опыт есть, и вообще нормально. Ну Настя так Настя, если будет надоедать — то я её съем! Ха-ха-ха!

На следующий день Трофим на микроавтобусе подъехал ко входу, туда загрузился наш класс и ещё один такой же. Травоядные быстро оттеснили нас в самый конец, только в этот раз мне вытянуться не дали. Пришлось хвост поджимать под себя, но хоть место у окна. Всё лучше, чем пялиться в салон или в окно через чью-то голову.

В Рашеяле оказалось дохрена учились, наверное, с полсотни разной направленности, а за один день получилось обойти только два. Но зато нам показывали всё — аудитории, мастерские, клубные комнаты разных направленностей. Ученики тоже в этом участвовали, взяв над нами шефство и рассказывая разные мелочи об учёбе тут. Во втором училище нас оставили ночевать, выделив комнаты.

— Настя. — уже лёжа с выключенным светом на довольно твёрдой кровати, решил спросить я.

— А? — крольчиха тоже ещё не спала.

— А ты кем хочешь быть? В смысле, вот мы ездим по училищам, но ты ж уже думала, что будешь делать, когда вырастешь, да?

— А что? — крольчиха весь день была молчаливая и подавленная, даже к вечеру не растормошившись. Свинодевки на неё конкретно так насели, увы.

— Просто интересно.

— А ты уже про себя знаешь?

— Ага. Я хочу быть бухгалтером. — а что? Я в лагере нихрена не шутил! — Математика мне неплохо даётся, буду сидеть, работать с ведомостями и накладными и чаёк попивать. А ты?

— А я не буду! — вдруг зло зашипела она. — Я дура, оценки у меня плохие, а росту не хватает даже для того, чтоб быть парикмахером! Так что мне дорога в уборщицы, вот там я буду на своём месте!

Она зашмыгала носом, а потом совсем расплакалась, уткнувшись лицом в подушку.

Мда, ну ладно, не буду больше её трогать. Я отвернулся и постарался заснуть,

задавливая зашевелившуюся в душе жалость.

В детдом мы вернулись в пятницу вечером. Но до этого успели ещё погулять. Когда мы оставались на ночевку, то сопровождающие нас учителя ходили бухнуть с преподами из училищ, а нас оставляли под «честное слово» в общежитии. Но запирать-то нас никто не запирает! Так что я, терзаемый жалостью и капелькой вины, решил поводить Настю по городу. Да и самому походить тоже было интересно — когда ещё тут побываю? Других с собой я не брал, чтоб девочка не закрылась, чтоб была какая-то интимность и доверие.

Правда, было это уже вечером, так что особо ничего не работало, кроме ночных клубов. Но не на стриптиз же Настю водить! Будто она голых девок в душевой не видела... На мужской стриптиз? А тут уж мне не хотелось!

Тогда мы ходили по торговым центрам, которые были открыты до одиннадцати вечера. Разглядывали там витрины разных магазинов, модную одежду на манекенах, туфли, ювелирку — признаюсь, мне тоже было по душе разглядывать всякие там колечки-браслеты-кулони. Только Настя, как и многие, налегала на золото, а мне нравилось серебро с аквамаринами и аметистами. Продавцы на нас смотрели с высокомерием, но не гнали, даже иногда рассказывали о том или ином камешке или колечке. Если не были заняты, конечно.

Но самое прикольное было в игровых комнатах. Мы же дети? Дети! Ну, пусть подростки, но несовершеннолетние же! Так что мы поиграли во всё, что можно было, даже вытаскивали «лапами» игрушки и плясали на танцевальных автоматах. Вернее, Настя плясала, а я так, хвостом дёргал в такт. Всё таки танцевать без ног весьма проблематично. Попробуйте повальсировать одной ногой!

Хорошо, что я не все деньги потратил в летнем лагере, пару форинтов мелочью оставил про запас, вот и пригодились.

— Фух! Хорошо, что завтра уже до... обратно в детдом. — чуть не сказал я «домой», когда укладывался на кровать. Ха, чуть не сказал «домой»! Эта мучильня мне домом стать не может!

— Здесь тоже неплохо. — пробормотала Настя, улыбка которой чуть угасла. Похоже, вспомнила про свиносветку и общий её игнор.

— Пф! — я обфыркал её за такие слова. — Ты что — запахов не чувствуешь?

— Каких? — крольчиха принялась громко сопя, потом удивлённо посмотрела на меня. — Ничего такого.

— На моей кровати кого-то тошнило. Недавно, где-то с неделю назад. — показал я в ту сторону, где у меня лежал хвост. — А вот на твоей кому-то прочищали дымоход, и судя по тому, что женских запахов тут нет, кроме наших, то явно какому-то парню!

— Фуууууууу! — Настька взвизгнула и подпрыгнула, с брезгливостью глядя на своё ложе.

— Вот-вот. В детдоме я хотя бы знаю, что с моей кроватью делали!

С некоторым трудом, но крольчиха уснула, а следом за ней и я. На следующий день мы посетили два других техникума — пищевой промышленности и текстильный. Первый мне понравился намного больше, там давали попробовать продукцию и не ограничивали в размерах пробы! Правда, были одни булки и хлеба, но я две буханки съел и с десятков булочек. Свежие, только из печки, пахли так одуряюще, что я ещё бы съел, если бы меня не увели из зала с едой. А вечером мы уже были в детдоме.

— Что, шпюшки, вернулись? — встретила нас на пороге спальни свиносвета. — Вворачивайте карманы! Посмотрим, что вы нам привезли в подарок!

— Давайте-давайте, быстренько! — свинокатя подошла к нам и стала хлопать руками по одежде, обыскивая. — Чем больше я стараюсь, тем больше вы нам подарков привезли!

Ну, мы и вывернули карманы. Но я уже был учёной змеёй, поэтому ничего материального не покупал ни себе, ни Настьке, только то, что можно съесть, и хорошее настроение. Скорчив свиные рыла, Света с Катей ушли, плюнув нам вслед презрительным «нищобродки!». Да и хрен с этими свинотами, зато я могу растянуться на своей кровати в полный хвост!

Всё пошло не так, как обычно, в воскресенье. В понедельник мы должны были снова выехать в город, так что многие, уже учёные прошлой неделей, собирались правильно, без лишней суеты. Кстати, я библиотеке посмотрел, почему Рашеяле так много училищ — это был один из рабочих пригородов столицы, кузница кадров, так сказать. Только таких, рабочих кадров, сварщиков, парикмахерш и хлебопеков, а не менеджеров среднего звена. Для менеджеров есть другой пригород...

Сначала началась суета между преподавателями. Завуч забежала в столовую, обежала некоторых учительниц — и трое из них убежали с завучем. Обедающие стали переглядываться между собой, всем было непонятно, что происходит. Потом из коридора раздались крики, и побежали к двери, чтоб посмотреть, что произошло. Я тоже пополз со всего хвоста, протиснулся между ног и выглянул как раз вовремя. По коридору две учительницы вели, даже слегка тащили побитого, с окровавленным лицом Петра! Это было всего несколько секунд, тройка свернула за угол, а нас втолкнули обратно в столовую вернувшиеся учительницы.

— Не на что тут пялиться! Вернитесь к завтраку! — грозно хмурились они.

Мы вернулись за столы, но я стал переглядываться с другими членами клуба Древолазов. Правда, тут были только я и парниша-лис, так что мы ничего не понимали. Через пару минут в столовку зашла со своими соседями Галя, села, быстро съела свою порцию и стала выходить, стрельнув глазка в меня и лиса. Мы сдали посуду и поползли за ней в клубную комнату. Там уже были все.

— Что в Петей?! Почему он... такой был?! Весь в крови! — я посмотрел на всех.

— Он подрался с тем ублюдком, который его донимал последние недели! — заламывая руки, хлопнула носом Галя. — И даже покусал и порвал его! Теперь его заберут из детдома в тюрьму!

— Но как?! Почему?!

— Этот гад снял с себя трусы и попытался засунуть их в рот Петьке. — сказал второй наш парень-волк. — Угрожал, что заставит их съесть, если Петя не отдаст ему свою еду за завтраком! Ну, Петька вспыл и накинулся, это уже было последней каплей! Они сцепились и Петя этому уроду ухо оторвал, но и сам получил. Чёрт возьми!

— Что теперь делать?

— Не знаю! Петька теперь в тюрьму из-за этого ублюдка попадёт! Его училки в местный карцер повели!

Мы сидели и не знали, что делать, перебирая самые фантастические варианты, вроде сломать карцер, выкрасть Петра и убежать вместе с ним. Мы понимали, что этого сделать нельзя, но просто... просто сидеть в гнетущей тишине было слишком уж тяжело.

— Пойдёмте хоть посмотрим, где он сидит. — я поднялся на хвост и вышел из клубной

комнаты. Через секунду за мной потянулись остальные.

Но дойти до холла и выйти через двери не успели, по коридору шли те училки, что увели Петра, завуч, ещё трое училок. Одна из унёсших волчонка рыдала, держалась за кровоточащую руку и причитала:

— Укусил и сбежал! Я к нему, как к родному, а он меня укусил и сбежал! Животное! Вот как, как такого сделать человеком?!

Мы все остановились и переглянулись? Петя сбежал?! Нужно пойти его поискать! Может, поможем ему вырыть подкоп под забором? Или забраться на дерево, древолазы мы или нет, и так перелезть через забор?! Быстрее! На выход!

— Эй, вы! Вы же в одном клубе с Петром были?! — заметила нас завуч — Даже не смейте выходить наружу! Если кого-то увижу не в здании детдома — последуете за Петром! Всем понятно?!

Мы переглянулись, скрипнули зубами и кивнули. Мы ничем ему не поможем, если нас так же утащат и где-то запрут. Развернувшись, мы вернулись в клубную комнату. Сразу же подошли к двери наружу, дёрнули за ручку, пытаюсь открыть, но она внезапно оказалась заперта! Даже ключи, что у нас были, её не открыли — снаружи был засов, видимо, на него и заперли.

— Что теперь делать? — жалобно мяукнула Галя.

Никто не ответил.

Я не стал сидеть, слишком уж плохая атмосфера. Поднялся на самый верх детдома, не на крышу, на последний этаж. Встал у окна, что выходила на задний двор детдома, мини-стадион и лес за ним. Может, смогу рассмотреть Петю, который перелезает через забор? Боже, надеюсь, у него получится! Почему из-за этих мразей должны страдать обычные дети?!

Я не говорю про «травоядных мразей», в лагере я убедился, что без мразотного воспитания в духе ненависти местные дети и взрослые не делят никого на травоядных и хищников. У ненависти и издевательств нет ни видовой, ни половой принадлежности!

Я не сразу понял, что я вижу. Просто смотрел и всё. А потом до меня как дошло! По дороге ехал уже знакомый мне чёрный фургон, остановился возле того же бетонного здания. Из него вышла какая-то неясная фигура, открыла дверь в здании и скрылась внутри. Да чёрт же, теперь это точно не галлюцинация! И температура в норме! В прошлый раз, когда тот парень-горноста́й сбежал, он тоже приезжал. И сегодня. Может, это как-то связано с побегом Пети? Я должен обо всём узнать!

Я уже хотел броситься вниз, к вентиляции, чтоб через неё вылезти наружу, поближе к кустам, и уже так доползти до того здания, но потом остановился. А как я что-то докажу другим, если вдруг там что-то увижу? В прошлый раз мне вообще не поверили, что есть какой-то фургон, почему в этот раз будет иначе? Надо найти что-то, что подтвердит мои слова! Фотоаппарат, видеокамера, смартфон... Смартфон! У каждого старшака есть смартфон! Надо, значит, один такой позаимствовать. Только у кого?

Первым мне в голову пришла свиносвета. Стырю у жирухи мобилку — вот она беситься будет! Но из-за этого и мне прилететь может... Ладно, Свинытлану трогать не буду. Кого тогда другого? Мысли заметались, перебирая тех, кого можно обобрать. Чёрт! У всех есть подписота, которая всегда вокруг них крутится. Даже если я каким-то образом захвачу их шею хвостом и придушу, то другие успеют вмешаться, я не успею смыться. Что же тогда делать?!

Когда ответ пришел мне в голову, я даже себя ладонью по лбу шлёпнул! Да тому же уроду, с кем Петя подрался! Волчонок ему ухо оторвал, он сейчас должен быть в медпункте. Может, ему ухо приживляют к голове, а может, к заднице, но мобилка ему сейчас явно не нужна. Надо порыться в его вещах!

Оглянувшись, я поспешил на крышу. Там разделся, положил вещи под кусок рубероида, что там валялся, и нырнул в вентиляцию, которая сюда выходила. Но внутри спешить уже нельзя было — всё таки не ночь, днём меня могут услышать, так что я полз понемногу, останавливаясь и прислушиваясь. Но через двадцать минут я заполз в верхнюю вентиляцию спальни Петра. Осмотрел всё, подмечая детали, насколько мог. Спальня была немного неубранной, постели застелены кое как, но в остальном было всё в порядке, тут успели прибраться. Решившись, я спустился вниз. Теперь обратного пути нет!

Прислушался, не идёт ли кто, но всё было в порядке. Только откуда-то раздавались звуки голосов, но расстояние до них не менялось. Вынул решетку вентиляции, вылез и заскользил под кроватями до той, возле которой пахло чистящими средствами и остатками крови. Быстро открыл тумбочку и уже хотел зарыться в вещи, но остановился — они слишком пахли Петром, чтоб быть не его. Ладно, ничего. Я пополз ко второму месту с такими же запахами недавней драки и уборки. Вот, это та тумбочка, что нужна!

Внутри всё было в беспорядке, накидано кое как, явно кто-то второпях закидывал вещи. Плевать! Я стал копать, ища мобильный. Трусы, носки, трусы, все несвежи, фээээ, ну и гадость, штаны, рубашка, женские трусы. О, вот оно! В самой глубине тумбочки лежал смартфон. Я быстро включил его, в принципе, особых различий в этом с предыдущей Землёй не было, я это выяснил ещё на примере компьютеров в библиотеке. Так, ага, работает. Вскрыл крышку, вынул и выкинул симку, снова включил. Всё работает, разве что сети не находит, что неудивительно. Так, быстро отключил все звуки, чтоб не выдать себя ими, и шмыгнул в вентиляцию, потому что к спальне приближались чьи-то шаги.

Всё, успел! Не теряя времени, я бросился изо всего хвоста к внешней вентиляции. Так, какая там выходит поближе к кустам? Точно, та, возле кухни. Ползу туда!

Пришлось постараться, чтобы выбраться, даже понадобилось когтями отцарапывать ржавчину с креплений, но я всё же смог выбраться и даже не на шуметь. И пополз, почти роя носом землю и опавшие листья, к бетонной коробке.

Вот блин! Вентиляция тут тоже была, но высоко, под самой крышей, на высоте пары метров, не меньше. Зато она была шире, чем в детдоме, да и казалась поновее. Волшебнo! Оглянувшись, нашел какую-то трубу, выходящую из стены и уходящую куда-то в землю. Метнулся к ней, обвил хвостом и, как по канату, взлетел наверх. Оттуда на край крыши, и уже по ней осторожно, прячась в кронах деревьев, добрался до вентиляции.

Свесился, напрягая мышцы хвоста, чтоб не сползти с крыши, свесился вниз и стал выламывать решетку. Ха! Она тут прикручена болтами! Воткнул в них когти и выкрутил, как отвёрткой. Свесился как можно больше, залез в вентиляцию и пополз по ней, ориентируясь на запах и и звук.

А пахло тут чудовищно! Затхлость, пыль, дохлые пауки — но это старо. А из нового были запахи Петра, крови и ещё чего-то. Ну да, Петя ранен, но ему разве не оказали первую помощь? Ладно, сейчас увижу. Я включил запись видео на смартфоне и полз по просторному жестяному коробу, вделанному в стены и в потолок.

Вскоре я попал куда надо — через решетку внизу я видел комнату с парой металлических столов. На одном из них лежала куча всего, а молодой мужчина, лет двадцати трёх — двадцати пяти упаковывал это что-то в прозрачные вакуумные мешки. В его ушах были наушники, проводки шли куда-то к поясу, а сам мужчина пританцовывал и подпевал музыке в ушах.

Я сначала обратил внимание на самого этого мужика, всё же тот двигался и вообще выделялся, и не понял, что он там упаковывает. А когда присмотрелся — меня пронял такой ужас, что я готов был обосраться прямо в вентиляции. Даже рот себе закрыл ладонью, чтоб не издать ни единого звука.

Потому что на столе были уже упакованные или ещё только готовые к этому части тела Петра. Его голова, с пустыми глазницами, смотрела почти на меня из вакуумной упаковки. А мужик как раз высасывал воздух из пакета с детской ногой.

Я лежал и боялся пошевелиться. Даже стук собственного сердца казался мне ударами молотка по жести вентиляции. Я был поглощён желанием издавать как можно меньше звуков, вообще быть маленьким и незаметным, как микроб. Потому что стоит этому уроду меня заметить — и я труп. Вот прямо сейчас. После того, что я увидел, свидетелей в живых не оставляют.

Упаковка заняла ещё с полчаса времени, показавшимися мне почти вечностью. Наконец мужик закончил с частями тела, сложил их в объёмную сумку и собрался уже уходить, когда в комнату зашел... Трофим.

— Господин. — завхоз поклонился мужчине. — Вы довольны товаром?

— Да, весьма неплох.

— Рады, что вам понравилось, господин!

— Ага. — мужик закинул сумку на плечо. — Трофим, ты говорил, у вас есть серпента?

— Есть, господин, есть, молодая, мелкая.

— Хорошо. Готовьте её, через месяц я её заберу. Только смотрите, чтоб её печень и сердце не пострадали, они мне больше всего понадобятся. Оба сердца! Понял?

— Да, господин, они будут в лучшем виде!

— Отлично. Пока.

Они ушли, а я так и остался лежать в вентиляции, уставившись куда-то в темноту. Мне осталось жить всего месяц?! Чтоб вас всех!

Фух. Возьму перерыв на несколько дней, три-четыре.:)

Назад я возвращался, трясясь всем телом от шока. И от страха. Петя — мёртв! Разделан на кусочки, упакован и засунут в сумку! А скоро и я тоже таким стану! Только это и было в моей голове, но я всё же нашел силы всё прибрать за собой, даже вкрутить болты обратно в решетку вентиляции. А то ещё кто-то заметит, тот же Трофим... Трофим — сука! А ведь я тебе верил! Ты же меня кефиром поил — а сам потом детей расчленишь?! Урод!

Оставив выключенный смартфон в вентиляции, я свернулся на кровати, укрылся одеялом и погрузился в мысли. Что делать?! Я не хочу умирать второй раз! Пусть эта жизнь не очень-то и радостная, но жизнь лучше, чем смерть. Да, я теперь знаю, что второй шанс может быть, но кто ж сказал, что и третий дадут?! Может, и не дадут! Скажут «ты и так уже два шанса просрал, куда тебе третий? Иди...» Я не совсем понимал, куда надо будет идти, да и кто посылать будет, но именно такое в голове и крутилось.

Бежать? В принципе, ничего невозможно в побеге нет. Можно даже отсюда сбежать. А уж в городе, когда нас вывозят в училища, так вообще без проблем. Проблема тут в другом — а куда бежать? Я слишком заметный, чтоб просто затеряться в толпе. Был бы человеком или кроликом каким, то без проблем, но мелкую серпенту, уникальную для этой страны, заметят всегда и везде. Да и вообще, меня могут поймать совсем не для того, чтоб обратно в детдом вернуть, а для своих личных целей — и сценарий с борделем снова замаячит перед глазами. Пока я маленький и слабый, со мной могут сделать всё, что угодно.

Пойти в полицию и всё выложить, подтвердив аргументы записью на мобильном? Можно, но я же не вчера родился и понимаю, что без «крыши» в органах такие вот фокусы с питерскими развлечениями долго не продлятся. Значит, у них есть кто-то «в верхах», кто замнёт всё. По крайней мере район детдома точно курируют, здешнее отделение точно сидит на зарплате у убийц, как и участковый, если он в этом мире есть.

Сбежать в леса? Там такое засилье всяких мутантов, что вряд ли кто меня найдёт. Но и я не то, чтоб там долго проживу. Вылезет такой вот олень с молниями — и что я ему сделаю? Обшиплю? Даже чтоб укусить, надо сблизиться с ним и ухитриться не получить заряд в морду или копытом по хребту. А это ещё и довольно слабый магический мутант по здешним меркам, есть в лесах много и посильнее.

Канализация? Нырну туда и буду жить, в принципе, тёплую трубу найти всегда можно, а крысы вряд ли когда-нибудь переведутся. Но это мало чем отличается от жизни в аду — тьма, крысы, вонь, говно. Лучше уж сдохнуть, чем так выживать.

Как я не перебирал варианты, единственным, который я смог придумать, оставался обратиться к полицейским. Не здесь, а в городе. К тем же свину и козлу, что меня нашли. Возможно, они и не ангелы, может, взятки берут и закрывают глаза кой на что, как и многие, но сомневаюсь, что они умиляют от убийств детей. Ну, и личное отношение ко мне у них уже есть. Конечно, может всё получиться, как с Трофимом, но не ошибается только тот, кто мёртв — лежит себе и разлагается. А я ещё жив!

Утром, когда нас должны были отвезти в очередные училища, я быстро нырнул в вентиляцию и вылез оттуда с картой памяти, на котором было видео с расфасовкой Петра. Её-то спрятать легче, чем целый смартфон. Тот вообще разрядился, подзарядку я забыл стащить.

Весь день, пока нас возили по учебным заведениям, я был как на иголках. Старался

держат себя в руках, чтоб не выдать своего состояния, но это же почти невозможно. Так и казалось, что вот сейчас Лидия Николаевна подойдёт и схватит меня за потайной кармашек с картой памяти с воплем «А что это у тебя тут, а?! А ну пошли, будем тебя разделявать!». Приходилось делать над собой усилие и вести себя «естественно». Но всё же мою нервность замечала даже Настя.

— Эй, что с тобой сегодня? — вечером, когда нас расселили, Настя подошла ко мне и склонила свою голову к моей.

— Что? О чём ты? — довольно фальшиво сделал я вид, что не понимаю.

— Да ты сегодня сама не своя. Весь день тупишь, смотришь куда-то в стену и вздрагиваешь от любого шума. — крольчиха разбила все мои усилия по «нормальному поведению».

— А... — я лихорадочно думал, что сказать. О, понял! — Я сегодня хочу пойти на свидание! Только тсссс, никому не слова!

— Да? А с кем?! — девочка мгновенно заинтересовалась. — Он тоже серпент? А как ты с ним познакомилась?

Блин, и вот зачем я приводил её в норму? Была бы запуганной — не лезла бы ко мне теперь! Но я же не знал, а хотел заглушить червячка вины...

— Это секрет! Чтоб не сорвалось! Ты же знаешь примету, чем больше болтаешь — тем хреннее всё пройдёт! И вообще, прикроешь меня перед училкой, если что? Хорошо? — я посмотрел на неё умоляющим взглядом, даже глаза увлажнились от усилий.

— Конечно, нет проблем. Только потом расскажешь мне, как всё прошло!

Заручившись её поддержкой, я по-тихому уполз на автобусную остановку, там нашёл маршрут, который шел к знакомому мне отделению, где я провёл неделю, и, дождавшись нужного автобуса, поехал. Люди на меня с любопытством косились, всё же серпенты тут достаточно состоятельные звери, да ещё и я какого-то непонятного вида. Но мне эти взгляды были до задницы, пусть хоть усмотрятся, дырку всё равно не провертят.

— Здравствуйте. — я подполз к окошку дежурного и подтянулся на руках, заглядывая в него.

— О, привет! Ты же Света, да? — дежурный вспомнил меня, да и я его видел пару раз.

— Ага. А Сергей Игоревич здесь? — я спросил про свинополицейского.

— Нет, он сейчас патрулирует с Костей. А что?

— Да я вот вырвалась на прогулку и хотела с ним и с Константином повидать. Они же меня нашли, а я их давно не видела. — я улыбнулся во весь рот, не показывая зубов.

— А, тогда проходи в дежурку, на диван, а я их сейчас по рации вызову.

— Спасибо!

Я забрался на диван и стал ждать, переговариваясь с дежурным и приветствуя заходящих иногда полицейским. Мне сразу организовали пару пирожков и чай, я отнекивался, но никто не хотел слушать. Пришлось съесть, хотя от страха кусок в горло не лез. Но не обижать же!

Когда вернулись свин с козликком, мы обнялись с ними и прошли в здешнюю комнату отдыха, опять чаёвничать. Но я сразу достал карту памяти и протянул Сергею Игоревичу.

— Что это? — он удивлённо взял её из моей руки.

— Посмотрите. Прямо сейчас. Это очень важно!

— Ладно. — не стал спорить он. — Костя, вставь в свой телефон, а то у меня старый, пока достану.

— Сейчас.

Вставив, они стали смотреть заснятое мной видео, оно и длилось-то всего минут пятнадцать. Но они смотрели, не отрываясь, а их реакцию выдавали желваки на лицах и напряженные позы, в которых они застыли.

— Что это? Где ты это видео сняла? — Сергей Игоревич поднял глаза на меня, когда видео закончилось.

— Сама сняла. Моего друга, того, кто... там, всего избитого увели, а потом приехала чёрная машина, которая уже приезжала, когда другой парень «сбежал». — я не стал говорить, что фургон видел только я. — Хотела узнать, что там происходит, забралась в вентиляцию с телефоном, а там такое...

— Почему не обратилась по месту? — задал мне прям таки казенный вопрос.

— Я же не идиотка. Без «крыши» наверху такое не делают, я сериалы по телевизору смотрела! Как я могу местным доверять?! Вы — первые, кого я помню, к вам я и пришла!

— Хм. — полицейский вздохнул и откинулся на стуле, посмотрел на молодого напарника, тот на него. — Света, это очень серьёзное дело. Я не могу его решить, я просто патрульный, чуть выше пешего пепса по возможностям.

Мда, видимо, я зря рисковал. Если сейчас он скажет дать делу официальный ход, с заявлениями и проверками, то мне конец — в детдоме всё выставят так, что это лишь мои выдумки, а видео просто подделка и инсценировка. Или оно вообще из вещдоков пропадёт и будут только мои слова — выдумки серпенты с кривыми мозгами, у меня же была амнезия! А теперь и галлюцинации.

— Но у меня есть знакомый в ЦСБ, у него за мной должок. Он надёжный человек, я обращусь к нему, он должен помочь. — продолжил свин. — Только с ним ты должна будешь встретиться сама и всё рассказать.

— Я не знаю, смогу ли. — промямлил я, прикидывая варианты. — Нас сейчас возьмт по училищам, чтоб мы выбрали себе профессии, а куда завтра повезут, я не в курсе.

— Не проблема, мы узнаем. — отмахнулся полицейский. — Когда следующий раз ты сможешь выйти вечером? Завтра? Послезавтра?

— Послезавтра.

— Хорошо. Мы найдём тебя и подхватим, ты просто выходи из общежития, вас же в общагах училищ размещают? Ага, выходи, мы тебя найдём. Хорошо?

— Хорошо!

— Отлично. Давай тогда мы тебя быстро назад отвезём, чтоб не спохватились.

Меня засунули в патрульную машину, отвезли и высадили за пару кварталов от общежития. С некоторой опаской я вернулся туда, выдумал какую-то версию свидания для Насти, мол, парень красавец горячий и вообще, закончу детдом — сразу к нему жить поеду, а сейчас пока только целовались. И лёг спать.

Следующие два дня я провёл ещё более нервно, чем до этого. Меня выследили или нет? Да или нет? Вроде Лидия Николаевна и Трофим ничего не замечают! А вдруг они только делают вид, что не замечают?! Когда мои эмоции достигли пика, я просто пошел в местную душевую и залез там под самую холодную воду, что только мог. Повизжал от такого душика и вылетел оттуда. Немного помогло, паранойя спала. Или хотя бы отступила. И я мог вести себя более естественно.

В назначенное время я выбрался из общаги, опять же заручившись поддержкой от Насти, и уполз в ближайший парк, где сел на лавочку под фонарём. Сидел, вслушиваясь в

шаги и звуки машин, оборачивался на них, но это были просто прохожие. Неужели обманули? Или просто ещё не время? О, а вот, может, и они! Подъехала машина, остановилась, хлопнула дверь и кто-то быстро пошел ко мне.

— Света! Это я! — на свет вышел Костя. — Пошли в машину, там с тобой хотят поговорить.

Я не заставил просить себя дважды. В машине сидели Сергей Игоревич и какой-то незнакомый мне тощий мужчина лет сорока, по виду ласка или тот же горноста́й.

— Привет, Светлана. Я Андрей Григорьевич, я из ЦСБ. — представился мужчина. — Я уже посмотрел твоё видео, очень, кхм, впечатляющее.

Он начал меня расспрашивать о том, как это всё происходит, какая обстановка в детдоме, кто может быть ещё причастным к этому, кроме Трофима на видео. Я рассказывал всё, что только знал, ничего не утаивая. Ну, почти ничего — как я лазил по вентиляции и что там узнавал не сказал, оставил при себе.

— Вы же их арестуете? — задал я в конце вопрос. — Они же убьют меня через месяц!

— Конечно, арестуем. — заверил меня службист. — Но не сразу.

— Почему?

— Потому что арестовать одного этого потрошителя — полработы, даже, я бы сказал, четверть. Надо выявить всю цепочку, а для этого необходимо поймать его на горячем, чтоб ему было чего бояться. Да и адвокаты, эти крысы скользкие, могут даже это видео вывернуть так, что он окажется невиновным! Нам нужны твёрдые доказательства!

— То есть вы хотите поймать его, когда он будет потрошить меня. — перевёл я его слова на человеческий язык. Ловля на живца!

— Ну, не потрошить, мы до этого не доведём! Но чтоб он явился в твой детдом и заперся с тобой — вот это точно надо, тут ему уже не уйти. Не сможет тогда сказать, что на видео не он, и вообще его просто оклеветать хотят. Понимаешь?

— Понимаю. — буркнул я.

Что ж тут непонятного? Они хотят поймать крупную рыбу на более мелкую рыбёшку, а я — червяк для этой мелкой рыбёшки. Очень неудобно чувствовать себя червяком. Но какие варианты?

— Хорошо! Я согласна! Но вы точно успеете?

— Вот, возьми. — он протянул мне какой-то кусочек, по виду — кожи. — Это маячок. Он постоянно работает от тепла тела. Как только тебе будет угрожать опасность — сломай его, мы поймём, что время настало.

— А вдруг меня вырубят? По голове ударят или в еду снотворного подсыпят.

— Мы будем и за твоим детдомом наблюдать, как появится твой чёрный фургон — через пару минут зайдём.

— Только он может быть магией закрыт! Другие дети его не видели!

— Кхм, учтём, спасибо. — кивнул ЦСБшник. — Тебе нечего волноваться, девочка. Теперь мы держим руку на пульсе, всё будет в порядке.

Ага, прям ложка мёда в бочке дёгтя. Но в обратную сторону это не работает. Но других вариантов нет! Прилепив маячок подмышку и активировав его, я попрощался, выбрался из машины и пополз к общаге, а полицейская машину уехала.

Я полз через парк, перебирая подробности разговора, когда вдруг почувствовал знакомый запах. Очень сильный и очень знакомый! Приблизился к кустам, взгляделся...

— Настя! Это ты?!

— Ээээ Света, ты тоже тут! Ха-ха! — девочка выбралась из кустов, вода взглядом по сторонам.

— Что ты тут делала? — я впился в неё взглядом.

— Да так, прогуливалась перед сном. А ты? Пойдём в общагу, хорошо?

— Ты что — подсматривала за мной? И много подсмотрела?

— Да! — тут крольчиха смело посмотрела на меня, а в её взгляде появилась злость. — Да, много! И всё расскажу Лидии Николаевне! Ты стучишь на неё полиции, да? Вот почему ты такая маленькая, но такая разумная? Ты сама полицейская?!

— Нет, это чушь!

— Ха-ха-ха! Я всё расскажу — и меня защитят! Меня сделают главной в спальне! И даже телефон дадут! — Настя уже всю мечтала о реабилитации от изгойства. — Учителя сделают так, что меня все снова полюбят!

— Не надо! — у меня сдали нервы. — Они убили Петю! Разрезали его на куски! И меня убьют, если ты им расскажешь! Я видела и слышала это!

— Убили? И тебя? — мои слова ударили по ней, заставив остановиться. Но потом лицо её исказилось яростью. — Да и пусть! Думаешь, я дура и не понимаю, что меня с этими сплетнями подставили?! Я всё думала — кто же это мог! А теперь понимаю — это ты! Ты могла! Даже в туалете, тогда, когда появилась та надпись после меня, ты же сидела рядом, я твой голос слышала и кусочек хвоста! Ты мою жизнь сделала адом, а теперь я должна тебя жалеть?!

— Нет, пожалста! — я схватился за её одежду, а она стала бить меня по рукам и вырываться.

— Сдохни, змеюка! — заорала крольчиха и пнула меня ногой.

Ах, так! У меня не было других вариантов! Я вонзил зубы в её ногу и впрыснул в неё яд. Настя завопила, упала на землю, схватившись за ляжку, а я рванулся вперёд — и укусил уже за шею. Крольчиха дёрнулась, руки взлетели вверх, но на полпути скрючились, она забилась в судорогах. Я с ужасом наблюдал за её корчами, пока она вдруг не расслабилась и не обмякла. Я прислушался — она ещё была жива, сердце слабо, но билось. Но что теперь делать?! Если она очнётся, то мне конец!

В голову мне пришло только одно. Я быстро стянул её вещи и закопал в листьях под кустами, а саму её стал проглатывать, раскрыв челюсти на максимум. Это продолжалось минут десять, я с трудом дышал, но всё же проглотил крольчиху полностью. Живот раздулся, увеличив меня вдвое, я чувствовал себя жутким толстяком, еле двигающимся. Но теперь улик почти не осталось!

Вернулся в общагу, ухитрившись никому не попасться на глаза, и залез в постель. Надеюсь, до утра она достаточно переварится, чтоб так не выпирать из живота, иначе меня всё равно спалят!

Жалко ли мне было Настю? Да! Очень! Но не жалче, чем себя.

Наутро я с трудом проснулся. Хотелось лежать в постели, накрывшись одеялом по подбородок, и спать дальше. Но в коридоре уже раздавались шаги и голоса, а потом и в дверь требовательно постучали. Не дожидаясь ответа, та распахнулась, и на пороге появилась Лидия Николаевна.

— Найдёнова! Вставай! Так, а где Настя?!

— Я... это... не знаю... — я мялся, подыскивая самый подходящий ответ.

— Что значит «не знаю»? Ты её соседка или чья?! — грозно сдвинула брови учительница и использовала последний аргумент. — Я накажу обеих, если не скажешь, где она!

— Лидия Николаевна, я не в курсе! Настя с кем-то познакомилась в прошлый раз, а вчера убежала к нему! Сказала, чтоб я её прикрыла, она ночевать не будет, но к утру вернётся! Честно, она даже имени не назвала того человека! — я даже слезу пустил, выдавая эту версию.

— Таааааак! Понятно! Ну, Анастасия, какую ты мне свинью подложила! Только вернись! А ты не валяйся, вставай, завтрак скоро!

И исчезла. А я встал и немного с опаской посмотрел на себя. Нет, всё в порядке. Того раздутого живота, который был вчера, уже нет. Я как-то весь пожирнел, надувшись и раздавшись в стороны, округлился. Если внимательно присматриваться именно к этому, то заметно. А если нет, то нет. Надеюсь, никто меня разглядывать не станет. В туалете я тужился минут двадцать, стараясь уменьшиться насколько возможно. Ха! От крольчихи даже костей не осталось — я щупал себе живот в поисках чего-то твёрдого внутри, но ничего не нащупывалась. Ну и нормально, и рыбы, и крыты те же растворились так, что и кости, и шерсть потом отрывивать не пришлось.

О Насте вспомнили только к вечеру, когда она не вернулась, а надо был уезжать обратно в детдом. Меня ещё раз опросили, но я стоял на своей первоначальной версии, и от меня отстали. Даже полицию местную вызвали, те записали всё, но с таким лицом, что было понятно — никого они искать не будут. Ну и отлично!

Хм, мне вдруг пришло в голову, что так половину группы сожрать можно, а никто и не почешется... Фу-фу-фу, глупости!

А самое интересное, что я был сыт! Абсолютно сыт! Тело было заряжено энергией, усталость как рукой сняло, а дурные мысли, что терзали меня вчера, отступили и спрятались, испугавшись прилива энергии. Как полезно, оказывается, кроликов есть.

Ну что ж, это будет полезно. Впереди у меня месяц борьбы, силы мне очень даже понадобятся для этого. Я останусь в живых чего бы мне это ни стоило! Ну, в разумных пределах.

Экскурсии по училищам продолжались. Под конец нас привезли и в то, где учат всяких серкретарей-референтов, делопроизводителей, библиотекарей — и бухгалтеров. Вот этому я обрадовался. Я же надеюсь выжить, значит, надо уже сейчас думать о будущем! Я с удовольствием изучал бухгалтерское направление, выпрашивал подробности того, что необходимо для поступления на него, какие требования, даже программу за первый семестр обучения выпросил. Там и программы для бухгалтеров показали — помощники типа «консультанта» и «главбуха» со старой Земли, программы для автоматического заполнения

ведомостей и прочее. Даже пошутили, мол, скоро нейросети попытаются заменить всех бухгалтеров, но вряд ли это получится, потому что списать недостачу не сможет ни один искусственный интеллект!

А когда я вернулся в детдом с «месяца будущего», то понял, что имелось ввиду под «подготовкой» меня к попаданию на стол вивисектора. Свиносветка и свинокатька, явно получив приказ, начали прессовать меня со всей мощи. Они выкидывали и топтали мои вещи, ломали их, портили. Как-то раз вытащили все мои платья и вдвоём обоссали их, мерзко похрюкивая! Мне пришлось выкинуть все платья в стирку и ходить условно голым, за что Лидия Николаевна буквально пустила меня на уроке, завуалировано обозвав извращенкой. Все возражения об испорченных вещах заранее отвергались. Я со злости взял простыню с кровати, обмотался ею и ходил так. Пока эти свиньи не украли всё бельё вместе с подушкой и матрасом, пока я мылся, и не спрятали их. Я нашел их только на второй день, а ту ночь спал на голой металлической сетке.

За две недели у меня были только одни сутки передышки — внезапно наступила линька, я ушел в медпункт и там её проспал. Не знаю, может, это там Настя подействовала, но я рекордно вытянулся, аж на двадцать один сантиметр — и теперь был два метра двадцать сантиметров общей длины. А вот в ширину остался таким же.

А вот в еде меня не ограничивали. Вообще. Даже начали увеличивать порции, которые насыпали. Наверное, это приказ заботиться о печени и сердце так подействовал. Да и свинососедки к физическому насилию не прибегали, меня ни разу никто не ударил.

Я стойчески держался, не давая ни единого повода меня выставить из детдома, организовав «драку» и «побег», как с Петей. Не дождётесь, падлы! Но когда начало октября начало неумолимо приближаться, то я всё равно стал больше нервничать. Они же в любом случае меня засунут в тот дом. А как? Подсыпят чего-то, усыпят и всё? Тогда я не успею сломать радиомаячок. Или просто вытащат да и всё? Блин, если бы я знал способ, то мог бы лучше сопротивляться! А если просто залезть в вентиляцию, затаиться там и сидеть пару-тройку дней? Это мысль!

Но реализовать я её не успел. Второго октября Лидия Николаевна позвала меня к себе, а когда я пришел, то там уже был Трофим — и вдруг забормотал что-то и махнул заковыристо руками, я почувствовал толчок — и упал на пол, парализованный, как бревно. Эти двое с криком подняли меня (я к этому времени уже весил килограммов шестьдесят, если не семьдесят) и понесли в то бетонное здание. Только когда они возились у двери, открывая, руки немного отошли, я дотянулся до маячка подмышкой и сломал его, проткнув когтём. Но Трофим, падла, увидев когти, снова шибанул меня заклиниванием!

Занесли в здание, потом в комнату со знакомым уже столом, который вызвал у меня буквально ужас, и стали приматывать к нему ремнями, фиксируя хвост, руки и голову. Привязав, уши, оставив меня одного.

Потихоньку отходя от паралича, я дёргался, пытаюсь выпутаться, извивался, но ремни были будто заговорённые, даже на миллиметр не слезали, что бы я ни делал. И так я барахтался, пока в дверях не звякнул ключ и в помещение не зашел уже знакомый мне молодой мужчина.

— Кто вы?! Почему я тут?! — заголосил я, когда он подошел.

— Пу-пу-пу! Не ори! — отмахнулся мужчина. — Зачем? Чтоб стать прекрасным эликсиром долгой души! Увеличивает магический потенциал и улучшает мышечную и костную структуру принявшего, делая его сильнее и быстрее. Представляешь, сколько такое

стоит? Впрочем, куда уж тебе!

— Я не хочу быть эликсиром! Отпустите меня, пожалста! Я никому ничего не скажу! — я говорил всё, что в голову приходило, лишь бы продлить время, пока меня не режут. Я надеялся, что тот мужик из ЦСБ всё же не соврал и спасёт меня.

— Ха-ха-ха! Да тебя никто и не спрашивает, хочешь ты или нет! На, вдохни — и уснёшь навсегда, а всё пройдёт безболезненно для тебя. — он поднёс к моему лицу маску, как у аппаратов с анестезией.

— Не хочу! Уберите! Отпустите меня! — я дергал головой, не давая прижать маску.

— Слышь, змеюка! Если ты меня разозлишь — будет гораздо больнее! — окрысился мужчина.

А я вслушивался в звуки снаружи, но ничего слышно не было. Не выли сирены подъезжающих полицейских машин, не стучали берцы по асфальту, никто не выбивал двери этой бетонной коробки. Тишина. И я понял, что я остался один на один с этим уродом. И у меня единственный выход — просто кричать. Кричать, надеясь, что меня услышат, сбегутся сюда — и этот гад уже не сможет меня безнаказанно порезать на куски.

И я закричал, набрав побольше воздуха во все три лёгких, всем естеством желая кричать как можно громче. Правда, я же девочка, да? И у меня получился высокий девчоночий визг! Правда, такой, что форму дал бы многим другим!

Брызнул, вылетели разбившиеся окна. Со звоном осыпались плафоны и лампы, погаснув разом. Лопнуло вообще всё, что было стеклянным, даже смартфон этого мужика лопнул и слетел со тола. А его самого, мужика этого, сбilo криком с ног. Поднявшись, он представлял страшное зрелище — кровь текла из его носа, ушей и даже глаз, лицо было сплошным кровоподтёком, будто его ударило доской, а глаза красные из-за полопавшихся в них сосудов.

— Сука! Хочешь по-плохому?! Получай!

Он широко размахнулся и ударил меня в живот. Я даже смог выгнуться от боли, не смотря на ремни. А когда чуть отошел и рефлекторно вдохнул воздух, то мужик ловко прислонил к лицу маску и пустил газ. Я вдохнул, тело вдруг расслабилось и стало ватным, а перед глазами всё поплыло и смешалось. Последнее, что я успел заметить, это склонившегося надо мной ублюдка со скальпелем.

Всё. Конец. Никто не пришел меня спасать.

— Ольга Алексеевна, я пойду погуляю!

— Хорошо, Света, только к двум часам вернись! Ты же помнишь?!

— Помню! Всё, я ушла!

В столице Сиама, Китеже, оказалась целая куча интереснейших мест. Чего только стоит Речной Дом — небоскрёб на месте слияния двух рек, внутри которого находится гигантский, метров двести в высоту и пятьдесят в ширину, цилиндрический аквариум?! И у него нет стенок! У аквариума, в смысле. Этот чудовищный столб воды сдерживает магия, я сам проверял, засовывал палец — и он просто входил в воду. В нём даже можно поплавать, за небольшую плату. Тем более аквариум сделан так, что в нём нет давления воды — все двести метров его высоты разделены на десяток зон, на переходах которых давление обнуляется. Не знаю, что за гений создал этот шедевр, но он по праву считается одной из главных достопримечательностей столицы.

А летающие стадионы? Три поля с трибунами парят над четвёртым, именно парят, не опираясь ни на какие опоры! Можно проводить сразу четыре игры или соревнования за раз. А когда не надо, эти поля опускаются и складывают с тем, что на земле.

Но больше всего меня привлекали большие и маленькие магазинчики и просто места для развлечений, по которым приятно было побродить, порассматривать и иногда что-то купить. Или просто зайти в кафе, устроиться за столиком и выпить чашку капучино с булочкой, пялясь при этом на прохожих в окно. Пока они пялятся на меня.

Вот и сегодня я, завернувшись в попону с подогревом, дополз до автобуса и уехал поближе к центру Юго-Восточного района Китежа. Весь город же стоял на слиянии двух рек, образующих третью. Соответственно, делился на Северный, Юго-Западный и Юго-Восточный районы, вот в Юго-Восточном я теперь и жил. Уже почти месяц, с тех пор, как выписался из больницы.

Тогда, второго октября, когда я отключился от газа, урод не успел меня вскрыть. Спецназ ЦСБ вломился буквально в тот момент, когда я окончательно отключился, их даже задело моим криком, аж забрала шлемов полопались. Зато урода скрутили.

И он сдал почти всю систему. Оказалось, что кроме моего детдома, существовало ещё пять таких же, в которых детей собирали и готовили выбранных для разделки. Четыре было для утилизации хищников, а два — для травоядных. Выбранных детей подвергали травле с подачи учителей, а потом организовывали им «побег», после которого никто их больше не видел. Умасленные чиновники из органов опеки не замечали ничего плохого в подобных побегегах, а парочку полковников в полиции прикрывали расследования. Если они вообще были.

Все учителя, завучи и директора были в этом замазаны, каждый получал свою «долю», не такую уж большую, на самом деле. Из тоже повязали, а детдома расформировали.

Увы, но дальше дело не пошло. Пойманный маг-вивисектор только успел расколоться на счёт младшего персонала всего этого адского предприятия, а когда стал рассказывать о своих нанимателях — то вдруг умер и распался пылью, будто для него прошло несколько тысячелетий. И даже все задержанные учителя и директора, полицейские, все, кто мог хоть что-то знать о главных, таинственным образом погибли. До единого. Все ниточки вверх оказались оборванными. У ЦСБ и полиции были подозрения, кто это мог быть, но на

подозрениях дело не построишь.

Не знаю, зачем мне это всё рассказал уже знакомый ЦСБшник. Только потом, когда он ушел, я всё обдумал и пришел к выводу, что это он меня так предостерегал. Главные виновники детоубийств- на свободе. И они злые, что их такой хорошо отлаженный бизнес пошлее под откос. И чьими стараниями? В немалой степени моими. И кому будут мстить? Ну не ЦСБ же! А вот мелкую змейку могут и придушить в подворотне. Попозже, когда шумиха уляжется.

Детдомы расформировали, детей распределили по другим, уже нормальным. А меня ещё в больнице приняли на поруки. Не удочерили, а как-то взяли под опеку. Теперь я как бы на балансе взявшей меня семьи, но не являюсь их членом юридически. Просто ребёнок, за которого они теперь отвечают вместо детдома.

Семья Смирновых, в которой я теперь живу, оказалась вполне милой и доброй. Кроль глава семьи с двумя женами-крольчихами и девятью детьми, пятеро из которых уже учились в ВУЗах или жили отдельно. Вот и мне нашлось место в их достаточно просторном доме. Они прознали обо мне из газеты и решили так поступить, чтоб показать, что не все травоядные — сволочи. Глава семьи был бизнесменом, владельцем нескольких овощных магазинов в Юго-Восточном районе, в которых продавал продукцию с загородных ферм, а его жены домохозяйками.

Ну, и меня немного баловали на этом фоне. Оформили на меня дебетовую карточку детскую и хотели кидать туда деньги, чтоб я «ни в чём себе не отказывал». Но я сразу зарубил эту идею, сказав, что только добытое лично идёт в прок. Совсем, конечно, от денег не отказался, я ж не идиот, так что мне кидали по пять форинтов каждую неделю на карточку, вот на них я и развлекался. Негусто, зато привыкаешь не транжирить деньги. А то знаю я себя!

Но вместо этого две мамочки решили одаривать меня вещами. Вот эта попона, в которой я гуляю, которая сверху прикрывает мой хвост и спину, тоже не самая дешевая штука — в две зарплаты работяг, почти пятьсот форинтов. Противогрязевая, водонепроницаемая, с подогревом от магических накопителей, которая не даёт замёрзнуть в уже по-осеннему холодную погоду. Шапка, перчатки, тёплое платье-пальто, всё отличного качества. Я каждый этот подарок принимал, скрепя сердце, просил больше таких не делать, но кто меня слушает?

Вот и сегодня надо будет к трём часам идти проверяться на магический дар. А бесплатно проверяют только раз в год, в обязательном порядке. Все остальные разы — за плату, и не так, чтоб чисто символическую.

Это всё потому, что три дня назад Ольге Алексеевне тот врач наговорил. В больнице же меня проверяли, но после того, как я оказался в «семье», меня проверили более подробно. И вчера я и Ольга пошли к доктору за выводами. И тот, гад, сразу выставил меня за дверь, мол, хочет поговорить наедине с опекуном. Ну, я-то вышел, но подслушивать мне же никто не запрещал, верно?

— Доктор, что-то не в порядке со Светой? — голос у Ольги Алексеевны был встревоженный.

— Нет, что вы, всё в порядке с вашим ребёнком. — доктор пошуршал бумагами. — Её развитие, гормоны, общее состояние говорит, что девочка абсолютно здорова и нередкость хорошо развита, будто она выпила какую-то дорогую алхимию. Но я немного не о том хотел с вами поговорить.

— А о чём?

— Кхм, понимаете, по анализам выходят так, что ваша девочка не того возраста, который она показывает.

— Что вы имеете ввиду, доктор?

— Мы все видим её разумность, и нам кажется, что ей примерно четырнадцать условных лет, а реальных — три-четыре. Понимаете? Но при этом тело у неё маленькое. Врачи при первичном обследовании и в том детдоме сделали вывод, что у неё просто проблемы с развитием, вот она и не выросла, проще говоря — карлик. Но более подробный анализ, который мы провели, говорит об обратном — она великолепно развита для своего возраста в примерно реальных полгода. Не больше.

— Но... как это может быть?! Она же, получается, ещё младенец — и при этом разумна! Даже обычные дети так быстро не умнеют!

— Я тоже так подумал. И у меня только одна мысль — у вашей девочки есть магический талант, причём немалый, и её эта разумность — проявление этого таланта.

— Ох, не может быть! Среди серпент почти нет магов! Только... двое, вроде, на весь Сиам?

— Ну, мало — не значит совсем нет. Возможно, именно ваша подопечная будет третьим. Так что я рекомендую вам провести оценку её магических способностей.

— Ух. Я в растерянности. А вы уверены, что всё именно так?

— Уверен, мы специально трижды проверяли её анализы — всё именно так, как и есть. Ей полгода, максимум месяцев восемь. И никак иначе. Но для своего возраста она абсолютно нормальная и абсолютно здорова серпента, на зависть другим.

Вот после этой всей фигни Ольга Алексеевна вернулась домой, поговорила с мужем и второй женой, а потом торжественно объявили мне, что вот сегодня к трём я должен буду пройти это магическое измерение. Или что оно там. Я не против, но не мешает ли это моим планам стать бухгалтером?! Я даже изменил свою мечту быть главбухом завода. Пойду в бухгалтерию ЦСБ! Попробуй кто меня тронуть, если я буду своим для службы! Интересно, а форма с погонами на мне будет хорош осмотреться? Надо в сети поискать серпент в форме... Главное, чтоб на порносайты не выкинуло, как в прошлые разы...

Покрутившись в магазинчиках, я хлебнул соку на лавочке в парке и вернулся домой. Там меня заставили почистить попону, причесали и загрузили в машину, чтоб отправиться в магический кабинет. Таких было всего с десяток в столице, да больше и не надо было, магов не так много, а тесты стоили денег. Так что в приятном холле этого заведения мы были всего пятером, если считать только детей — я, кролик, белк и двое девочек-человечек. Все с родителями или опекунами, ясное дело, и все, кроме нас, с гербами бояр или дворян.

Тут, оказывается, и дворяне есть. Это были такие себе полубояре, приближенные к царскому престолу сильные маги. Но дворянство могли давать и Старшие боярские рода, за службу своему роду. Но ни царь, ни бояре не давали дворянство наследно — только на три поколения. Если дети и внуки дворянина не проявили сильного магического дара, то правнуки уже становились простолюдинами. Так что у дворян был самый сильным стимул для развития своих магических способностей.

Естественно, те взгляды, что та нас бросали, были далеки от дружелюбия. Скорее насмешливыми — все же знали, что у серпент нет шансов стать магами. Даже у кроликов и белок этих шансов было больше, раз уж они с гербами, значит, их родители-деды всё же втиснулись в это небольшое количество. Ну и фиг с ними, я уже привык к тому, что на меня

смотрят. Чисто ради озорства я широко зевнул, показывая весь свой набор клыков и резцов. Взрослым хоть бы хны, а вот дети немного поёжились, инстинктивно чувствуя страх.

Я, кстати, позывов сожрать кого-то не ощущал, хоть и боялся, после Насти-то. Даже в семью кроликом идти не хотел, опасаясь, что буду смотреть не них, как на еду. Но нет, никаких таких позывов не было. Да и Настю я как таковую есть же не хотел, просто убирал следы самым доступным мне способом. Который, надеюсь, больше не придётся повторять.

От нечего делать я стал рассматривать комнату, в которой мы сидели. Удобные кресла, низенькие столики со всякими журналами «Вестник Магии», «Сто и один способ варить зелья по-современному» и прочими такими же. И большие, разлапистые деревья в широких кадках, своими ветками буквально закрывшие потолок. Видимо, какой-то маг их выращивает, а то тут света маловато для такого их изобилия.

— Эй, а как тебя зовут? — я подошел поближе к дереву, на ветке которого сидел большой, пёстрый попугай с клювом больше его головы. Попугай презрительно проигнорировал мой вопрос, равномерно мигая. — Ты что — не умеешь разговаривать? О, а повтори «Попка дурррак!»

— Светочка, ты что делаешь? — обратила на меня внимание Ольга Алексеевна.

— С птицей разговариваю. — я ткнул пальцем в попугая.

— Какой птицей? Там пустая ветка, деточка. — проворковала опекунша.

Опа, опять вижу невидимое? Взглянул на остальных, они явно не понимали, что за птица, а дети смотрели на меня, как на идиота. Значит, нету её для вас? Отлично! Раз она невидимая — то я могу её съесть! Давно уже не охотился, а попугай выглядел почему-то очень, очень вкусным! Прямо слюни во рту собирались от взгляда на него, а ядовитые клыки шевелились, чтоб быстро ужалить.

— Попка, яблочко хочешь? — я взял лежащее в вазе яблоко, отрезал несколько долек, одну стал есть, жмурясь от удовольствия, а другу протянул попугаю. — Смотри, какое сладкое, какое сочное! Мммммм!

Попугай некоторое время просто крутил головой, косясь то на меня, то на яблоко, потом, видимо, решил, что я достаточно безопасный, слетел с ветки, сел на руку и потянулся к дольке. И в этот момент я его схватил руками и дёрнул головой, чтоб впиться в спину и впрыснуть яд.

— Караул! Полундра! Убивают! Коська, спасаааай! — вдруг заорал он жутким голосом, вырываясь из моего захвата. Только половину хвоста во рту оставил, пожертвовав им ради свободы.

— Что тут такое?! — в абсолютно сплошной до этого момента стене открылась дверь и оттуда вышел мужчина лет тридцати на вид, с тревогой озираясь. Попугай мигом спикировал ему на плечо и устроился на спине, защищаясь «коськой» от меня.

— Она меня чуть не сожрала! Смотри, смотри, от моего прекраснейшего хвоста одни воспоминания остались! — попугай изогнулся, демонстрируя куцые останки былой красоты.

Из-за спины мужчины выскочил другой, лет пятидесяти, сухой и с блестящей лысиной. Он тоже услышал попугая и гневно посмотрел на меня.

— Так это ты решила съесть моего магического спутника? — мужчина с попугаем подошел ко мне, нависая сверху.

Я услышал хихиканье кого-то из детей за спиной, явно довольных тем, что выскочку-серпенту ставят на место. Скрип кресла донёлся с той стороны, где была Ольга Алексеевна, она явно хотела меня защитить.

— Да. — тем не менее я прямо смотрел в глаза мужчины. Ну не съел же я его курицу ощипанную? Как-нибудь вывернусь. Наверное...

— Ха-ха-ха, вот и отлично! Ему давно была нужна хорошая трёпка! А то совсем зазнался! — вдруг засмеялся маг.

— Коська, ты чо?! Эта хвостатая меня бы целиком проглотила! — закукарекал попугай, но мужчина только отмахнулся.

— Вот, возьми. — он вдруг достал из внутреннего кармана прямоугольничек визитки и что-то написал на обратной стороне. — Считай это рекомендательным письмом. Когда будешь поступать в любую магическую академию, приложи её — мои слова кой что стоят в магическом сообществе Сиама. Бывай, малышня.

Он развернулся и снова зашел в дверь, лысый убежал а ним, и дверь, закрывшись, будто растворилась в стене. Я посмотрел на визитку — там было написано «Мевой Константин Павлович» и номер мобильного телефона, а на обратной стороне просто слово «рекомендую».

Ольга Алексеевна сграбастала меня в объятия и оттащила к креслам, куда и устроила. Визитку отобрала себе.

Остальные посетители притихли, не понимая, как реагировать, а вот отношение местных магов явно изменилось. Как только из кабинета вышел мужчина с мальчиком, который проверялся, меня пропустили без очереди, лебезили и были самой вежливостью. Подвели к здоровенному, с баскетбольный шар, хрустальному шару и попросили приложить к нему руку — по цвету и интенсивности свечения шара можно будет судить, есть ли у меня талант и насколько большой.

Ну, я и положил. Шар несколько секунд думал, вообще никак не реагируя, а потом засветился светло-серым цветом, осветив всю комнату.

— Талант Воздуха как минимум пятого класса. Очень, очень неплохо, маленькая госпожа. — заулыбался мне проверяющий, внёс мои данные в компьютер, а мне и опекунше выдал сертификат о результатах.

Вечером все домашние собрались вместе и до самой ночи обсуждали, что теперь делать и как поступить. Мой талант их порадовал, но слишком шикарная магическая академия была не по карману даже Смирновым — так что топовая пятёрка выпадала из тех, куда я мог поступить. Но мне было на это плевать. Не очень я хотел становиться магом. Вон, тот же Трофим был магом — и чем это ему помогло? Ничем, он мёртв! Он, правда, слабеньким магом был, но всё равно! Нет, только причастность к «конторам» спасёт мою жизнь. Так что я был не против, но и не ставил на магию.

Разошлись мы, так ни до чего не договорившись. Впрочем, время ещё было, особо спешить никто не стал — начало учебного года я уже всё равно пропустил, документы только к следующему подавать можно будет.

На следующий день я, как всегда, пошел гулять. Доехал до остановки, где было моё любимое кафе, уже хотел туда зайти, как вдруг двое мужчин в строгих чёрных костюмах подхватили меня под руки, протащили за угол и буквально вбросили в шикарную машину, притаившуюся там. Честно сказать, я чуть не обосрался от страха! Что, вот и настало время мести мне?! Ну как так-то, я же даже как-то защититься не успел!

В машине, свернувшись на специально сделанном круглом сиденье, находилась серпента. С красивой светло-серой чешуёй, с длинными серебристыми волосами, красивым, высоким лбом и большими, синими глазами. Очень знакомыми глазами, я точно такие же

видел каждый раз, как смотрелся в зеркало.

Мы с серпентой некоторое время сидели, разглядывая друг друга. Наконец она решила прервать тишину.

— Здравствуй, Светлана.

— Здравствуйте, моя биологическая мама. — ответил я, давая таким оборотом понять, что она мне явно не родная по духу.

Серпента поняла, глаза её сузились. Наверное, она и губы поджала, но я этого не видел — всё ниже глаз было закрыто такой фигнёй, типа как у восточных женщин, края которой крепились к еле заметной серебряной сеточке в волосах. Но и одни глаза позволяли судить об эмоциях.

— Значит, ты поняла.

— Сложно было не понять, у меня ваши глаза. — я пожал плечами.

— Да.

Мы снова замолчали, понимая, что разговор совершенно не клеится. А чего б он должен был клеиться-то? Мы абсолютно чужие друг другу люди. Кхм, серпенты.

— Я понимаю твою... твоё равнодушие ко мне, Света, я не могла поступить иначе. — стала оправдываться мама. — Я даже не знала, куда вас дели! Я спала, когда ваши яйца унесла моя мать!

— Конечно, я всё понимаю. — кивнул я, а потом продолжил. — Теперь те эмоции, что я испытала, появившись на свет в засратой, тёмной канализации, кишасей крысами, которые меня чуть не сожрали, будут восприниматься мной совершенно иначе!

В конце своей тирады я чуть не скрежетал зубами. Ага, иначе поступить не могла. Судя по всему, она тётка не бедная, а тут взяла и своих детей спихнула в унитаз. А, и бабка тут тоже замешана, змеюка старая. Сука, семейка у меня дай боже, оказывается!

— Я надеюсь, *дочка*, что ты никогда не окажешься в таких же обстоятельствах, что и я, и тебе не придётся делать такой же сложный выбор. — серпента сохранила хладнокровие.

— Конечно, не окажусь, у меня же нет нужных качеств, чтоб спускать своих детей в унитаз. — а я не собирался сглаживать ситуацию.

Снова наступило молчание, прерванное грустным вздохом серпенты.

— Как-то у нас всё не складывается. — она покачала головой. — Но в любом случае я рада, что увидела тебя. Ты ещё такая маленькая, но уже так много успела испытать. Прости, что я не могла тебе помочь до этого. Если ты хочешь, то я могу принять тебя в семью, удочерив — и ты станешь на самом деле моей дочерью.

— Я привыкла добиваться всего своими силами. И не люблю подачек. Так что спасибо, но нет.

— Хм, сильная и самостоятельная малышка. — судя по движению ткани, она улыбнулась.

— Я хотела бы спросить — а кроме меня, кто-то ещё выжил? Я самая последняя выбралась из яйца, до меня тепло от трубы почти не доходило.

— Два мальчика. Они выбрались наверх где-то за полгода до тебя, но их успел усыновить род Младших Бояр. Вообще удивительно, что ты настолько разумная в таком возрасте!

— Врачи считают, что это из-за магических способностей.

— Ах да, точно! — улыбнулась серпента, а я понял, что она уже в курсе всех моих происшествий. Даже тех, что были вчера. — А теперь и у меня есть просьба. Выполнишь её?

— Какая? — я насторожился.

— Я хочу тебя обнять.

— Ммммм. — первым моим желанием было отказаться. Но потом подумал — а почему бы и нет? — Хорошо.

Серпента слезла со своего круглого сидения, подползла вплотную и обняла, прижав к своей груди. Кстати, достаточно большой. А я... я тоже прижался к ней. Матерей не выбирают, и хорошо, когда они есть. И даже немного любят тебя. В её объятиях я чувствовал тепло, приятный запах тела и слышал учащённое биение сердца.

— Ладно, хорошего понемножку. — отстранилась она от меня, держа за плечи на вытянутых руках. — нам пора прощаться. И ещё, я помогу тебе с магической академией.

— Не надо! Я сама...

— А ну тише! Ты моя дочка, что бы там ни было, и я не хочу, чтоб мой гениальный ребёнок прозябал в какой-то дыре! И не смей спорить! Поняла?!

— Поняла. — обречённо кивнул я. Ну не драться же с ней? Кто-то снаружи открыл дверь, и я стал выползать, обернувшись в последний момент. — Пока, мама.

— До свидания, дочка.

Что она имела ввиду под «помощью», я узнал на следующий же день с утра. Потому что к нам в дом заявился не кто-нибудь, а член приёмной комиссии Царской Академии Магии, самого крутого подобного заведения страны. Лично прибежал и стал *уговаривать* Смирновых отдать меня туда. Разложил кучу буклетов и справочных материалов на журнальном столике в гостиной и стал профессионально вешать лапшу на уши, расписывая преимущества. Хотя это же крутая академия, может, он и чистую правду говорил. Про новейшие методики обучения, лучших преподавателей, практические занятия в натуральных условиях и прочее, прочее.

— Кхм, это всё хорошо. — прервал главный Смирнов. — Но вот на счёт оплаты... Вы понимаете...

— О, об этом не стоит беспокоиться! — отмахнулся мужичок. — Мы учли обстоятельства того, что Светлана — сирота, а так же успела восстановить законность в царстве при том, что она только ребёнок... Так что её обучение пройдёт за счёт благотворительных фондов, а от Академии ей будет назначена стипендия! Не особо большая, но достаточно, чтоб ученица не чувствовала себя обделённой среди других учеников.

— Это в корне меняет дело!

— А у нас ещё есть такое. — Ольга Алексеевна протянула визитку Мевоя, которую забрала себе.

— Ого! У вас есть даже рекомендации от такого уважаемого мага? Это просто отлично! — мужичок уважительно покрутил в руках визитку и положил её в моё «дело».

Конечно, мои опекуны согласились отдать меня туда. И даже прямо сейчас — при академии был лицей на случай таких вот поступающих, которые обнаружили в середине учебного года. Там обучали азам магии, нужными для поступления, помогали лучше раскрыть свой потенциал и прочее подобное.

Через неделю я уже был на ступеньках лицея с чемоданом в руке. Попрощавшись, Ольга Алексеевна ушла, а меня повела в мой класс учительница. Мы зашли внутрь, и я посмотрел

на других учеников, всего семь человек, я был восьмым. И все, сволочи, при гербах и в такой одежде, что я свои не самые плохие вещи ощутил обносками с помойки. Они и смотрели на меня примерно так же.

— Ну, Светочка, представься. — посмотрела на меня учительница.

Я вздохнул и произнёс:

— Я Светлана Найдёнова. Рада видеть вас. Надеюсь, и вы тоже рады видеть меня.

Ученики равнодушно смотрели, никак не реагируя, только красивая блондинка, полировавшая пилочкой ногти даже перед учительницей, скосила на меня взгляд, фыркнула и вернулась к своему занятию.

Мдааа, это будет непросто.

КОНЕЦ!

Больше книг на сайте - Knigoed.net